

1483125

Доктор ХАС

Рождение

 Вологодская областная
универсальная научная
библиотека им. И.В.Бабушкина

ДАР Кер БУТ
Т. П.

Доктор ХАС

РОЖДЕНИЕ

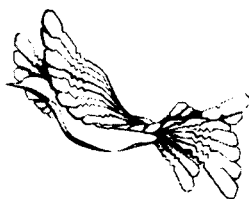
три рассказа, песня и три повести для детей - взрослых

1483125

Вологда

2004
ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

По заказу АО-Учебный Центр «Мастерская Халова»

РОЖДЕНИЕ

Доктор ХАС

Составитель - Маркова Римма Григорьевна

Редактор - автор

Корректор - автор

Набор - автор

Верстка - Корякина Е.В.

Художник - Александра Немирова

Отпечатано в типографии «Альфа-принт»

Тел./факс (8172) 79-51-99, 25-19-59,

e-mail: idv@votel.ru, www.alpha-print.ru

**По вопросам распространения и издания книги
обращаться по телефонам:**

(8172) 25-98-13, (8172) 23-66-19, (8-911) 502-23-99

«Рождением этой книги я обязан исключительно моим первым читателям: друзьям. (Такая книга не входила в мои писательские планы.)

Именно они - мои первые, придирчивые и одновременно доброжелательные, читатели подсказали, рекомендовали, настояли и даже потребовали. Одно мнение – случай, десять – система: мне пришлось задуматься. А аргумент – «Пока ты соберёшься издать свою следующую по плану книгу, готовые произведения одной идеи пусть работают уже сейчас, они нужны. Почему они лежат без дела?!» – меня убедил.

Благодарю Ольгу Александровну Фокину за вступительное слово, напутствие и пожелание.

Надеюсь, что собранные в один замысел и публикуемые здесь произведения будут интересны, послужат людям».

Автор

ОБ АВТОРЕ

Он - Халов Александр Сергеевич. Как какой-нибудь Иванов Сидор Петрович. Или Сидоров Пётр Иванович. Или Петровичансидорович...

Пресловато.

Вывеска над его творческой лабораторией звучит совсем по-другому, а именно: «Доктор ХАС».

И не исключено, что кое-кто из простодушных воложек(-ок), поражённых заораживающим отсутствием очереди к ДОКТОРУ (!) да ещё с такой популярной по нашим переоборудованным временам ИНОСТРАННОЙ фамилией, исключительно интуитивно, даже без надлежющего в таких случаях хотя бы самого робкого стука в заветную дверь, приоткроет для себя щелочку и убедится: да! Действительно!! Сидит!!!

Весь - в белом. В стерильном. - Пожалуйте-с!

И - пожалуются. Убо чего-чего, а этого добра хватит. На что пожаловаться.

И ведь - выслушает! И всё проанализирует. По одному волоконцу, по малой пушиночке, по молекулке вас распаривает, всякую косточку любовно промоем и - в отдельной судок - пицетиком. Потом где-то повитает - в мирах, вам едва ли доступных. Помыслит. И всё соберёт обратно. Как было...

Ах, не тут-то было!

Обнаружится некий недостаток. Вроде бы, всё есть, а... Вот то-то и оно! Душа-то - ах! Не откликается.

У него, знать, осталась. Для опытов.

Вот и постракельный, болезный, по этим страницам, пощипи, что потерял, доверчивый. Тут она где-то, душа твоя. Растворена только, размешана-разбавлена, расфасована...

Писатели - они такие! И этот - не лучше.

Ольга Фрокина

Возвращение

Не грусти, не печалься,
О, моя вера, -
Есть ещё на Земле
У тебя сыновья.

Булат Окуджава

«Эта история – реальный и переданный в точности сон одного моего пациента, моего друга.

Когда он поделился им со своими родными, те посмотрели странно. (Не ешь на ночь, не будет сниться всякое... Ерунда. А он-то, он, мол, это очень серьезно!... Да что ты... А как?!)

Когда он рассказывал, как было, монаху Оптиной Пустыни, – случайная встреча и часы, совместно проведённые в Москве, – тот смотрел зачарованно, слушал благоговейно. После сказал, плеская радостью: «Господь, видно, ведёт тебя». (Из глупости он спросил: «Что?»)

Когда сон узнал я, подумал...

...Впрочем, моё дело писать».

*

...И снится мне: мы, я и мой отец, всю жизнь идя, оказались на горней тропе. С чего вдруг?

Мне кажется, мы проделали длинный путь. Теперь – в каком-то огромном здании.

Перед нами коридор. Нам путь по нему.

Коридор в своём начале широк. Он пуст, не освещён. Источника света нет, но нет и мрака. Будто сумерки. И в этих сумерках всё, что кругом нас, нам видно.

Вдруг понимаю: что-то здесь не так. Внутренностью своей, сущностью - чем-то - понимаю. Не сознанием, не умом. Здесь всё понимается не умом.

Понимаю: гиблое это место. Но почему? Почему?! Не знаю. Определяю его для себя откуда-то взявшимся во мне старым словом: нечистое.

Стоим. Осматриваемся. Соображаем. Мы не знаем, откуда пришли, не знаем, куда теперь идти. Не понимаем вообще, где мы. И где это место.

Коридор, при входе, где стоим сейчас, широк. Сужается вдали. В стороны - множество ответвлений – боковых коридоров, множество дверей.

Неожиданно, в примыкающем к главному боковом коридоре, возникает и сразу начинает надвигаться на нас призрак. Нас охватывает ужас! Цепенею...

(Призраки бывают разные. Мы знаем даже о Каспере и его друзьях - эти милы. Надвигающийся явно не из тех. И не сулит ничего: не сулит жизни.) Он не летит - он словно набухает! Бесшумно увеличивается в размерах! Беззвучно надвигается на нас! Вот сейчас схватит!...

Схватит и вытрясет. Что?! Что!!!!... Отчего я так трясусь его?!!! ...Душу.

Оказаться в его власти, в его объятиях-руках ужасно. Оказаться - невыносимо! Отчётливо сознаю почему-то, что при этом точно останусь жив. Но это буду уже и я, и не я.

...Н-н-не-ет!!! (Крик в душе.) Нет! Ни за что!... Я сопротивляюсь тому!

Но что, что делать мне?! (Всё это - в мгновенья.) Я пропал, понимаю я.

Но одновременно изнутри толкается что-то.

Но что-то – что?! - с детства, от рождения в каждом из нас живёт.

И я, как каждый - верующий и неверующий, крещённый и некрещённый - в такой ситуации начинаю (безотчётно) творить одно: креститься.

Начинаю креститься (А все соображения приходят только потом!) и радуюсь! - радуюсь! Да, конечно, конечно! - надо же креститься! О! В этом спасение! В этом! И продолжаю: крещусь.

Перекрещиваю себя - призрак идёт. В отчаянье перекрещиваю его. Пропадает.

...Пропадает и мгновенно из дальнего конца (оттуда же сбоку, возникает) и набухает опять. И всё повторяется снова: крещусь сам, открещиваюсь от него.

Но уже - нет мне: призрак продолжает беспрепятственно навигаться.

Перекрещиваю себя с большим усердием. Перекрещиваю его. Ну же, ну!!... Не помогает. Крещусь. Не помогает. Крещу. Не помогает. Крещусь!!!...

Не рассуждаю ни о чём, только крещусь: крещусь сам, перекрещиваю его.

Не- по-мо-га-ет... Почему уже?! Догадываюсь: я не знаю, как правильно кладётся крест. То ли справа налево, то ли слева направо. Наверное, в этом всё дело.

Но, боже мой!... В Бога я ни верю, ни не верю, (вряд ли он есть) а вот призраки нечистые так почему-то бывают... Какая нелепица, какая несправедливость. Так быть не может! Неправильно устроен мир!

Кто же защитит нас!?!...

...Но значит и Бог есть! Значит, он поймёт!... Главное, я крещусь. Я использую его символы! А как – есть ли разница?! *Главное - я обращаюсь к нему. А как - разве это важно!* Это не должно быть важно. Разве он может допустить, чтобы мы пропали! Зачем Ему ещё пропащие души!

Перекрещиваюсь снова и снова. О боже, не помогает.

Оборачиваюсь к отцу, спрашиваю у него: «Я правильно крещусь?» А он растерян совершенно, он отвечает: «Не знаю... меня... этому не учили».

Тогда поворачиваюсь лицом к опасности и *попросту усердно, не думая, не размышляя ни о чём, крещусь.*

Призрак пропадает, чуть-чуть-чуть не успев долететь и пожрать нас.

...И возникает опять. Ясно понимаю: это – ничто, наш крах.

И в отчаянии, –

Мысленно, и сердечно,

Собравшись в одно существо, и произвольно,

Чем-то – чем, мне неизвестно,

ОБРАЩАЮСЬ:

...Спаси!

Этим своим отчаянным «спаси!» словно *в себе пробиваю брешь*. Разрушается неверие, преобразуется моё существо. Оно слушается душу.

Призрак пропадает. Мы живы, не тронуты. Переводим дух. А коридор вдруг становится полон людей.

...А наша тропа, наш путь становятся полны людей.

Или – кого-то в образе людей, потому что мы чувствуем: что-то здесь не так. Что-то в глазах, что ли, иное у этих «людей».

Мы среди них, мы в их власти. Они указывают нам, что делать, куда идти: как жить. Исполняем. Стараемся никого не касаться, ничего не трогать. Отчего? Мы уже не понимаем: что здесь и кто. Кто – люди, а кто – ...и это только догадка, – моя! – меня, *с ума сшедшего человека*, – догадка на острие чувств! – ...здесь бесы. На вид – все одинаковы. У всех – человеческое обличье. Да, на вид все одинаковы, пока сущность не выпрет наружу. Вид у всех человеческий, что внутри?

...Кого-то проводят мимо нас по Коридору, кого-то заводят в боковые Ответвления, в боковые Комнаты. Оттуда больше не возвращаются.

Нас заставляют что-то делать. (Что-то отремонтировать, раз мы столяры и плотники.) Дают пилу, молоток, гвозди. Наша задача обычная, земная: то ли доска отвалилась, то ли дверную ручку надо прибить, что точно – не помню. Это не важно.

Важно, что я (ощущаю себя) – как один наблюдающий всё глаз, он – всё тело.

...Важно,

Что неведомо откуда,

Из каких-то во мне глубин, как с небес,

Возникает у меня невероятное!

Мысль? Разумение?

Движение сердца?

Идея?

Ничего не знаю. Ничего не хочу *знать*.

Она не есть что-то разумное, сознательное, логическое, – плод ума, его размышлений, – нет! Она – рождение сердца, души, она – *их идея!*

И даже про себя я не формулирую, не проговариваю её. Отчего? Боюсь. Боюсь нарушить! Боюсь нарушить её своим умом.

(Мой ум... Он настолько силен, что способен завести меня в любые дебри! Перестаю пользоваться им, боюсь.)

И ещё одного боюсь: как бы те, кто вокруг нас, не догадались.

Сейчас они не обращают внимания на меня, даже (вот вопрос?!) доверяют мне.

Мне скверно. Но почему бы и нет?! Я такой же! Я такой же, как они, как все здесь, – я от них.

И я неверующий. А вот если!...

Я начинаю неосознанно, действую по наитию! Но убеждён: на-верняка.

От наших с отцом работ остался молоток. (Грубый, неудобный, ручка шершава.) Осталось несколько рассыпанных по полу гвоздей.

Сковав свои чувства (нельзя выдать ничего! Нельзя выдать себя ничем) – начинаю. Вот одна моя рука подобрала молоток, вот другая (странно, я взираю на себя как со стороны?!) подняла несколько гвоздей, вот я выбираю гвоздь - и место, куда его вбить. (Отец с недоумением смотрит на меня... Ах, если бы только он догадался, ах, если бы только понял моё намерение он прикрыл бы меня! Ведь я – как кажется мне - ясен, я как на ладони. Но отец не понимает - он другой. Я же не могу подать ему никакой знак. И отец ничем мне не может помочь. Мы вдвоём, и я - один. Странно: я как бы обороняю нас обоих.) Просматриваю гвозди. Всё или маленькие, и по размеру несоответствующие моему делу, или большие, да уж совершенно кривые, а кривого гвоздя не вбить. Обращаю внимание на средний один. Колеблюсь, ведь мне для моего дела (думается именно так) нужен большой, очень большой, очень крепкий гвоздь. Что - малые... Огромно замысленное дело!

Неожиданно у меня забирают все гвозди. Успеваю утаить между пальцами один, меньший среднего. С огорчением ощупываю его, тайно осматриваю его. Мне не остаётся ничего иного, как воспользоваться им.

(Некогда уже, уже начинаю привлекать внимание. Думаю: почему? Ах да, ах вот что: *в моих глазах начинает светиться, отражаться то, что зачато внутри.* Это зачатое вливается в сознание, проникает в ум, доходит до глаз. Смотрю в стороны, в стену, в пол – они свои, они чистые. Не поднимаю глаз. Зажимаю чувствами в теле душу.)

Сединственным (но с муками: а вдруг он сознётся? что мне тогда делать, я погиб! а вдруг не успею! а вдруг перехватят и не дадут! погибну! ну и пусть! я не останусь *здесь, среди этих* более) – коротким тонким гвоздиком направляюсь к стене. Направляюсь к тому месту, где мне приказано было ранее что-то прибить, вбить. Я уверен: *творить с верой всё равно где, место не важно.*

И,
Собирая в едино
Всю свою мизерную
Новородившуюся, жалкую неверующего веру,
Не думая, НИ НА КОГО не рассчитывая,
НИ НА ЧТО не рассчитывая,
Не мысля, и не рассуждая,
обращаюсь.

Нет - вопию!

Потому что не обращаюсь мыслию - ТВОРЮ ВЕРОЙ.

В переводе на язык разума, на язык мысли, на язык человеческого *это* звучало бы так:

«Господи!

Пусть все и вся,

что здесь, вокруг меня от дьявола,

сгинет! Вобьётся, уйдёт с моими ударами по гвоздю.

Исчезнет, не-до-тро-нёт-ся до меня.

Я не хочу быть с ними, я не их!

Дай столько, дай таких сил.

Направь. Благослови!»

С тем наставляю гвоздь и начинаю вбивать. Не ощущаю при этом ничего нового, ничего необыкновенного.

За исключением невероятной уверенности где-то внутри.

Не пришло ниоткуда, ничьей поддержки (о чём я молил вначале), всё новое только внутри самого себя.

Но это новое - чувство? - оказалось *так велико*, что с первым моим ударом всё переменяло! Сразу. Вмиг.

Вдруг в этом коридоре всё закружилось гигантской неудержимой воронкой!

С усилием творю ещё один удар! Ещё удар! И ещё! И отхожу.

Боже... ж, что случилось! Как изменилось кругом. *Что, оказывается, вытворяется всегда вокруг нас.*

... Что делается вокруг нас!... Стоим, прижавшись с отцом друг к другу спинами, испытываем брезгливость, страх.

Круговорот, сужаясь воронкой к шляпке гвоздя, втягивает в себя всех, кто доселе окружал нас. Здесь не было людей, всё бесы. Дрожа, мы замерли, наблюдаем. Размахивающие руки, пинающиеся ноги, корчащиеся тела - вопли, хвосты. Откуда! Откуда всё?!...

Всё кружится, сминается, стирается в вороночном водовороте!
Шляпка вбитого мною гвоздика - огромная тяжёлая дверь на тугой пружине: приоткрывается, прихлопывает, вгоняет в стену входящих, не даёт им вернуться, нас взять.

...Наконец, стихло. Остаёмся одни. Коридор наш, наш горный путь, чист, пуст. Впереди светлеет.

Влияние Его, Его присутствие неощутимо, всеобъемлюще.

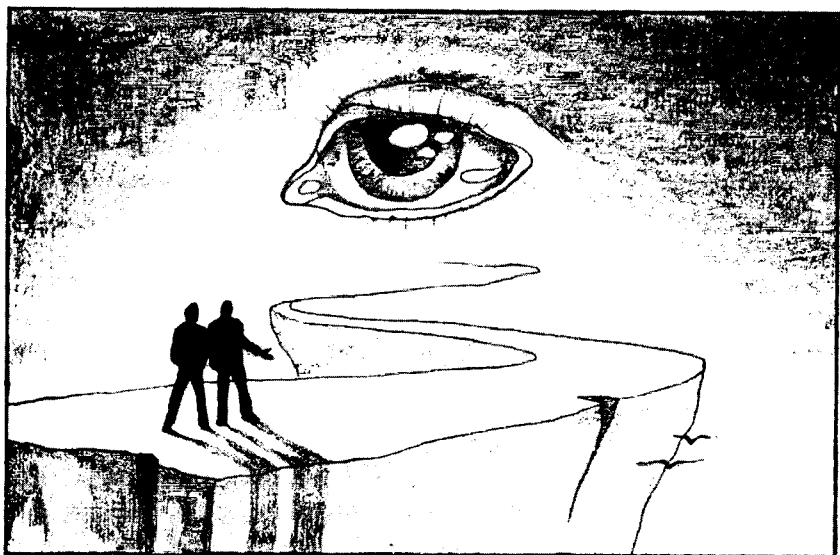
Нам спокойно, мирно, тепло.

Мы знаем, куда идти,

И уходим.

1998 год

Усадьба Архангельское

В эпистолярном жанре

или
Соперники

повесть, нарисованная в письмах

1.

Володька, здравствуй!

Пишу тебе из белозерской деревни. Жена настояла, чтобы в этом отпуске всей семьёй поехать к её родственникам. «В деревню, к тётке, в глушь, в саратов...» Детей захотелось вывезти на лето на природу, подальше от города, городской грязи и городской пыли. Это, конечно, надо.

...Ну и нашла такой уголок у своей тётки. Лесной воздух, коровье, козье молоко, речка... В общем, им здесь всё нравится, кроме чёрно-белого телевизора. Нам со Светланой тоже. Загораем, купаемся. Начало июня, дел особых нет, помогать, кажется, не в чем. Ну да Светлана тётка и не даёт нам ничего делать, считает, что надо москвичам поднять здоровье. Закармливает нас своими пирогами, творогом домашним, сливками, маслом, заливает молоком. Дядька всё время пытается меня напоить, то есть напоить так, как здесь полагается - дорогого гостя, то есть, до ус..чки. Ну, то есть, до положения риз. А ещё лучше, до поросычьего визга. Я вначале сильно упирался, а теперь... Сил нет. Вернее, силы как раз на это появились. Так что, всё возможно, как-нибудь мы с ним в хлеву очнёмся под утро.

В общем, зря времени не теряем, наслаждаемся деревенской жизнью. Домой, ведь, как вернёшься, как окунёшься опять в «город», в работу, так только недели замелькают. А тут ходим не спеша. Несколько дней было холодно, так я даже в дядькиных валенках по дому бродил - красота. Ногам мягко, тепло.

Неделя с небольшим прошла, а кажется, будто месяц живём. Жизнь здесь будто удлиняется. Осталась нам ещё неделя, потом оставим детей в деревне, у тётки, сами съездим в Петрозаводск, к предкам. Надо.

Я, как всегда, здоров. Светлана здесь пободрее стала. А Юлька с Димкой – вообще хорошо. Света всё жалеет, что никакие заготовки в июне нельзя сделать, поделали бы здесь, пока отдыхаем, да увезли домой. Тётка уверяет, что сделает сама, только приезжайте, заберите осенью. И малины, говорит, наварю, и брусники. И клюквы наношу, берите. Картошки - пожалуйста, сколько угодно можно брать. Дядька говорит, что бычка будет колоть, мяса отделит и нам, забирайте, мол. У нас только слюнки текут. Но как я поеду, это же такая даль, как это всё везти? Машины у меня нет, а если кого-то нанимать, или даже если кого-нибудь из приятелей просить, то на один бензин столько денег уйдёт, что рентабельнее и проще купить всё в магазине, у себя под боком. Так что... Вот мы и ходим, вздыхаем и мечтаем. Была бы своя машина, я, конечно бы, не утерпел, скатался за домашней выделки продуктами, одни сливки здесь чего стоят. Но мои заработки, Светланкина зарплата не позволяют нам, практически, ничего лишнего. Какая нам машина – мы кроме еды, одежды, расходов на что-нибудь из мебели раз в год ничего существенно из покупок себе позволить не можем. Сейчас, вот, мечтаем о компьютере для ребят. Это же хорошо, если они с детства привыкнут к компьютеру, будут с ним «на ты». Вроде бы и пальто Светланке надо новое, да и у меня зимняя шапка никуда не годится. И вот, сидим мы иногда с женой, рассчитываем, уже намереваемся отложить денег на какую-нибудь вещь ей или мне, а кончается всё тем, что купим что-нибудь детям. Может это и неправильно, но мы как-то переориентировались, как бы себя поставили на второе место, а их на первое. Поэтому новая Димкина курточка мне, например, «заменяет» две новых мне. Телевизор – это в семье для всех, поэтому телевизор и «видик» в этом году мы обновили. (Видеомагнитофон был ещё советского производства – помнишь «Электронику ВМ-12»? А телевизор «Рубин» ламповый? Всё это у меня пахало исправно, но всё-таки нам хотелось более удобных, современных вещей и мы разорились

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

1483125

на хорошие телевизор и видеоманитофон.) Это приобретение совсем недавнее, так что ты о нём ещё не знаешь. Шик, просто обалденное удовольствие вылезть в субботу вечером из ванны и посидеть всей семьёй у телевизора. Кассет пока своих нет, берём в прокате или у знакомых. Ну а ещё наше достижение – отдельный школьный уголок Димычу. Это уже не покупка, не разорение, потому что стоит подобная вещь очень много (для нас я имею ввиду), это моё и достижение, и изобретение. Делал я сам. Считаю, что год шаркал - пилой, рубанком, напильниками, дрелью и так далее. Димку возле себя каждый раз держал в обязательном порядке. Хоть их в школе и будут потом на трудах учить, но если дома никто своими руками ничего не делает, я считаю и дети, когда вырастут, в своём доме ничего сами, своими руками делать не будут. Так что мы с Димкой вдвоём или, вернее – я, при его мешанин и порчении моих заготовок, делали.

Не знаю, интересно ли тебе то, что пишу, ты у нас человек творческий, тебе мои заботы могут показаться мещанскими, обывательскими. Ну что делать, мне нравится так жить. Я помню, сколько мы с тобой спорили, всё равно меня не переубедишь: семья у человека должна быть на первом плане.

Очень хотелось побывать у тебя, но сам видишь: не получается. Хочется посмотреть на тебя ТАМ, посмотреть, как ты там вообще устроился. Мне до сих пор непонятно, хотя столько раз уже мы говорили об этом: как ты решился удалиться от благ, так сказать, цивилизации? Мы вот здесь отдыхаем, можно сказать, и телом, и душой, но постоянно жить здесь – извини... Тётка с дядькой, как встают в пять-шесть утра, так весь день на ногах: корова, овцы, поросёнок, куры, огород, печка, дрова... Это же деревня! Сам образ жизни, место обязывают. А дядька, хоть и любитель заложить за воротник во всякое время, вкалывает, дай бог. Тут и после работы и до работы такая же работа, если не больше. Ни душа, ни ванны, ни отопления. Очень трудно тут жить.

Ехали мы сюда долго и поразмышлялось мне чего-то, пока сидел в поездах и автобусах. И кое что стало понятно. Ответ: так или нет. Я вот прикидывал в сравнении с тобой: почему я держусь своей работы, квартиры, семьи. Не то, чтобы цепляюсь, скажем, за работу или квартиру, но держусь за них - сам понимаешь. Я живу этим, это главное: семья, потом квартира, потом работа. Надо детей поднимать, надо быт улучшать. Я не могу себе позволить заниматься чем-то посторонним, не зарабатывать или мало зарабатывать. Увлечения, конечно, есть, как у всех, но они только в свободное время. Дачный

участок, вот, взяли, огород разрабатываем. Даже фундамент будущего дачного домика заложил. Видно, так от родителей мне передалось: (у моих предков по сорок лет трудового стажа и по одной записи в трудовой книжке!) в жизни должна быть одна работа, одно постоянное место жительства. Ну и – это уж совсем естественно! – чтобы одна жена (а не на каждый разный период жизни разная, это камень в твой огород). Чтобы дети всё время были рядом. Бывает что-то и хочется изменить в жизни (ну бывает, у всех наверное бывает иногда, моментами какими-нибудь), но взвесишь, оценишь всё нажитое, и сразу страшно становится всё потерять. Да и последствий дальних опасаясь, которых никогда нельзя до конца предвидеть, особенно при поворотах судьбы. Так что – «нет». Я даже не наступаю на горло собственной песне, как бы сказал ты, я просто ценю то, что уже есть, что нажито.

А у тебя всё, тем более всё бытовое (или, может, я не прав?), как попугайчики. Всё и все у тебя до тех пор, пока пути совпадают. Ты не держись ни за что. Вернее, ты держись. Но лишь за одно: за свой путь. Идёшь с кем-то, с чем-то, потом вдруг, или не вдруг, я теперь уже не понимаю: «вот, новый поворот, и мотор ревет, что он нам несёт, омут или брод, пропасть или взлёт?» Да? «И не разберёшь, пока не повернёшь! За поворот!...» Так? Эх, вот уж не завидую тебе иногда!... Бывало, вижу, как ты круто заворачиваешь руль, ну, думаю, поначалу, по первым случаям думал: всё, опять Володьке не повезло - авария. Потом стал чувствовать: что-то не так, не совсем так. А теперь думаю, что совсем всё не так: по тебе не сказать, что ты на обочине. Как будто даже всё наоборот. Своеобразные у тебя достижения. И рост. Наши друзья-приятели какие уже карьеры сделали, каких вершин достигли! Ну, свою карьеру я тебе только что назвал. А твоя карьера, так действительно, от слова «карьер». (Из серии: аллюр, галоп, карьер) «Золото Маккены» – твоя карьера. (А обо мне – ты не думай, я не иронизирую, я даже в чём-то горжусь тобой - обо мне действительно нечего говорить: мои достижения все налицо, ты их видишь, когда приезжаешь.)

...Причём, всё у тебя начинает происходить как раз тогда, когда жизнь налажена, когда всё спокойно: живи и пожидай плоды прежних трудов.

Ну как это так: не нравится тебе легко и спокойно жить, что ли?! Как будто ты решил себе поставить за принцип: не почивать на лаврах. (Так спи теперь на соломе. Шучу.) Ты даже как будто страшишься этого: тебе страшно почивать на лаврах.

А ещё ты, по-моему, водитель, который решил проехать по всем дорогам.

И вот, поэтому, начало новой, следующей, очередной дороги проезжаешь, ухабы, завали, зигзаги, виражи крутые миновал, вышел на ровный участок, впереди только чистый асфальт и всё заранее известно по карте - известен теперь весь твой маршрут на этом пути. Тогда на первом же подходящем перекрёстке: тормоза до отказа, - вой, скрип, скрежет от этого, - руль в нужную сторону тоже до отказа (нервы, наверное, тоже). Встречные - поперечные - в стороны, попутчики, если какие и удержатся, то только самые-самые верные. А ты (как бы ты образно выразился, дай подумать, с чем бы сравнить, ну, например) - а носорого-слоно-гиппопотам поворачивает туда, прёт туда, куда захотел повернуть. Тот, кто встанет на пути, будет либо перешагнут, либо снесён, либо отлетит в сторону от движения, как пылинка.

И вот ты на новой дороге. Новые ухабы, повороты, перевалы, рытвины - новизна ощущений. Ну что, горки миновал, пошла ровная дорога. И всё известно по карте. Чуть-чуть по ней ещё тогда проедешь. И снова выглядываешь что-то. Что? Ну чего тебе опять не хватает?!...

И опять баранку судьбы вправо-влево, и всё по новой опять. Вот кошмар... Ты не думаешь, что когда-нибудь не удержишь руль? Хотя у водителей и растёт мастерство с количеством пройденных поворотов.

А близкие? Близкие могут не выдержать, могут вообще, совсем не понять, испариться. (Мне-то что, я далеко и могу, так сказать, наблюдать издали за «водородными взрывами», из укрытия, в безопасности. Могу я, товарищ, причислить себя к Вашим близким?)

В общем, раздумывал-раздумывал я, сидя и глядя в окно, над всем этим да и проанализировал как-то, для себя незаметно, всё это. Всё, что происходило у тебя на моих глазах и потом. Сам понимаешь, профессиональный бзик. Бывает и свои-то действия, поступки машинально анализируешь на эффективность, целесообразность, конструктивность и так далее. Вот мы, например, когда со Светланой выбирали, где взять дачный участок, она говорит одно, а я ей - полную раскладку: стоимость проезда, качество земли, количество земли, наличие речки, наличие автобусного маршрута, возможность подвести электричество и так далее. В итоге выбрали для дачи не самый ближний участок. Но он практичнее всех других и для души, и для тела!

...Я прошёлся по кругу твоих занятий (увлечений) за те годы, которые мы знаем друг друга. (Ведь мы с тобой уже дай бог сколько вместе. Два года в школе в старших классах, вместе поступали в институт, да пять лет проучились вместе, да при этом три года прожили в одной квартире. А что было у тебя раньше, я, наверное, могу экстраполировать.) Получилось у меня так: при мне ты как раз однажды прошёлся по некоторому кругу занятий. Это заняло лет семь. Потом ты расширил его, вышел, так сказать, за свой обыденный круг, дополнил его новым. И вернулся на круги своя. Ты вернулся к кругу прежних своих увлечений-занятий, включив новые, в свой обыденный круг. И в дополнение вернулся уже на другой высоте (глубине?). И пошёл снова по кругу. И далее. У меня получилась расширяющаяся спираль. Она начинается из точки (эта точка – это точка рождения) и идёт вверх направлением раскручивания своих расширяющихся колец. Мне стало завидно: так жить!!! Но – ну тебя на фиг... В общем, - к аллаху, конечно же.

Теоретически, при рисовании фигура красивая. (Вернись, попробую развернуть её на компьютере.)

По-моему, ты пробуешь себя в каком-то деле (профессии, области занятий, области знаний), пока не постигнешь их на ту высоту (глубину?), которая... Тут я долго не мог уяснить, не мог определить даже саму постановку вопроса: что? чему? Долго напрягал ум, думал, вдруг осенило (вертикаль-то поднимает возрастная составляющая!): которая соответствует возрасту.

Попробую объяснить. Получается, ты имел какие-то задатки, таланты: способности. И ты с детства «пошёл» по ним, как по увлечениям. Пошёл, конечно же, машинально. Затем то же получилось в юности. Со стороны покажется: ты увлекался. Я говорю теперь: ты использовал, применял, заставлял работать свои задатки, свои таланты. Развивал их.

Так, стоп, ещё раз. Ты от рождения, от бога, так сказать, получил какие-то способности. Вначале, в детстве, ты не понимал этого. Просто занимался тем, что тебе было интересно, что привлекало - «щупал». Затем тоже самое (когда смог сам делать, пробовать, берём пример - фотография) стал изучать, пробовать, пробовать себя практически, в деле. Затем - и это был третий виток, третий круг - ты пробовал уже не себя, не таланты, а их силы - свои силы в своих увлечениях. (И это было при мне. Пример – та же фотография). Ты всё также увлекался, но наращивал уже не количество занятий, а, ограничившись кругом тех, к которым способен, шёл в их глубину.

А вот потом... Потом ты «пошёл», повинуюсь уже не влечению и интересу, а какому-то необъяснимому инстинкту. И это чувствовалось. Это ощущалось по твоим письмам. Особенно по письмам. Ты пошёл, повинуюсь инстинкту, заложенному в самих дарованиях. Хотя, я думаю, почти уверен, ты сам не знал зачем. (Но всё время, всю жизнь ты подчинял материальную сторону своей жизни – духовной. Движению, вектору духовной стороны. И это о чём-то серьёзном говорит. Прости, не хочу путаться, не знаю, к чему эта мысль, поэтому эту мысль обрываю.) И вот, двигаясь на инстинкте, по инстинкту – и всё время по «кругу» - ты вычленил, выбрал свои главные таланты, ты установил, к чему тебя влечёт больше, к чему твоих способностей больше. Затем ОПРЕДЕЛИЛ ДВА главных. Затем ОДИН главный. (Хотя – это всего лишь ты так решил, никто не знает, какая способность у него бóльшая.)

И тогда уже всё другое (со стороны – резко, но, признаюсь, мне теперь кажется, очень плавно) свернул и весь отдался главному. (Главному таланту.) (Ты был инженером по профессии, а стал художник.) И всю свою жизнь дальше – место жительства, местность, жилище, работу (сферу зарабатывания денег на жизнь) подчинил главному: использованию, применению своего наибольшего таланта.

При этом другие свои увлечения-занятия ты не бросаешь, а занимаешься ими как бы время от времени. То есть движение и по кругу тоже продолжается. В следующий этап жизни - виток спирали - ты берёшь всё нажитое нематериальное духовное и душевное в предыдущих витках – периодах. Берёшь и двигаешься дальше, выше. Круто. («Это круче, чем гонки на карак...» - как бы сказал мой Димка.)

Интересная вырисовалась мне концепция жизни: использование своих способностей, талантов, как способ жизни. Это первый и основной принцип. Творчество, как смысл жизни – твой второй. Третий: постижение жизни, как смысл её. И четвёртый (ну ты наглед... ты нахал...) – само творение своей жизни на основе данных тебе от бога способностей, как смысл её.

У меня после этого анализа, да ещё от вольготной неограниченной жизни здесь, в чистой природе, на свежем воздухе, что-то сдвинулось в голове. Не могу не признать тебя Большим человеком. А может, просто - дальновидным?

...При этом, у тебя такие требования к себе!!!... Что невольно туго приходится и близким окружающим: им невозможно «отдох-

нуть, остановиться». (Я теперь понимаю, почему вы с Люсей расстались. Извини... Хотя и тебя теперь понимаю. Мы, вот, со Светланой друг другу «по скорости» соответствуем, - и вообще соответствуем, - так у нас и мыслей расстаться, чтобы не мешать друг другу никаких никогда не приходит.)

(Ты знаешь, я всё-таки думаю, плохо, что ты один. Давай, ищи всё-таки «пару». Вчера я слушал кассету Никольского (Константина Никольского) – помнишь, его песни были когда-то нашими культурными! У Светланы есть знакомая художница – график, я попрошу её «нарисовать песню» Никольского «Мой друг художник и поэт...» И пошлю тебе. Обязательно. Мне тоже захотелось по-твоему творить.)

... Так вот. И все, кто не соответствуют уровню твоего... (тут тоже термин ещё не установленный) Остаются за бортом твоего... (Назову это: круга жизни.)

С людьми ты поступаешь своеобразно. Встречая нового человека, ты как копир: перенимаешь у него всё самое свежее, сильное. Всё конструктивное человеческое, чего ещё не имеешь сам. Или – что интересует тебя. Ты «берёшь» у него нужное, интересующее тебя качество и «вставляешь» себе. (Как, какими силами ты это делаешь?!... Ты даже у меня «взял»! И я теперь знаю, что. Ты «обогатился» от меня!... При этом ещё больше отдал мне. Странно всё: берёшь, при этом больше отдавая. Ладно, разберёмся.) Далее ты «идёшь» с ним до тех пор, пока он этим свежим для тебя (и сильным) обладает. Переняв, с удовольствием «идёшь» с ним, пока он развивается, как личность. Как только он утратил свежее для тебя, или как только он остановился в развитии, ты покидаешь его. Как? Ты просто идёшь дальше. «Прошагиваешь» его и идёшь дальше. А так как вся жизнь твоя подчинена твоей внутренней жизни, духовной жизни, то постепенно у вас, у тебя с твоим бывшим близким человеком и жизненные пути становятся разными, перестают пересекаться. Отсюда, ты не встречаешь больше его, не встречаешься с ним. И забрасываешь его.

Боюсь, что и я тебе не смогу всю жизнь быть интересен. Твой темп трудно держать, он просто невыносим. Непрерывное (для чего-то) улучшение, изменение себя, как ЕЩЁ ОДИН из смыслов жизни? Это трудно, это слишком напряжённо, это тяжело. И без того забот выше головы, надо и «отдыхать». Ты конечно ответишь: «душа обязана трудиться». Но что поделать, если время такое недружелюбное. Да и материальная сторона жизни немаловажное, так? Да и тут уже не душа, тут уже у тебя другое: я бы назвал это дух - дух по твоему постоянно обязан трудиться, творить. (Всё, хватит.)

...Кстати, почему бы тебе не заняться бизнесом? Ты утверждаешь, что творчество, созидание – единственный смысл жизни. Пусть так. Бизнес – это ведь тоже творчество?

Ты вспомни, как ещё за сто лет до перестройки, году - дай бог памяти - в 1979-м, мы с тобой зарабатывали, подвизаясь на ниве фотографии. Как мы отработывали способы производства, приёмы заинтересовывания клиентов, способы поиска клиентов. Услугами, расширением ассортимента услуг... Рассчитывали цены, конкурировали с другими частниками и с государственными ателье, снижая свои цены, улучшая качество своих фотографий. Помнится, наши цены в итоге оказались раза в полтора ниже государственных, а зарабатывали мы с тобой на двоих в среднем... Пстой, сейчас пересчитаю на доллары, так как там рубли были другие. А считай, шестьсот долларов на двоих в месяц. (Восемьсот, помню, однажды было, когда без продыха потрудились). Какие мы были деляги, а? Это так бы мне сейчас зарабатывать! Может, начнём опять? Надоела постоянная бедность.

Мы ведь тогда даже сняли квартиру на двоих вместо общаги - шикарно жили!... Я тогда, помню, сумел первый раз в жизни без помощи предков прилично одеться, а ты – а что ты?... Не могу вспомнить. Ах, да: ты приобрёл другую аппаратуру, более дорогую и, естественно, более лучшую, с большими возможностями. «Никон» «широкий», «Экзакту», павильонную камеру 24 на 30. Во, вещи! Глаза у нас тогда горели, это так.

А что было дальше. Да-да-да... Это Россия... Дальше появилось много «доброжелателей». Россия... Тебя вызвало факультетское начальство и задало вопрос в духе штурмбанфюрера Мюллера: «На кого Вы работаете?» И с кем Вы работаете. Я был удивлён, что тебя вызвали одного, наверное, я меньше занимался съёмками и клиентурой, а больше сидел в лаборатории. То есть, был не на виду. Когда тебя вызвали, я решил, что неприятности будут крупные, тем более, мы оба были кандидатами в члены КПСС. А в обвинении было: гребёшь деньгу лопатой, подпольный частник, снимаешь «хату». Кроме всего, водишь «девочек», с которыми круто веселитесь. Обликус морале... Чёрт возьми, как мы с тобой тогда на всё обозлились! Ведь вместо того, чтобы действительно по ночам веселиться, корпишь за фотоувеличителем ночь, пальцы всегда жёлтые от химикатов, постоянный недосып, потому что работа обычно с вечера до утра, а с утра - занятия, а днём надо учиться. А какая-то сволочь из зависти, из-за неспособности своей на тебя капает и клепаёт, чтобы завалить. Но

вроде бы даже партийное руководство всякой-то ерунде не поверило, кроме – деньгу лопатой. Да и куда бы оно без тебя – всё освещение культурно-массовой работы, спортивных соревнований, все фотгазеты : всё на вас с Люсей было.

...Тогда ты повёл – а вот так вам! а запросто! - начальство на нашу «хату». И правильно: чего голословить, смотрите сами «малину»... (У тебя всегда была какая-то дальновидно-непредсказуемая, совершенно альтруистически-шкурная реакция!... Помнится, ты любил - и хорошо выходило, кстати - в «мизера» в преферансе играть: никто никогда не в состоянии был предсказать твой сброс и твой ход).

Начальство долго недоверчиво смотрело на застанный врасплох полный порядок в квартире, отсутствие всяких примет разврата – нет, стоп: кроме огромной фотографии Высоцкого и «Битлз»! Осматривало фотоаппаратуру, выпрашивало, сколько это стоит, качало головами. Восхищалось фотографиями ночной столицы, портретами, пейзажами, фотомонтажами. Умилилось деревенским видам, слёзно вспомнило своё босоногосопливое детство. (Как сказал, а!...) На прощание всего лишь отечески пожурило за корыстное использование своего дарования. И рекомендовало оставить незаконную предпринимательскую деятельность (так страшно тогда это называлось), не втягивать в неё товарища (то есть, меня). И «не дразнить гусей» нескромными заработками... Пока дело не дошло до ОБХСС. История на том и закончилась, всё замяли, спустили на тормозах, спасибо партии родной.

Так вот, немало ведь мы с тобой изобрели тогда, добываясь высоких заработков. И насколько я помню, в основе всякого приращения денег была во-первых хорошая идея, творческая идея. То есть, я хочу сказать, бизнес – это тоже творчество. Может быть ты решил, что этот путь уже пройден? Попробовал и достаточно? Больше ничего интересного нет? Не знаю – не знаю... Как говорится, дело не в деньгах, а в их количестве. Когда в карманах пусто, и на душе кошки скребут. А у тебя, как я понимаю, в карманах совсем не густо. Ну да ладно, дело твоё, тебя ведь не свернёшь.

Но ты посмотри, как я расписался! Всегда с удовольствием читал твои письма, самому всё некогда писать. Для меня всегда было проще взяться за телефон, чем за авторучку. Да и жизнь не так богата событиями, которые интересны за пределами семьи. Но твои письменные миниатюры о жизни, твои зарисовки давно искушают меня. И вот, наконец, подвигли ответить тем же. Да и обстановка распола-

гает, и времени в избытке. Попробую и я себя в эпистолярном жанре. Завтра и напишу (есть одна история), сегодня, боюсь, не дадут. Дядька с работы придёт, наверняка потребует у тётки праздничный ужин (плавно переходящий в ночное чай с вином питье). В совхозе у них какой-то праздник: то ли день какого-то святого, блин, то ли январскую зарплату выдали. А может, всё вместе. Так что, идёт большой сабантуй, ёшкин кот. И в меня уже полстакана влили. (А ты думаешь, чего бы это я так расписался и разоткровенничался, ё!...) Ладно, оставлю пока писание, гребем сейчас всей семьёй на речку, пока дядька не вернулся. А без нас тётка его один на один оглоушит едрёной феней, утихомирит и спать завалит без гудежа. Всё, Светка уже кричит: чего вошкаешься!

...Так, Володя, привет, всё нормально: обошлось вчера. В общем, жму руку, привет тебе от всей нашей семьи, рассказываю: слушай. Мой рассказ называется:

«Тру (трэй)». Что по-английски значит: пробовать, стараться, пытаться»

Английский язык мне в жизни пришлось изучать трижды: в школе, в институте и на курсах. Вот с этими курсами и связан случай, о котором хочу рассказать

...Естественно, сколько бы я ни изучал англиш, всё, что у меня потом от него оставалось, это хау ду ю ду, да ещё хэппи бэздэй то ю... Ну – ещё умение кое-как переводить со словарём. (Как и у большинства совспециалистов с дипломом.)

По работе приходилось иногда переводить технические тексты. Мало-помалу даже наловчился и руку набил в своей области. Терминов у нас специальных много - составил словарик в тетрадке за четырнадцать копеек, карманный словарь на три тысячи слов постоянно в столе держал. Потом ещё один – на пятьдесят тысяч слов приобрёл. Хватало. Потом даже какое-то удовлетворение стал получать от переводов - работы с текстами. Коллеги стали обращаться, как к главному спецу.

Как-то наше начальство надумало поднять наш интеллектуальный уровень. И организовало Курсы повышения квалификации. И всё это прямо в стенах родного НИИ, так что и ходить никуда не надо. Был в том числе и курс английского. Дело происходило летом, пригласили вести английский какую-то знакомую какого-то знакомого

– школьную учительницу. Народ наш кое-как собрался на первое занятие, все тоскуют - придёт тётя в очках, зануда какая-нибудь. А пришла такая женщина интересная! Что все наши ходить на английский стали: и лысые, и толстые, и женатые, и холостые. И даже женщинам нашим она понравилась. (Что - сам понимаешь!...) Не скажешь красивая - миловидная, привлекательная. Повела она себя со всеми запросто, как своя. Но что интересно, всегда за той чертой, что отделяет от разных там мыслей... Мы её от начала до конца исключительно: Евгения Владимировна.

Вот это специалист! Почему у меня такой учительницы в школе не было!! Она нам такой темп задавала, что два часа – на одном дыхании, еле за ней успеваешь. Но всегда с удовольствием занимаешься, всё в голове остаётся. Я в конце концов стал анализировать: почему у неё так получается? Пришёл к выводу, что она и сознательно, и бессознательно включает в работу наши чувства. Сознательно – как хороший специалист, бессознательно – как интересный человек и интересная женщина.

В общем, всё было отлично. После второго занятия уже все перестали конфузиться при отработывании произношения. А попробуй-ка всерьёз сорока да пятидесятилетних мужиков заставить перед дамами вымучивать английское «т» или там «з». «...Образуйте, плииз, щелочку между передним краем языка и верхними зубами...» И мы все и образовываем. Умора, детсад. Но все старались, и все ходили.

Так вот... А, кстати, о чувствах: давно заметил - когда чувства работают, память действует гораздо эффективнее. Безразличная учёба в будущем ноль.

Ходил на занятия и я. Хотя голова моя была занята полностью. Своими проблемами. (Какими – потом объясню.)

...А сколько мы узнали про Гриит Бритэйн! Можно было подумать, что наша учительница оттуда не вылезает. Оказывается, она побывала там, ещё учась в институте (Надо думать, как отличная, как способная студентка. Почему нас с тобой в Ай Би Эм не посылали?). Потом она почему-то жила две или три недели у одной миллионерши, в её доме. Какие там обычаи шикарные!... Если пёс хозяев встал лапами на плечи гостю (и на новый смокинг), гостю это только в радость. Если Вы согнали со стула, чтобы сесть самому, хозяйскую кошку, будьте уверены: Вас в этот дом больше не пригласят. Но если ты, едучи в автобусе – троллейбусе, захотел уступить место женщине, тебя просто не поймут: за это место уплачено тобой! Ну что это

такое... А миллионерша, у которой наша учительница жила, ела - пила очень скромно. (Не по-нашенски живёт, скряга!) Пьяных на улицах вообще нет. Но на приёме, организованном нашими по какому-то культуробменческому поводу англичане так навалились на нашу водку и закуски, так наклюкались, что... В общем, на дурняк уксус везде сладок. (А я и не подумал бы никогда на англичан... С виду такие всегда церемонно-культурные. (?) Но что её особенно потрясло на приёме – фуршете: наши английские друзья водку тянули через соломинку. (Нас это тоже потрясло, у нас так даже алконавты не делают.)

В Америке бывала со своими школьниками. Привезла оттуда яркие шорты (там летом все ходят в шортах в небольших городках) и привезла ещё твёрдое убеждение в том, что наша система школьного образования или лучше, или гораздо лучше. Те, кто хочет учиться, у нас от школы получают значительно больше.

В общем, я бы долго ещё рассказывал, да дело не в этом.

Мысли у меня тогда были совсем о другом: голова была занята проблемой рождения наследника. Жена на последнем месяце, волнуясь за неё – сам знаешь, она у меня такая миниатюрная (до перестройки в детских отделах магазинов одежду себе покупала), что роды это проблема. Положили её заранее. Я хожу гадаю, угадываю: кто у нас будет? В нашем роду наследники появляются трудно – я вот четвёртый после трёх моих сестёр, - представь, то же случится у нас с женой? Во-первых, как мы станем жить в однокомнатной «хрущобе» вшестером? Во-вторых, на что мы станем жить, на какие шиши? Однако, в первом ребёнке мы с женой не раскаялись, как квартиру после общаги получили, так сразу на второго пошли. Наши знакомые и приятели нам все уши прожужжали, что мы – сумасшедшие. Мол, посмотрите, что в стране делается, дай бог самим себя прокормить! А нам, честно говоря, надоело ждать, пока в нашей стране жить по-настоящему можно будет, у нас в стране всегда что-нибудь: не понос, так золотуха (причём, в каждом веке). В общем, мы решили жить сейчас. Плевать – какое нам дело до того, кто и как в нашем Кремле подвизается, у них свои игры, у нас своя жизнь. Наша со Светланой жизнь – это во-первых семья, вот мы и решили ЖИТЬ. (А уж будет не на что, так и в строители уйду, ещё не забыл ни как мастерок держать, ни как раствор класть. Да мало ли что я вообще могу.)

Ну вот (короче), жена в больнице, я хожу, переживаю. Уже смирился с тем, что девчонка родится. Даже уже прикидывать начал, где, какие ещё полставки взять, чтобы Светлана могла дома си-

дочь, когда на третьего пойдём. К предкам, думаю, съезжу, скажу: батя, желаешь иметь внука, давай помогай, иди к свату, помогайте материально, нечего сидеть, да покуривать, вон вы какие ещё крепкие лбы, будете сиднями сидеть, до смерти в девках останетесь. Вот какое у меня было настроение. На работе всё практически забросил, всё встало, не движется. Меня, правда, особо и не напрягали, знали, что отработаю. Да, вот, у англичан, кстати, обычай хороший: рабочий день закончился, по домам разъехались – всё, ша! Никто по служебным делам не позвонит. У нас же!... Начальник отдела, как куда соберётся, особенно по личным делам, - например, за запчастями к своему «Жигулёнку», - так мне: бряк-бряк... Сделай, мол, то-то и то-то. Или замзав так же позвонит.

Вот однажды звонок. Шесть утра. Я – ну!... Достали... Трубку не беру. (Я и не подумал, что это из роддома, у нас оттуда наоборот не позвонят.) Минут через двадцать опять трезвон. Поднимаю трубку, слышу голос начальника отдела. И – не глядя: «Здравствуйте, Николай Иванович, да, Николай Иванович, я составлю график работ на сегодня, Николай Иванович, только назначьте ответственного за проведение работ.» Николай Иванович мне: «Ты что - озверел? Какой график – аппаратура на профилактике. Ты почему дома не ночуешь... Но – ладно, это дело личное. У тебя сын родился. Меня подняли ни свет, ни заря, до тебя дозвониться не могут! В общем так, выходи на работу, а там посмотрим. Надо будет в роддом – уйдёшь».

Как меня понесло с самого утра!!!... Сын! Сы-ын!!! Сын!!!... Ленку, дочь, чуть не напугал: пляшу и сам с собой разговариваю. Естественно, хлопнул рюмочку: да здравствует продолжатель нашего рода! (И отец его.) И полетел в институт.

Наши женщины и без повода в восемь тридцать уже первый чай ставят. А в этот день сразу в восемь – как пришли - поставили. Наш сектор скучковался, я сделал заявление: хочу широко отметить столь знаменательное событие. Возражений не поступило. Ну так тут же сделали и почин (не привлекая пока внимание).

Потом я слетал в роддом, потом в магазин, потом пошёл по всем кабинетам и лабораториям: товарищи! Такое дело! Не откажите! В семнадцать шестнадцать (то есть, строго после окончания рабочего дня) прошу зайти к нам, в сектор, отметить рождение. Товарищи не отказывали.

Сам – парю, сам в полном блаженстве. Какие мне уже картины рисуются!... Как мы с сыном возводим дом (пусть дачный, но ведь – дом!). Как я учу его тесать, строгать. Как копаем гряды, как разби-

раем компьютер... Едем с сыном на рыбалку, учу сына подтягиваться и вертеться на турнике... В общем... Ну да не всем это интересно.

В обед мы ещё посидели, тесной компанией. Чего-то выпили, не помню чего, сколько, не помню сколько. Кажется, много. Но я был в таком состоянии, что лишь настроение поднимается, а нигде нисколько ни в одном глазу.

Обеденное застолье плавно перешло в послеобеденное, чтобы потом плано перейти в послерабочее - без перерыва. Народ из других лабораторий начал подтягиваться. Всё прекрасно и я «герой дня без галстука»! Вдруг в три часа появляется наша англичанка. Все как завопили от восторга!... (Мне даже неудобно сделалось – экая мы уже были пьянь...) Завопили! Потасили за стол! Наливают, угощают! Пытаются целовать, комплименты на рязанском английском только вьёт, отпускают! Она молодец: сразу оценила обстановку. Очень красиво, церемонно, как это умеют делать англичане, от всей души, как это принято у русских, меня поздравила, даже в щёчку поцеловала. И говорит всем: «Вам надо поберечь силы для вечера – давайте заниматься». Народ заморщился. Она: «Есть у вас актовый зал? Пианино? Всё. Тема сегодняшнего занятия: английские песни. Поём русские и английские песни». Ну от такого занятия никто не отказался: продолжили застолье под официальной «крышей».

Евгения Владимировна нам аккомпанировала, мы пели. Потихоньку толпой: «Ой, мороз, мороз, не морозь меня...» Громко, она: «Естэдэй...» Потихоньку мы: «Что стоишь, качаясь...» Громко, она: «Гёл». Потом чего-то ещё. Потом она заставила нас разучивать шотландскую народную песню «Май бони». (И это теперь у нас в отделе что-то вроде «национального» отдельского застольного гимна. Как «крупно» посидим, так под занавес обязательно после «Шумел камыш...» (который является признаком перепития) затыгиваем «Май бони». «...Май бони из оувэ зэ оушн, май бони из оувэ зэ сии-и-и...» И слова ведь, чёрт побери, с первого же занятия... Из головы не вылетели! И поём, - и споём, и снова затынем. И плачем (перепились, ясно...): боню жалко.)

Ну вот, в семнадцать пятнадцать занятие закончили – напелись. С семнадцати шестнадцати до восемнадцати – напились.

На столе скромно рисовалась одна бутылка сухого вина. (Двадцать одна тусовалась под столом) Один стакан, несколько конфеток. Желающие поздравить заходили, поднимали стакан, произносили тост. Сменялись.

Руководство тоже зашло. Приняло по капле, поздравило от лица. Наш пьяный народ начал неестественно громким шёпотом в сторону и вверх, в потолок, говорить: неплохо бы так-то человеку квартиру дать!... Жилплощадь ему расширить. Можно бы как хорошему специалисту!... Можно бы и вне очереди... Как ценному кадру и в перспективе многодетному отцу. Руководство по-тихому смылось. Желаящие посидеть «ещё» остались тесной компанией.

...До дома я добрался «на автопилоте». Помню, движения у меня были такие плавные, медленные, как взмахи крыльев у большой белой птицы... Как у лебедя. (Нет, не у Лебедя...) А в метро еха-а-ал!... Песня. Костюм, галстук – и пьяная улыбка до ушей. Дипломат в одной руке – и авоська с початой бутылкой и кульком конфет в другой. Народ на меня только косился. Но народу в вагоне я сразу и запросто, без всяких аглицких церемоний, объявил на весь вагон: у меня сын родился, дочкин брат и... И вообще все люди – братья. Так спасибо людям: меня бережно, можно сказать, любовно на эскалатор завели, эскалатором подняли и мимо милиционера провели, Я ему тоже объяснял что-то, пытался ему налить и угостить конфетами. Ой...

Ввалился в квартиру, дочь рисует, уроки сделаны. Я её угостил конфетами в честь дня рождения братика. Помню, мы с ней ещё чай пили и о жизни говорили: философствовали. Потом она говорит: давай ужинать, а я уже ничего не могу, чувствую, отключаюсь. Строго наказываю: в квартиру никого не впускать, никого не выпускать (меня особенно). Пойду, говорю, доча, я, прилягу: что-то у меня всё болит. Да, доча, я заболел. Но немножко. К утру пройдёт. Пойду прилягу я. До утра надо выздороветь. Потому что поедем к маме. А её нельзя такой «болезнью» расстраивать. Алёна спрашивает: «Ой, что с тобой, папочка?» Я... (Вот уж недолго думал, мозги-то на взводе, набекрень!... Как и в голову-то приходит умное такое!) Я, говорю,пил сегодня яд! Есть такой обычай во взрослой жизни, традиция. Во взрослой жизни он, понимаешь? «Понимашь! Всем во взрос... жись... прих...ся пить эт-т яд...» Мужчинам больше достаётся – они есть сильный пол. Так вот, когда рождается сын, отец должен выпить как можно больше этого яда. Зачем? Чтобы сыну меньше осталось. И вот, чтобы твоему братику осталось меньше, - а потому, жилось лучше, - я сегодня изо всех сил отпивал его долю. Алёна: «Бедный мой папочка... Спасибо тебе от братика, я ему потом всё расскажу». Я содрогнулся, потом проследил и уснул.

Что мне снилось, что со мной было – чего только не было. Помню только последний сон, вот какой.

Приезжает в наш институт делегация из Англии. С комиссией из Академии наук. Внезапно приезжает. И как раз по теме нашего отдела. Переводчика почему-то нет. А руководству нашему нельзя в грязь лицом ударить, оно заметалось. Вдруг вызывают меня. Прихожу к директору. «Ты, говорят, лучше всех в отделе английский знаешь – вперёд. Выжми из себя всё, как на экзамене. А чтобы тебе легче было...» Я и слова сказать не успел, подхватили меня под руки, потащили куда-то. Я вначале пошёл, потом стал упираться: что, мол, за спринт, куда вы меня гоните? Отвечают: к психологу – он что-то рассказывал про стимулы человеческого сознания, вот пусть он тебя и простимулирует. Я вообще обалдел: то ли меня в психушку тащат, то ли эти с переполоху тронулись.

Приволокли меня, слава богу, к институтскому психологу – к Потапычу, в его лабораторию. Я поуспокоился, в лицо мы с ним знакомы, здороваемся, хороший человек. Они ему: «Давай, что ты там рассказывал на семинаре». Он: «Каждый из нас хоть раз в жизни изучал английский. Так вот, некоторые учёные утверждают, что в ПАМЯТИ ЧЕЛОВЕКА ВСЁ виденное, слышанное и чувствованное ОСТАЁТСЯ. В этом смысле человек подобен записывающему устройству: записывает в свою память всё, что попадает в органы чувств. Но, но... Не ко всему запомненному всегда есть доступ. Доступа нет в обычных условиях. Сами знания, например, есть, а доступа к ним нет. Задача состоит в том, чтобы, попросту говоря, научиться вытаскивать знание из глубин. То есть, необходимы стимулы. Существует с десяток основных стимулов человеческого сознания, выбирайте. На первом месте у человека стоят сексуальное желание, страсть. На втором любовь». И мне подмигивает. Руководство прямо оторопело – ошизело, запараноило... В те времена секса у нас в стране ещё не было, он только-только зарождался, и наши старые олухи даже растерялись от такой, Потапыча, научной наглости. Наконец, зам директора по науке выдал: «Эт-та чта ему сначала бабу, пардон меня дери, надо, а потом только – англичан?» Потапыч спокойно отвечает: «Вы меня не поняли – я перечисляю стимулы человеческого сознания, а уж ваше дело, какие кому выбирать... Далее идут: желание славы, успеха, власти, денег. Потом – музыка, поэзия, литература. Затем дружба, интеллектуальный союз. Далее – общность страданий – испытаний, самовнушение, страх, алкоголь, наркотики».

Всё – немая сцена. Потом слышу шипение: «...Ну и стимулы у Вас, товарищ психолог государственного научного советского учреждения... Вас послушать, так сознанию: то бабу, то денег, то вина... Вперемежку с общностью страданий от всего этого. Неужели же для советского человека, неужели для сознательного социалистического члена общества ничего более подходящего нет!?» Потапыч снова мне подмигивает – ну оч-чень многозначительно... - и отвечает: «Почему же, есть и для советского человека кое-что. Вы же меня прервали, не дали изложить, я перечислял вначале общее: общечеловеческое. Есть и для советского - так называемые социальные стимулы: повышение в должности, награждение орденом, медалью, грамотой, вручение премии, получение новой квартиры, - наконец, загранкомандировка. Ну, загранкомандировка для нашего стимулируемого сейчас неактуальна, а вот расширение жилплощади, как я заключаю по выражению его лица, форме надбровных дуг и форме пальцев, очень и очень, весьма и весьма стимул веский и своевременный». И снова подмигивает мне. Ну я его понял! «Потапыч!... - изо всех сил головой в знак согласия киваю, - ты молодец!» Мысль у меня заработала, как процессор, как бетономешалка: надо для семьи выжать из ситуации всё, что можно! Надо выбить квартиру!

Руководство засовещалось. Потапыч отводит меня за перегородку и говорит вполголоса: «Слушай, я их озадачил, пока скребут затылки, хочу тебя поздравить». «С чем?» - спрашиваю. «Как с чем? Ну, ты даёшь! Уже весь институт знает! Вылетело из головы с этими, - кивает на перегородку, - что ли? У тебя же сын родился! Народная молва донесла, что до этого три девки было, а теперь вот парень. Ну ты молодец! Герой! Я тебя поздравляю! Жаль, не знаком с твоей женой, познакомь мою с ней, прошу. Что у тебя за женщина – вот это настоящая! Вос-хи-щён вами!!!...» И наливает нам с ним по чашке коньяку. Выпиваем.

«...А насчёт делегации – не бери в голову: стимулов у тебя сегодня будет, хоть отбавляй. Единственное что подскажу – какая у тебя память лучше работает?» «Зрительная» - отвечаю. «Ну вот, - говорит он, - будешь разговаривать с иностранцами, если чего не знаешь, не торопись. Представляй сразу же открытый словарь, листай его и бери себе нужное слово.» Я: «Угу-м.»

Тут руководство зовёт: «Вы где там?» Потапыч: «Всё, всё... Я тут как вы просили: простимулировал его маленько - практически. Э-э-э... - инъекцию сделал.» Из-за перегородки с опаской, настороженно: «А это не того... Не опасно?» Потапыч: «Не-е-ет!... ЭТО – не

опасно. Хотя, как знать, кому как, на каждого по-разному действует». Вытерли мы губы тыльной стороной ладони, выходим. Нам объявляют: «Руководство института входит в моё трудное жилищное положение и выделяет моей семье, как единственной в институте многодетной, трёхкомнатную квартиру в достраиваемом доме. Конечно, при условии моей успешной работы с сегодняшней делегацией. Вот ордер». И подают мне какую-то бумажку. «Расписывайтесь». (А я - забыл здесь сказать - на самом деле в этот день расписывался в документах на квартиру, но ещё не в ордере. А сейчас мы живём в трёхкомнатной, ты знаешь.)

...Что я потом делал, где был!... Не знаю. Онли римэмбэ, что стоим мы с делегацией из Гриит Бритэйн и комиссией ин ауэ лэборатори. Обход и отчёты, и выводы, как видно, уже сделаны. Всё о кэй. Олл райт ин Раша - директорат сияет. Я в сторонке болтаю с какой-то лэйди фром Ландон. И она так похожа на нашу тииче Евгению Владимировну, что я диву даюсь. И треплемся мы с ней, и треплемся, и слова из меня сыплются горохом. Она спиик ми, что родом вообще-то из Шотландии, из какого-то (вот не запомнил название) смолл таун. Тогда я вспоминаю и мы с ней поём на два голоса сонг «Май бони». По-английски, конечно. Все в восторге, все хлопают. Я извиняюсь за своё произношение и говорю, тоже, разумеется, по-английски: «Мой английский, конечно, плох. Он беден. Но я...» Тут хлопки усиливаются. Я договариваю фразу, произношу последнее слово, оно звучит так: ...»трэй». Хлопки становятся ещё громче, я морщусь и... И просыпаюсь. При этом в сознании будто что-то захлопывается. (Вот это ощущение хорошо запомнилось!)

...По комнате ходит дочь в ночной рубашке, напевает и хлопает в ладоши. Замечает, что я проснулся, бросается ко мне: «Папочка, папочка, ты выздоровел? Мы поедем к маме и братику?» Я сел в кровати, в глазах заходили такие круги!... В затылке так стукануло!... ТАК голова у меня ещё никогда не болела! С кровати встал, чуть не упал. «Ну, Потапыч... - бурчу! - А говорил, не опасно. Да разве можно коньяк с сухим вином мешать...» Еле до ванной дополз, как голова раскалывалась.

Но было что-то сильнее бодуна, что не давало покоя. Я покачался под душем, отсиделся в ванной. Поставил чай, напился чаю... А последнюю-то фразу из сна как-то зацепил. Как зацепил, так и держу, и потерять боюсь, твержу её про себя. Почему-то первая её часть звучит у меня по-русски, а последнее слово - по-английски. «Мой английский ещё плох, он беден, но я ... трэй.» Что я трэй? Зачем я

трэй? Что такое за трэй? Кого я – трэй?!... Или может я кого-то спьяну ударил?! Кошмар начался. Что я такое спьяну ляпнул, может, неприличное что-то?! Я листал словарь до тех пор, пока не отупел. Слова не было. Походил по кухне, осторожно выяснил у дочки, как я себя вечером вёл – нет, вполне!... Всё в рамках допустимого, приличного.

Вышел на балкон, закурил. Тут же бросил – какая гадость!... (Знаешь, ведь, как это с перепоею бывает.) «Во, - говорю себе, - наклюкался, даже курить не можешь. Значит, нажрался здорово на радостях». Снова чай пил, с лимоном. Снова в ванной под душем стоял. Фразу держу и твержу. Ни-че-го. Наконец, что-то такое проклюнулось в мозгу: хватаю словарь, смотрю на обложку. Словарь называется «Русско-английский.» «Ну, - говорю себе, - ты и кретин». Бегу в комнату, хватаю англо-русский, который и нужно было сразу смотреть! Веришь ли - руки дрожали, когда листал страницы и подходил к нужной! Когда взгляд подводил к тому месту, где должно было быть ЭТО слово!... Медленно-медленно перевернул последний раз страницу, медленно скольжу взглядом вниз – вот оно. Оно есть! «Трэй – пробовать, стараться, пытаться». У меня на секунду даже «крыша» поехала, разум помутился!

Теперь последняя фраза звучала так: «Мой английский, конечно, ещё плох. Он беден. Но я стараюсь (пытаюсь, пробую)...» Да, теперь я всё вспомнил: именно так я и хотел там сказать.

Перелистал теперь русско-английский словарь, отыскал в нём слова «пытаться, пробовать» – результат тот же.

Всё, финиш. Сижусь на кухне на табурете в полной прострации: не знаю – кто я, где я, что я... Понимаешь, как только я нашёл в словаре *то* слово, я понял: не мог я его сказать, не мог. Почему? Да не знал я его, понимаешь! Не знал и точка! Точно! Уверен: не знал. А если не знал, значит, не мог сказать. Но ведь сказал? Какой-то замкнутый круг. Не знал, но последняя картина сна ясно показывала обратное.

Голова вообще стала раскалываться. Выпил кофе с коньяком. Сердце вздрогнуло и в затылке погорячело, но в общем стало лучше. Накормил дочь, пошли на трамвай. До самого роддома думал, как я мог произнести слово, которого не знал.

Потом стало не до того.

...Позже я перелистал все свои английские записи, все переводы, все рукописные словари – нет, не пользовался я этим словом. Как, видимо, и многими другими из моего разговора во сне, которые про-

сто не запомнил, которые промелькнули во время разговора, которые не успел выхватить из сна.

Вспоминая сейчас эту историю, нахожу объяснение всему происшедшему в том, что листая десятки, сотни, тысячи раз справочники и словари, взглядом скользил и по тому, что не было нужно, но что, однако, в поисках нужного видел, то есть как бы читал. Значит, взглядом записывал в память всё, что видели глаза, вот оно всё и всплыло, а как ещё иначе?

(P.S. ...Я запрещаю своим детям смотреть фильмы ужасов, триллеры, фильмы с мистикой, дьявольщиной, маньяками, потоками крови, кровавые боевики, похабную эротику, порнографию, слушать и смотреть по телевизору новости, которые состоят у нас почему-то из одних преступлений и происшествий. Я думаю и нам тоже стоит поберечься: наши умы - не свалка грязи и мусора.)

(P.S. P.S. ...Письмо отправляю уж из Москвы. Да... Опять дом - работа и захлестнули дела. Вместе с письмом и рисунок.)

Песня « Константина Никольского «Мой друг художник и поэт»

Валерка, здравствуй!

Валенок ты деревенский - привет! Привет, привет. Не хочешь, гришь, жить в дрявне? Ни ванны тебе, ни душа, ни отопленья? Одна работа да чёрно-белый тиливизор? Ну-ну... Действительно, от такой действительности с ума можно сойти. Но кто, спрашивается, тебя принуждает жить так? Живи по-другому - устрой себе ванну, душ, устрой себе работу! Это же элементарно, мой ватсон! Ну не живи ты в избе, если не хочешь избы!... Устрой себе Дом! Потрудишься, поломай мозги и устрой свою жизнь так, как желаешь, а не только отрицай то, что не устраивает и не нравится. А то прямо как в «Бременских музыкантах»: «Не же-ла-ем жить по-дру-го-му, не же-ла-ем жить - эх!- по-дру-го-му!» И так далее, но не более, чем это далее.

Валерка - пьяница ты белозерский на час... - я бесконечно рад твоему письму! Ведь два с половиной месяца молчал! Ну что это такое... Разве можно так... А уж рассказу твоему – рад от души, тем более, ты выбрал (для меня) для него на редкость удачное время. Он - да и всё письмо - подняли мне настроение, а то совсем я было... Раскис. Болею. Представь! Я – и за-бо-лел. Это что-то странное. (К тому же болеть я терпеть ненавижу!) С тех самых пор, как перешёл на бег босиком (вместо бега в кроссовках – и по жизни, мой друг, и по жизни тоже) - босиком по земле, по воде, по камешкам на тропинках, по хвое, по росе, по стерне - у меня всё разложилось по полочкам. С тех самых пор я стянул с себя ворох простудных болезней. Каждое их посещение, во-первых - явление, во-вторых – горестное событие. Не умею болеть. И не желаю. Каждая болезнь у меня непременно что-то означает, обычно, какую-то чрезвычайную для организма ситуацию. Предпоследняя простуда, например - сильная нервная передрыга. Последняя ангина – отлакировал за один присест метров шестьдесят квадратных!... Паркетным лаком паркетного пола. Сразу и свалился с отёком. Но теперь не то. Стрессы, неконструктивные нервные вспышки обхожу, по паркету не хожу... Купаюсь - точнее, заставляю себя купаться! - в любую погоду, до льда. Радуюсь холоду, стараюсь жить, как всё живое в природе. И одеваюсь чуть легче, чем принято по погоде: хочу чтобы организм работал. А если вдруг становится холодно, просто ускоряю шаг. Некогда специально закаливаться, чем увлекались мы раньше, заставить организм работать, реагировать, самому защищаться – вот Задача.

Ты спросишь, отчего тогда я всё-таки заболел? Отчего, не догадаешься ни в жизнь, потому что это так интимно, что на это нельзя

«Женское»

и подумать. И смешно: ты бы слышал, как я время от времени сейчас покатываюсь над собой! Смешно дураку, смеюсь: получил подарок... Представь себе: любимая женщина наградила... Бывает же такое! (Бывает, конечно, и хуже... Тьфу, тьфу, тьфу...)

И вот теперь отмучиваю положенное для болезни время: лежу, сижу. (Прошли времена, когда дела были превыше всего и болезни переносились на ногах - ну к чёрту...) Ляжу-у на пя-а-чи. Пью с мёдом чай. И таблетки. Через день, то прокаливаюсь в русской печи, то парюсь в бане. Если бы не болезнь, была бы не жизнь - лепота.

«Твой» рисунок!... Вот это подарок! Спасибо. (Уж признаюсь: НИКАК не ожидал!) Класс!... Это я (так ты мыслил?) и моя «мечта». И графика прекрасная – просто прелесть! Давно я уже столь тонкой – более того: поразительной! – работы не встречал! Вот это рука! (Поцелуй от меня эту руку.) Передай моё восхищение и преклонение и ещё... (Сам решишь, можешь не передавать.) Твоей художнице лет двадцать пять – тридцать. Это раз. В «Константине Никольском» она понимает так же, как я... - в гаубицах... Ну да, всё внешнее из песни есть. Прости, нет духа её, её сути - красивая картинка... Не расстраивайся, я уже «нарисовал» тебе «ответ». Сам я пишу «маслом», поэтому попросил свою «пару» (спасибо тебе сердечное за тревогу и за заботу), она любит графику и неплохо рисует – «мы» нарисовали вместе. Это называется: «ЖЕНСКОЕ». Мы попытались дать в одном образе всё женское. Взгляни на свою жену свежим взглядом – есть ли всё это в ней?

...А я вот сейчас ничего не рисую: нет энергии, у больного слабая энергетика, нет сил созидать. Читаю. Развлекаюсь О Генри, наслаждаюсь Стендалем. И вот что ещё сделал: лет пять уже не знаю почему, снедало какое-то любопытство – перечитал «Овода». Может быть хотелось узнать, как воспримется теперь, в этом возрасте? Может быть, хотелось сравнить, как будет восприниматься теперь, после того, что в нас, в стране так произошло? Не знаю, копаться не стал, мучило любопытство и всё, я и поддался ему. Болезнь дала время читать, считай, помогла.

Что тебе сообщить... (Уж верно не станешь сам перечитывать.) Читалось с интересом, да-да. Кроме того, что я совершенно позабыл за годы многие места и поэтому читал книгу, как НОВУЮ книгу, и вспоминал её, я позабыл и свои впечатления, позабыл «того себя» и, читая, вспоминал «его», и сравнивал. Себя «того» и себя «сега». (Последний раз я читал книгу, кажется, в шестнадцать лет.)

Ты знаешь, Овод более не пронял и не потряс меня. Как в детстве. Нет, не пронял, нет-нет, не потряс. Ни своей убеждённостью

(недальновидно, не умно, он даже ещё не марксист), ни своей деятельностью (неэффективно, просто страшно неэффективно!), ни своими принципами (не жизненно).

Верно ты заметил: трудно быть системщиком (даже бывшим) – дурацкая привычка всё машинально проверять на взаимосвязанность, целесообразность... Послушай, может он просто слишком молод был? Жизни не понимал? Ведь посмотри, что у него за принципы - так вообще жить нельзя! Что за принципы, по которым сильную и чистую любовь необходимо не проявлять, а подавлять, скрывать? Во имя чего - дела? Значит, это твоё дело бардак, а не дело! Это для меня од-но-знач-но.

ЗАЧЕМ ЖИТЬ, ЕСЛИ НЕ ЛЮБИТЬ?...

...Зато на совершенно невозможную, новую, потрясающую меня вещь наткнулся я в «Оводе»! И всего-то одна-две, как говорится, строчки. Но какие! Но какие!!!... Как я за них благодарен писателю, книге, Оводу. Они заставили пережить меня новое ощущение: чувство взгляда в свою могилу.

В самом конце книги, если не поленишься посмотреть (взгляни, но только, видишь ли, это надо бы прочитывать в контексте), Овод перед расстрелом проходит мимо открытой для него (именно для него!) только что могилы. Свежевырытая, свежая, на краях - земля. Он проходит мимо и заглядывает в неё. Так вот, в этот единственный миг я был заодно с ним. Я вдруг пошёл с ним и встал с ним на край своей могилы. Я заглянул туда и увидел её дно. Край, дно. Вот сейчас раздадутся выстрелы. И сразу после них в падении в эту яму прекратится моя жизнь. Всё... Дно, край.

Обречённо. Нет, не то. Тупо. Тоже не то. Со страхом. Нет. И нет, и да. Но не со страхом смерти - со страхом небытия смотрелось у меня вниз и вперёд. Я ещё смотрю вперёд, ещё вижу далеко, вижу горизонт. Но и край. И этот, под ногами, край земли есть буквальный край: это край моей жизни. И вовсе не солдаты с винтовками, не пули, не расстрел, не сама смерть – конец, край! О нет! Вот - вот эта свежевырытая яма мой конец! Конец вообще, конец всего на свете, мгновенный ад. Бр-р-р...

Вот это ВОСПИТАТЕЛЬ! Вот – ВОСПИТАНИЕ.

...Какие такие неудачи, проблемы, терзания, страсти, стоимости, цены, деньги, налоги, дела... - и что там ещё!? После ВСЕГО. После ЭТОГО всего.

Наверное возможность утром проснуться, открыть глаза, увидеть мир, заварить кофе или чай, - а вечером, устав от трудов, забот

этого мира и своих хлопот в нём, лечь спать, - вдыхать воздух и чувствовать его кожей, промокать под дождём и изнывать от жары, солнца и искать снова и воду, и жар, - слышать – свист ли косы на лугу, дребезжанье ль трамвая, - главное - слышать, видеть, любить, творить, создавать, мыслить, переживать - вот оно, главное и вот только что и надобно.

И никто у тебя никогда не сможет ничего отнять, потому что всё, что ты имеешь, находится у тебя внутри.

...А где это всё происходит – сегодня в городе, завтра в деревне, послезавтра снова в городе, да какая разница?! Да не всё ли равно, лишь бы жизнь была полна!

Когда мы будем стоять на краю, наверное, только эти ощущения взволнуют нас. Взволнуют тебя? Я попробовал, меня – да. Когда попробуешь, начинаешь чувствовать, что в мыслях теперь иное. Чувствуешь, что в мыслях нет места ничему другому – только жизни и тебе, как творцу, в ней.

...Вспомнишь, что получил деньги и не успел потратить? Да вряд ли... Как говаривал Сухов: «Это вряд ли...» И не вспомнишь о том. Может быть, вспомнишь бокал, из которого пил чай последние несколько лет, и какую-нибудь неровность на боку его... Ты - скорее пожалеешь, что детям обещал что-то купить и не купил. Меня - поразит летящий осенний лист, - жёлтый, невзрачный, который я ещё запечатлел, но не успею уже нарисовать!... А ведь он, как я, как мы: он ещё летит, но уже не живёт...

Ты знаешь, по отношению человека к смерти я сужу сейчас о его отношении к жизни. И вообще о том, можно ли иметь с ним дело. Ежели человек понимает, что постоянный фон жизни – смерть, можно. Ежели не понимает, значит, ещё «молод», не развит, может подвести, извлекая выгоду за счёт другого, может обмануть. Он даже ещё не Щенок - он ещё не родился.

Чаще думай о НЕЙ, увидишь, как просто жить. И увидишь, как надо жить. И не будешь столько раз спрашивать, а почему ты поступаешь так, а не вот так, - почему ты не желаешь жить легко, остановиться, успокоиться, почивать на достигнутом, как на лаврах... Дружище, это ль вопрос?! Да хотя бы потому, что тогда вся моя жизнь будет в прошлом. А я хочу жить постоянно, настояще, - в сей день и в сей час. Ты же сам написал эти замечательные слова: мы решили жить сейчас! Но ты имел ввиду свою жизнь, свой подход к ней – семья, дети, это твоё любимое настоящее, а я – своё.

Водочку-то с дядькой пьёшь? Пьё-о-ошь. А почему пьёшь? А-а-а... - пьянит! Вот и я пью: жизнь. И каждый день – «новую бутылку». И каждый день хочу выпить до дна, потому что каждый меня пьянит. (А выпитое вчера сегодня лишь отдаёт хмелем.)

Что ты там ещё говорил о продуктах? Ах, да, ты писал о том, как здорово, как хорошо иметь свои продукты. Оставим то, чего они стоят, как достаются... Действительно, здорово, когда молоко, творог, сметана, сливки, масло, картошка, морковь, свёкла, лук, чеснок, огурцы, помидоры, перцы, укроп, петрушка, яблоки, сливы, вишни, смородина, рябина, черёмуха, мёд, мясо, хлеб, пироги, рыба, грибы, вино, табак, шерсть... – домашние, свои. Я стал чувствовать: в них больше, чем просто еда! Кроме того что ты, имея это всё, становишься менее зависимым от внешнего мира, ты начинаешь чувствовать: ты можешь быть частью Всеобщего, природы. Начинаешь искать своё гармоническое место в ней! Словами этого не передать.

Трудно жить в деревне? Это точно. Очень трудно. Только трудно не то, что ты думаешь... Сложность в ином: здесь ВСЁ ЗАВИСИТ ОТ ТЕБЯ. В городе ведь что – нет воды, «Водоканал» виноват, надо звонить в «Водоканал». Нет тепла – в «Теплосеть», в котельную. Туалет забило – в ЖЭУ. И так во всём. Ты привыкаешь, что кто-то отвечает за что-то, за всё. А здесь нет! Нет воды? Значит, ТЫ НЕ ПРИНЁС. Холодно в доме? Ты не позаботился, не сделал тепла. Крыша течёт – ты не отремонтировал крышу. Ах, забило туалет? А это ты не сделал черпак, не взял его и туалет не почистил. Надо признать (и признаться): привыкнуть к тому, что ты отвечаешь за всё, перелопатить в этом смысле себя - вот труднота! Зато потом - когда СТАЛ, когда СУМЕЛ... - лафа. Ведь городская жизнь – горожанину даже не заметить этого! – по сути дурдом. Человеком почувствовать себя – сложно. «Крупные города созданы со специальным назначением, - пишет «мой» Сан Саныч Любищев, - показать, что вечность мучений вполне совместима со благодатью божьей. Мучения не противоречат благодати, если они выбираются добровольно, а москвичи, например, крепко держатся за свой ад».

Дети, быт, семья... Я не уверен, что быт надо постоянно улучшать. Я придерживаюсь следующего: надо устроить его один раз и больше не касаться. Раз в год, раз в три года можно что-то дополнять, заменять. Но всё время?!... Его просто не должно быть видно, он должен не-ме-шать. Дети и семья. Дети, семья – это главное в жизни для нормальных людей. Мои дети – это мои творения, мои вещи.

Дороги. Ты говоришь про дороги и водителя, который захотел проехать по всем. Да нет, я не собираюсь пробовать все, не все ведь для меня. Я просто смотрю в себя и угадываю те, что по моей натуре, по мне. Всё очень просто (just so...) надо только делать то, что по тебе, по натуре, по нутру.

Вообще, я думаю, люди должны жить по очень простым двум «правилам»: по своему таланту, данному каждому от рождения, от Бога, и по Законам - Заповедям, если угодно, - данным нам всем, всему сообществу, от того же Бога Творца.

Не знаю, когда это до меня дошло, как будто я всегда это знал. (Да нет, конечно, лишь недавно дошло!) Ощущаю так: люди должны жить (научиться жить) во-первых не по своим, придуманным ими самими законам, правилам, нормам. (И даже не по совести. И уж точно не по морали! Ну их к аллаху...) А вот как: «стоя на двух китах, следуя двум векторам двух основополагающих правил:

- следуя побуждениям, соблюдая законы своего таланта (1),

- следуя законам, прописанным им, подсказываемым им законами Творца (2).

Убеждён: стоя, идя на этих двух ногах человечество не пошатнётся, ничем не заболеет, не умрёт, сможет идти, развиваться бесконечно.

Ах, если бы мы, люди, жили каждый так! Рай. Мир. Картина. Я пробую. Стараюсь, пытаюсь. Вот это - Дорога! И Работа.

... Что ты говорил? Что в жизни должна быть одна работа? Одна квартира? Ну это, извини, глупость, наносное, чисто советское. Как жаль, что мы с тобой «совки» от рождения, как жаль. Много, невероятно много времени истрачено на всякую чисто советскую, чисто идеологическую чушь. То есть, впустую. Это было нежизненно, это галиматья. Меня утешает сейчас лишь то, что всё это я делал искренне.

Ну почему должно быть одно рабочее место, одна специальность, одна профессия? Как ты зарабатываешь деньги, которые – суть что? - только средства для жизни, для твоих планов, - которые всего лишь средства на жизнь - это одно. А чем ты живёшь, другое. Зарабатывай деньги, но не живи одними деньгами и в жизни не станет скучно, используй себя, как человек.

Бизнес, это тоже творчество? Согласен. И если подойти по-настоящему – не упираться в одни только деньги - ещё какое! Но ведь бизнес – каждому свой? Меня устроит только тот, что по моим способностям и мне по душе. Вот как найдётся такой, непременно займусь, потому что это и деньги, и самовыражение, и самореализация.

Хотя ты прав: этот путь для меня возможен, но уже неинтересен – опробован во всех подробностях, потому и неинтересен. То, что мы с тобой делали, это и был он, в чистом виде. Только он тогда не так назывался и был в стране наказуем.

Сейчас мне некогда, не до денег: навёрстываю упущенное в жизни за время жизни в советской жизни. Читаю недоступное ранее, осмысливаю, наблюдаю, тружусь: наблюдаю себя.

Ты знаешь, никто не понимает, не верит, все думают – темно. Все бросились в погоню за деньгами, главное в жизни – деньги. Все ищут их, добывают, вырывают, зарабатывают. Где-то, как-то... Думают, и я – где-т-то, как-к-то, втихомолоч-ч-ку... А прикрываюсь сельской жизнью и философией. Интересно наблюдать за людьми.

Деньги, конечно, нужны, это правильно. Да деньги всё равно, как вода: сколько бы их не приходило, все уходит, итог один. «Размеры состояния определяются не величиной доходов, а привычками и образом жизни» - цитирую тебе Монтеня. (А он вычитал в своё время у Цицерона. А мне до Цицерона не дойти. Да и бог с ним.)

Но ты прав, надо будет обратить внимание на свои доходы, меня их величина тоже начинает тревожить. Да и любимая женщина ведь сбежит (и правильно сделает) - я заметил такое их природное свойство: от мороза и безденежья они вымирают.

Дружище, наши отношения, твои наблюдения и склад ума позволили тебе...-э-э-э... раскусить, назовём это так, меня. Ну да - раскусить, если применять положительно сё слово. Благодарю, разобрал... Распотрошил, как мышшь подопытную. (Ну я тебе отомщу, «дедунюшка, вот выпадут у тебя зубы, я тебе жевать-то не буду!»)

Да, пожалуй. Я иду по жизни, как по кругу своих талантов, данных мне от рождения (хочешь, называй - от Бога) способностей. Их называют увлечениями, поэтому, будто я «увлекаюсь». Иду по кругу своих увлечений и своего в них творчества. А в последнее время в сферу творчества входит и сам путь, жизнь. Тебе это понравилось. А знаешь, как нравится мне!!!!... Мне тоже!

Любую работу, самую тяжёлую, рутинную, грязную стараюсь превратить в творческую. Это не так-то просто и вначале происходило, видимо, машинально. (Я теперь думаю, что это тоже своего рода талант, такое умение. И мне он оказался дан.) Так вот, сначала - машинально, произвольно, теперь даже забавляюсь этим. Как-нибудь покажу, как я придумал месить глину для печного раствора. (Сам знаешь, когда печи кладут, обязательно раствор из смеси глины и песка требуется). Меня один старый дед,

печник, попросил помочь (естественно, ведь мы клали печь в моём доме). Я согласился (а куда б я делся). О, боже!... Минут через двадцать я уже проклинал и себя, и это дедовское занятие. В двадцатом веке лопатой перемешивать глину до сметанообразного состояния - ну!... Чуть не плакал от досады, что три дня - три дня!!! - буду палкой глину мешать. И придумал... (От лени...) Через полдня у меня дед плакал от умиления: он такой глины в жизни не видел! Да он её на хлеб собирался намазывать! Поёт: «Нада жа!... Глинка-то! Какова глинка! Яко сметанка! Как по рупь семьдесят! Ну ты и хитрый! Ну ты и лентяй! А ну марш на печку – стенку будешь пока класть! Беру тебя в подсобники!» Приходится гордиться: ТАК старый печник сказал!

Итак, тебе мой способ жизни явно понравился. Ты пишешь – завидую. Ты знаешь, я тоже завидую тебе, у тебя самая нормальная, самая естественная, самая-самая человеческая жизнь. Я её помню, у меня была когда-то она. Но я не выдержал. Слава богу, люди разделены на две части, иначе - либо застой, либо хаос. А так – люди творческие развивают человеческое, саму жизнь, а люди обычные, нормальные - и их большинство - держат жизнь. Так что я завидую тебе, я благодарен тебе – ты опора! На тебе держится жизнь! Держись. Спасибо тебе.

Ты знаешь, твоё замечание – «можешь прошагнуть человека» - попало мне не в бровь, а в глаз. (Знаю, что сказано «про-шагнуть». А слышится, будто - «пере-шагнуть». Хотя, на самом деле ведь, нет, ведь ты сказал слово совершенно другое. Но нет, обидно, обидно даже стало, неужели я жестокий?) Прогревая свои бронхи в русской печи, я думал об этом. Что ж, прошагнуть, так прошагнуть, наверное, это так, если только в твоём новом слове нет оттенка от высокомерия.

...А вы не купались в детстве в прудах? Впрочем, что я такое говорю родившемуся на Онеге... А мы купались, в нашем городе не было реки. Ты знаешь, пруд, если он только что отрыт, год - и год, и два - хорош. Как река - чистый, свежий. Потом что-то происходит, замутнение, заиливание какое-то, вода зацветает, тухнет. Не помогает даже весеннее обновление. Вода застаивается. И чем больше возраст пруда, тем вода его неприятней. Головастики, лягушки, ряска, тина, зелень вонючая, тягучесть какая-то. Даже коровы не пьют из старого пруда. Ну стоит вода в прудах, не движется, всё одна и та же – чего с неё взять?! Чего от неё хотеть? Ветер только один и смущает водяную прудяную поверхность, - а сантиметром ниже уже полное безмолвие, глушь.

Я могу иногда посидеть на берегу такого пруда, но любоваться его водой, но купаться, но пить из него – ну-ну-ну... Не стану, не буду.

Если ты собираешься стать «прудом», я, конечно, буду приходить по старой памяти, затем по старой привычке на твой «бережок». По старой привычке. Для ностальгии. Даже травку могу кругом окосить. Даже лягушек твоих из вежливости послушать. Но любить тебя, но скучать по тебе, но письма писать... Извини. Не буду.

Да, не все люди мне интересны. Это не «криминал»? Да ведь и я тоже кому-то абсолютно безынтересен!...

Кого-то люблю, к кому-то безразличен. Благоговейно уважаю трудолюбивых (без различия – профессия, ум... Труд! Постоянный труд даёт жизненную умность, а она-то мне и интересна.) Ценю порядочных, лучше сказать так – обязательных, верных своим принципам и своему слову. (К идеально-порядочным отношусь с подозрением: не лежит ли где свинья.) Интересны же мне только сильные, увлечённые люди. Трудно подобрать какой-то один термин, однословное определение. Давай назову так: богатые, неиссякаемые люди. Люди – родники. Источники. Реки, озёра, моря! Не пруды. И если, например, человек часами рассказывает мне о своём коллекционировании значков – как достал такой-то знак, когда тот выпущен, в честь чего, сколько знаков выпущено... И так далее, и прочее, прочее, прочее. Я!... Я прямо тащусь, балдею от таких людей, - я готов сидеть и смотреть на них, и слушать их часами. Мне, например, даже невероятно симпатичен толстенный Ниро Вульф, хотя я не люблю жирных людей и толстых, - и О.Бендер с его четырьмястами способами обойти закон. А вот добропорядочная компания порядочных людей, собравшихся в праздник выпить, поесть-закусить и перемолоть последние сплетнеизвестия, окромя приступа сильной тоски и отчётливого ощущения убивания времени иных чувств не вызывает. Странно, что ты можешь прогнозировать себя так.

Да, давненько мы с тобой не виделись. И опять при встрече ты скажешь мне, что «я уже не тот, что был вчера...» Да... «Мне эту жизнь так просто не вернуть». Верно, всё верно, я уже не тот, каким был даже вчера. И ты это увидишь. Но опять не будешь знать, почему. Почему? Я убедился ещё кое в чём. И это кое-что, право, грустно, даже печально: в этой жизни нам чересчур много приходится страдать. Я бы даже сказал так: эта жизнь дана, чтобы мучаться.

А ещё - никогда не думал, что на себе постигну тяжкий смысл странных библейских слов: «Страшно впасть в руки бога живаго».

Жить, означает и страдать. Не могу решить: плохо то или хорошо. Это данность, это принадлежность жизни, вот и всё, вот и всего. Но вот что интересно! Вот что оказалось: РАДОСТЬ И СТРАДАНИЕ – они-то и ДЕЛАЮТ ЧЕЛОВЕКА! Не ум, не образование, не материальное богатство, не труд, не знания. Радость и страдание, страдание и радость. Можешь спорить (Если можешь.) А по моему, так.

Пережитые маленькие - слепят маленького, большие - делают большого. Пережитые огромные выкуют огромного. И обязательно, чтобы они действовали в паре, чтобы воздействовали с двух сторон. Одно без другого...Выйдет, как косо поклеенные обои: вроде и комната и в тоже время комната какая-то наперекосья... Смотреть невозможно, лучше выйти, полная ерунда!... Одно только всё время счастье сделает не человека, а... - а тютю! А одно лишь без меры страданье – либо зверя-циклопа, либо раба. И даже – повторяюсь в раздумье - пожалуй, наверное, скорее всего: вне зависимости от интеллекта, образования, всего умственного прочего.

Вот поэтому, кто мне сейчас действительно интересен, - даже жадно интересен! - кого с жадностью пишу, так это люди с судьбами - путями нелёгкими, - ломаные, братья на излом. Братья, при этом не опустившиеся, не озлобившиеся, не сломавшиеся, а наоборот: муками своими себя увеличившие. От зла, через пережитые муки и недобро движущиеся к добру в себе, от пороков наших – к чистоте желаний своих. Вот таких люблю, вот здесь чувствую настоящее человеческое!

...А не в компьютерном бизнесе, куда меня ты зовёшь. Компьютеры, бизнес – это слишком просто, это пройденный этап (и не угаривай).

...Слушай, а давай-ка в самом деле как-нибудь съедемся? Уж пора? Может как-нибудь устраним бытовые препоны? Ну сколько можно говорить!... Мне что ли к вам приехать? А у тебя найдётся пара бутылок «Цинандали»? Нет? Ну так, как добудешь, срочно телеграфируй, сразу примчу.

Валерий батькович, ей богу, ты доставил мне множество удовольствий своим письмом и рассказом. Ты - герой, это для тебя подвиг. (Я тебе за это орден дам! Сделаю из паспорта качества с водки «Довгань», он как раз круглый.) Спасибо за рассказ, готов и посоперничать с тобой и отплатить той же монетой: в эпистолярном жанре.

Но, друг мой!... (Как писали в недалёкие стародавние времена.) История такова, что, право, не знаю как и начать. Ведь так и подмывает брякнуть: «Валера! Ты чего всё врешь?! Ведь так-то так, да не так всё было! Ты зачем всё пересочинил?! Да ещё как правдоподобно!... Ну ты даёшь!... У тебя же вышло «на то же слово», как у меня. Да так похоже!!!... И непохоже одновременно. Как мне и быть теперь».

Как быть - отступать поздно. Так что, жму руку, привет семье и listen to me, my dear friend - слушай.

«Что по-английски значит: пытаться?» Рассказ.

...Пробуждение было трудным, потому что горло изнутри саднило, как!... «Ох-й-ёй...» - Игорь с опаской дотронулся до горла. Как и вчера, и позавчера оно продолжало болеть. Однако возникло ощущение, что маленькие саднящие ранки внутри затянулись коростой, это означало, началось выздоровление. Игорь осторожно, чтобы не нарушить затянувшийся ранки слой, откашлялся. Голос был сип и глух.

В комнате стояла прохлада. Задёрнутые шторы мягко просвечивало зимнее солнце. Дети спали, жены не было. «Уже ушла?» На кухонном столе Игорь обнаружил записку: «Если пойдёте гулять, зайдите в детский сад, узнайте». Игорь постоял, соображая. Состояние памяти, ума из-за недельной болезни было размытым. «Чего узнайте?! Хоть бы написала, чего узнать?»

Новый день начинался напоминанием о старом. Накопившаяся от болезни усталость давала о себе знать: хотелось лечь, лежать и ни о чём не думать. И не делать ничего. Игорь потоптался перед раковиной в ванной. Вздохнул: «Взвешенное какое-то состояние... Отпуск кончается... Ангина эта!...» Он поднял глаза. Увидел в зеркале заросшего щетиной недовольного человека. Зрелище было настолько неприятным, что он усилием воли решил стать обычным собой. «Так. Побриться! Щетину сбрить! Зубы почистить! Горло прополоскать! И хватить киснуть!» Он начал умываться, бриться, чистить зубы... Простые действия обычного ритма жизни утвердили его в своих силах, улучшили самочувствие, подняли настроение. Радующимся, вошёл в детскую, стащил одеяла со спящих дочерей. «Эй, маленький народец! Пора вставать!»

Старшая дочь, сейчас же свернулась клубком и издала звук крайнего неодобрения, что-то вроде «ы-у-у...» Младшая приподня-

лась и снова упала в кровать. «Ну ладно... - нарочито недовольно пообещал отец. – Сейчас я вас разбуджу! Сейчас я вам сон прогоню, забудете про сон! - Он подошёл к стойке с проигрывателем и пластинками. – Для вас играет... - Игорь вытянул из секции с пластинками первую попавшуюся - Группа «Диалог»! Игра плавно опустилась на чёрный диск.

Музыка. Энергия. Вода, умывание. Свежесть воды, заряд бодрости. Чай. Рассеивается в голове ночной туман. Завтрак. Не нужно покидать дома - довольство. Все вместе убрали постели. Дочки уселись играть, Игорь присел на диване возле них. Младшая потянула его за рукав, поднялась, потянула к стойке с проигрывателем, пластинками. «Ма-па-па, ма-ма-ма». «Что – мама? Мама на работе, мама на работе». «Па-па-па... Му-ыу-ку тавь». «Музыку поставить... Пластинку?» «Та».

Игорь улыбаясь поднялся. «Да конечно поставлю. А что вам поставить?» Он раздумывал. «А поставлю я вам - «Бременских музыкантов». Он переменял на проигрывателе пластинки: поставил новую, прежнюю убрал в конверт. Зазвучала музыка. Он задержался у стойки, начал читать надписи на конверте пластинки. «Диалог». «Просто». Группа называется «Диалог», диск называется «Просто». На обратной стороне конверта он прочитал названия всех песен. Названия были написаны на двух языках: русском колонкой слева, английском - правой колонкой. «Группа «Диалог». Dialog Group. Диск называется «Просто». То есть - «Just so». Просто! Just so. Интересно, по-английски so означает «так». Что тогда just? Джаст. Соу. Джаст соу...

Игорь не был ни профаном, ни знатоком английского. Он не смог бы на нём говорить, но мог что-то сказать. Он смог бы прочитать любой текст, но при этом не определил, о чём точно написано. Он интересовался языком. Интерес пробуждался у него периодами – в школе, в институте... Предыдущие полгода он пытался наладить самостоятельные занятия. Последний раз занимался неделю назад, до болезни. Тогда он пытался – стремился, пытался, пробовал - отработать произношение гласных. Напала болезнь, - а болеть он не умел, переносил тяжело, запускал всё, забрасывал увлечения, тянул по инерции только самое необходимое, брал больничный и не ходил на работу.

«...Просто. Хм-м, просто джаст соу. Джаст, джаст - что же всё-таки значит это джаст? Нет, не вспомнить. Да я и не знаю этого слова. А если не знаешь, что значит вспомнить? Вспомнить то, чего не знал? Ну ты даёшь!» - примерно так говорил он себе. «Как можно вспомнить то, чего не знал? Взять из воздуха? Надо посмотреть в сло-

варе: узнать и запомнить. Запомнится, тогда можно будет пытаться вспоминать... Ой, горло болит как!... Разве запомнится сейчас что-нибудь... Посмотрю всё-таки, что же это за джаст такое». Он шагнул к книжным полкам, достал словарь, начал листать, отыскивая страницы со словами на букву «джей». Он сосредоточенно листал, отыскивал эту букву, задерживался глазами, если встречал знакомые слова, - когда словно ждущему ему открыли кран и потекла вода... В незапно он понял: сегодня уже листал словарь и что то «брал» в нём.

Ощущение было явным, чётким, но таким слабым, что Игорь даже замер, боясь нарушить и потерять его. Но где это было, когда?! Он зачем-то огляделся. Он был в своей квартире и никуда со вчерашнего вечера не выходил. Да и вообще уже никуда несколько дней не выходил. Он ещё машинально продолжал листать странички, а сам цеплялся за ощущение, тянул его на себя. И в памяти что-то прояснилось, и в сознание вплыл - «Что за бре...» - ещё говорил язык - вплыл сон.

...Школа. Его школа - его: восьмиклассника Игоря. Класс. Его родной класс. Звонок. Звонок с урока только что отзвенел и (неуместная подробность) затих где-то в дальних концах школьного коридора. Звонок с урока - ура!... Но никто из ребят почему-то не поднимается с места, не мчится, как обычно за дверь. Все ждут. Но чего?! (И, кажется, все даже знают точно - чего. Один Игорь недоумевает.) Игорь не понимает, однако, поддавшись общему настроению, не поднимается, не собирает портфель. Молча, по твёрдой школьной привычке держит руки на парте перед собой.

((«Боже! Какие подробности! Вот это да!» - влетела в сознание изумлённого сердца мысль.))

Молодая учительница приветливо улыбается. «Дети, - говорит она, обращаясь к классу, - вы, конечно, заметили: в вашем классе появилась новая ученица». Игорь прослеживает учительницы взгляд, поворачивается и... (Голос учительницы настигает его.) «...Её зовут Хэлэн». Справа от себя, за узким проходом между рядами парт, он обнаруживает новое для себя: видит симпатичную девчонку. Он приятно удивлён. «...Она из Англии. Её родители...» - сообщает голос учительницы. «Вот чудеса! - думает Игорь. - А я и не подозревал - три урока уже прошло! Но почему?!» Игорю вовсе нет дела до её родителей. Он улыбается девчонке, как старой знакомой, она улыбается ему. Они вступают в разговор. Да, (вот подробность!) - будто только они видят друг друга. И они вступают в разговор. Но вот перемена закончилась.

Следующим уроком геометрия. У Хэлэн нет стирательной резинки и угольника, у Игоря (почему-то) простого карандаша. Игорь и Хэлэн обмениваются друг с другом. Во время урока они тоже тихонько обмениваются – краткими просьбами, вроде : «Give me, please... -Thank you. Take me my... -Find me... -Yes I see that... -Let me take your...» Игорь чувствует, что порой перевирает слова, что у него ужасное произношение, что он часто неправильно делает ударения и неверно применяет времена. Но - главное! - смысл его речи его престелестной собеседнице ясен вполне.

...Как быстро, как незаметно пролетает урок! Снова звонок. Звонок, - и гомон кругом, и крики, и топот, и смех. Кажется, на них никто не обращает внимания. Это хорошо. Убраны учебники, пеналы, тетради. ОНА улыбается! Какая у неё интересная улыбка... Она нет - ОНА! – спрашивает («Зачем??»): “Do you speak English?” (Ты говоришь по-английски?) “Have you a good mark in English?” (У тебя хорошая отметка по английскому?) У Игоря в принципе давно готов ответ. Даже два варианта ответа. Например: «Yes, of course». (Конечно, само собой разумеется, несомненно.) Или: «No, please speak me slowly». (Нет, говорите, пожалуйста, медленно.) И он отвечает так. Он отвечает так, но потом ему хочется сказать ЕЙ, что он искренне хочет, искренне желает научиться, поэтому он... И он страстно подбирает ТО, единственное слово, которое скажет ЕЙ всё. Какое? «Я учусь? Нет, это не то. Я хочу? Нет. Я пробую? Не это. Нет – я пытаюсь, я стремлюсь! Вот что подойдёт! Надо сказать это!» Но Игорю неизвестно такое английское слово. И в тоже время он УЖЕ начал отвечать, он УЖЕ произносит начало ответа, он уже отвечает. Он говорит: «I... (Я...)» И пока он произносит это английское «я», спохватывается: «Что же мне делать?!» Мгновенное напряжение «памяти, ума» – и перед глазами Игоря возникает, сразу перелистываясь, словарь. Игорь (глазами) подхватывает листание, доводит до нужной страницы, находит ТО слово, ТОТ глагол. (Это глагол.) В нём три буквы. Игорь радуется, что смог быстро найти, всё сообразить. Словарь больше не нужен и словарь сам собой исчезает (словарь просто исчезает, а не становится закрыт). «Да, но как произносится слово?» Игорь теперь жалеет, что не посмотрел транскрипцию, что нет больше словаря. Но словарь и не нужен – у Игоря всегда была хорошей зрительная память, поэтому он теперь видит слово. Да, он именно видит! Две первые буквы – согласные, третья, последняя – гласная. И эта гласная в разных сочетаниях произносится двояко. Игорь в затруднении. Но, оказывается, ответ им уже произнесён!... Произ-

несён и... Понят и принят - принят с удовольствием, одобрением, с улыбкой, которой он добивался, которой ждал.

...О чём рассказывает, что ему щебечет теперь собеседница Игорю как будто уже не важно, теперь не важно. Да. Потому что главное - дружбу - он завязал. Он улыбается ЕЙ, милой, прелестной в ответ, кивает в ответ, старается не пропускать в обрушивающейся на него словесной лавине вопросы, старается, пытается отвечать на них... Но всё словесное уже не важно, важно, что ОНИ теперь разговаривают на...

...«Что?» Он ошарашено замер возле пластинок, проигрывателя. Он взвешивает на ладони словарь, как будто пытается загипнотизировать толстую книгу, открыть словарь взглядом. При этом мучительно пытается осознать что-то. «Что?!...» Ему нужно удержать в себе, удержать и не упустить что-то важное. «Что?»

...«Что это? Как это так? Это – сон? Наваждение какое-то... Это значит, я пролистнул сразу все ненужные страницы, нашёл быстрехонько, за тысячные доли наносекунды нужное слово, взял и проговорил его. То есть, сказал. Та-ак... Сказал... Взял, нашёл. Нашёл, взял, сказал. Сказал, взял, нашёл». Звук собственного голоса подействовал на Игоря отрезвляюще. Он осмотрелся: где я? Он попробовал подвигать плечами, шеей, - моргнул глазами, посмотрел вверх, вниз. Всё было о,кэй.

«...Это значит... Что, собственно, это значит...» Игорь стоял и отрешённо улыбался. Он подумал, что от случившегося глупо будет просто так отмахнуться. «Так, так, так. Вот вам и джаст соу, - назидательно сказал он дочерям. - Ну-ка не балуйтесь. Не шумите так! Тихо! Тихо! «Чапай» думать будет!»

Устроившись поудобнее на диване, Игорь принялся с дотошностью выуживать из памяти всё, что осталось от сна. «А отчего я вообще проснулся? Был гудок... Нет, был звонок. Магазин, что ли, открывали внизу? Странно, обычно сон всегда прерывается на самом интересном месте. А здесь я его прошёл. А может, ещё не прошёл? Оу!... А может, я ещё не дошёл, а?!» - эта внезапная мысль настолько поразила его, что он даже испугался, ведь в таком случае его ожидало вообще нечто невероятное. «Уж тогда бы я точно дошёл: до ручки. Да ладно, оставим чёрный юмор. Итак, была школа». Игорь подумал о ней, но что-то уже не давало полной уверенности, а Игорь был инженером и привык к точности формулировок. «Нет – вроде бы была школа... Класс. Класс? Почему тогда не запомнилось ни одного одноклассника? Так что же: вроде был класс?!» Игорь уже не был уверен. Он колебался и уже не мог вернуть явственного изображения. Действительно, всплывшее отчётливо в первый раз, теперь

потускнело: как бы заколебалось, поплыло. Так лёгкий ветерок смазывает на воде отображения. Одно лишь Игорь ухватил и держал прочно: он сам, став во сне мальчишкой, разговаривал по-английски с девочкой из Англии. И абсолютно точно, что в одном из эпизодов беседы, она его спросила: ты говоришь по-английски? А он (ответив: да, говорю, но плохо, поэтому говори, медленней) постарался донести до неё, что он всё-таки... И на этом «всё-таки» изображение мгновенно расплывалось.

Игорь на минуту перестал думать о сне, перевёл дух, сказал что-то дочкам. Затем усилием воли заставил замереть всё внутри себя, попытался отнять у явно закрывающейся памяти кончик ниточки – часть изображения. (При этом на другом, более тонком уровне сознания он одновременно посмеялся над собой: вот, напряжение «в сети» падает и доступ к памяти прекращается. А ещё на одном – ещё более тонком – он рассердился: «Ну и бардак у меня в голове! А ещё говорят, чужая душа потёмки, когда тут своя голова сумерки!») «... Так, что же я сделал, а?» Он растянулся на диване, непонимающе глядя на играющих дочерей. «Нет, всё-таки? ...» Ему вдруг вспомнилось, что они с девочкой (ему неожиданно открылось: её звали Helen!) пели песенку «Май бони»! Он подумал: «Зацепиться бы за этот эпизод и!...» Попробовал и не смог. «Нет, надо сосредоточиться на чём-то одном, главном. Так, листающиеся страницы. Они возникли сами по себе, я лично не открывал никакого словаря. Страницы возникли сами, от сильного напряжения, от какого-то сильного желания. Слово, которое мне было нужно, я именно увидел. Нет, я – «увидел» его. И «взял». А не вспомнил, не услышал, не подсказали и так далее. Но акцент тут, пожалуй, надо поставить на «увидел», а не на «я увидел», потому что, может, это был и не я. Как теперь разберёшь? Так, слово. Слово это было – глагол. Ведь я хотел сказать ей, что я что-то делаю». Так осторожно, пользуясь то памятью, то ощущениями, то логикой Игорь пытался вытянуть на себя ниточку, добраться до слова, а главное – до СПОСОБА взятия слова! «Глагол. Из трёх букв. Две согласные. Но нет, кажется, две гласные». Он снова сел на диване, мучительно напрягаясь, всё больше недоумевая. «Если две из них согласные, то почему я думал, как их произнести? А? Над чем тут думать?!... Значит... Значит две из них гласные! Две гласные в глаголе из трёх букв - я найду его!!! Есть основа для поиска! Я отыщу слово и вспомню весь сон!» Он почувствовал, как сильнее застучало сердце. «Конечно, по двум гласным в конце я найду его – неделю буду искать, но найду!» Он попытался успокоиться и не смог. «Ну ладно...»

Прокрутив сон ещё и ещё раз, напрягая память ещё и ещё, напрягаясь весь сам даже мышцами, Игорь почувствовал, что изображение колеблется и стирается уж напрочь. Теперь он не мог бы даже сказать, что были класс и была школа. «Да, - говорил он себе, - помещение было похоже на класс. Но почему я в этом уверен? Был разговор и потребность подобрать слово. Было увиденное на странице словаря. А был ли это словарь?! Вот!!! Был ли это словарь!... О-о-о!... Да что же это такое!!!...» Игорь чувствовал, что хочет схватиться за голову и потрясти её. «Тогда всё, стоп: с этим хватит. Возьмёмся за слово. Почему я решил: первые две буквы - согласные? Ведь если так, то почему я думал, как его произнести? Что за ерунда!...» Он вдруг понял, что запутался уже непоправимо. А ещё вдруг осознал, что уже какое-то время то вслух, шёпотом, то мысленно перебирает знакомые английские слова - ойл, эйк, сэй, мэй, пэй - и анализирует ударение. «Бог ты мой! - чуть не вскричал он, - вспомнить бы каплю какую ещё из сна!... Ладно, она спросила, я ответил. Дальше что? Ни-че-го». Тут Игорь осознал, что не может И УЖЕ НЕ СМОЖЕТ ни вспомнить сон, ни глагол.

Он поднялся с дивана, подошёл к книжным полкам, взял другой словарь, - он брал то один, то другой словарь, по очереди вдумчиво листал их, потом листал просто так, туда - обратно, - но ничего не выходило, он так ничего и не нашёл. Не отыскал, не увидел, не вспомнил, не взял. Хотя - пытался.

Листая, перелистывая словари он не раз пробежался взглядом и по ТОМУ слову! Но равнодушно скользнув по нему, спешил взглядом дальше, - проходил мимо, оно ни разу не остановило, не задержало внимания, потому что в жизни он никогда не пользовался им: он вообще не встречал, не знал его.

(P.S. Я вовсе почистил бы мир: убрал из него всё то, о чём ты пишешь в постскрипту, потому что всё, что только помыслено уже произведено! И в так называемой ноосфере уже существует. И давит на нас, и засоряет нас - наши чувства, наши умы. Мы же чистим иногда свалки, сжигаем мусор? Мы знаем: большие объёмы грязного, мусора - опасны. И не копим бесконечно его.)

1985 - 1995 годы

Ленинград - Иркутск - Сосновый Бор - Москва - Усадьба Архангельское

Судья

рассказ

Он слыл: судья! судья-а.

Впрочем, к чему мудрствовать до читателя?...

Он действительно был им, раз в суде работал судьёй.

Ох, какой, доложу я вам, то был судья: казалось, он пропитан духом закона!

...А ещё многим казалось, что, стоя на букве закона, как находясь сразу - у перископа, со стетоскопом и на скале - он всё и вся видит насквозь; и слышит одновременно. (Даже его новый секретарь (секретарь судебных заседаний – примеч. автора), - двадцатитрёх-летняя разбитная, практически относящаяся к жизни девица, имеющая «лапу» в Верховном суде, а районном суде этого провинциального городка набирающая необременительно юридический стаж, норовом нравя Москву, вскакивала при начале судебных заседаний под собственные слова - «Встать! Суд идёт!» - не из процедуры, а из непреходящего страха: ей всё казалось, что серый глаз Константина Петровича!... просвечивает её сквозь; так что он (Ка Пэ), едва войдя в зал, (и поведя оком тут раз) УЖЕ всё знает (он – видит!); и она делалась старавшей протокола, она прятала от него глаза; сегодня, в частности, потому, что его снисходительный чудной взгляд и его вниз-вверх покачивания головой - лишь тактичная форма неодобрения её вчерашнему, ночному балу; («баловалась, баловалась...») с «травкой» на квартире у смешного дружка... а затем, - до ноля трёх часов и, кажется, («вот-вот, именно - кажется...») двадцати пяти минут - парному («там же, там же...») катанию в постели.)

Да-а-а... Когда Ка Пэ входил в зал!... (И особенно с тех пор как ввели эти умопомрачительные мантии.) Собранный, величественный, равноготовый дать и отнять, неумолимый грозный, - даже невосприимчивый к ударам фемидо-закона местный прожигатель жизни Вовчак, с регулярностью, множество раз присылаемый на скамью за поножовное хулиганство вкупе с беззастенчивым воровством, привскакивал и умилялся; и в состоянии какого-то безумного опы... ..летворения сладко-страстно ширил глаза; готовый, как европейский мазохист, подставлять плети закона по полности свои любые места: ему до обалдения нравилось КАК его судит «Ка Пэ»!

А вот девочки, молоденькие непутёвые секретари судебных заседаний, ума лишались от Ка Пэ всерьёз. Вздрагивали истерически, плакались друг другу за сигареткой, горячась в судейском архиве и шепча дымочками в форточку. «ОН опять орал-л-л... Сказал-л чичи-чи-тать старые протокол-л-ла...». И, укрытые как кустами, томами и полками, вытягивались губочками, тряслись с пеплом пальчиками, востря ушки и кося глазки : не идёт «зверь»? («...Где наши «зайки»? Опять попрыгались... Опять этот «ведмедь» их распугал...» - хмуро брюзжал тогда – примеч. автора - председатель суда.)

Ка Пэ с них спрашивал! Требовал: «Каждое слово. Каж-до-е! Барышни, что вам не ясно? Каждое, произнесённое на суде, должно попасть в протокол! И попасть - чётким почерком, а не так!... Девушки. Что это такое?!... Что тут у нас за курица водила лапой?!... Это же судьбы людские... Наконец поймите!... А не бумаги. Эти бумаги... И не смейте там марать! Не умеете – учитесь. Не справляетесь, не можете, не хотите, тогда - марш отсюда!...» И секретари у него вкалывали до жалоб, увольнений и слёз.

Управы не было - судебный ДЕПАРТАМЕНТ пособствовал Ка Пэ, как солнце виноградарю искусному: феерически. Спросится почему? Ни одной серьёзной «отмены». Ни-од-ной! (Какое это имеет значение, как доступно всем дать понять? Ни одной аварии в работе водителя, ни одной скисшей бутылки у винодела на тысячу их, бутылей, вина...) Вообще всего две отмены решений суда случилось у Ка Пэ за последние десять лет! Вот это профи, вот это да! Кто может превзойти пониманием.

...А взять хотя бы события последних дней? Конечно (и вы поймите), подобное - случай нечастый и несчастный весьма: действия отдельного человека на целую неделю, от одних выходных до других, стали предметом пересудов, споров, размышлений, то есть внимания, страстей - повышенного внимания! - целого города; всего районного града. Ведь судья (Ка Пэ...) не посадил. Мало того - отпустил на свободу! Вора, рецидивиста. Судья (чёрт поberi! и - боже мой... - сказали городом - примечание автора) упёк за решётку местного водочного «короля».

...Говорили, у последнего случился на суде ш-ш-Ш-шок; после - инфаркт (настолько он не сомневался в своих силах, своей правоте и - конституционной - свободе). И теперь на Ка Пэ!... Готовят наезд четверо!... Причём одна пара гневных этого безапелляционного цуга из дорогих областных, а одна - из претенциозных московских адвокатов.

Ка Пэ, интриговались, во время процесса прикинулся - э-э-э... «дедушкой слепеньким»... (Что, мол, что с меня взять?! Я старенький судья-а-а, у меня скоро пе-е-енсия... Что вы хотите - всё исполню, всё сделаю! Но я... лишь регулировщик. Раздатчик... Сижу вот тут в балахоне у владычицы, просто служу. Рыбка у неё на посылках... У этой, этой, которая никого не любит, ничего не видит... Сам спрашиваюсь, сам трепещу буквы закона. Так что - чего от меня ждать? (транскрипция автора)) Сделал вид: «беспристрастен, холодно справедлив, никого не отличаю»... И не учитывал необычайно иезуитские доводы адвокатов. Как бы взял и отошёл в сторону, по принципу «не мешать» предоставил катку закона свободно ехать. «Проехал» его туда... сюда... туда-сюда-туда-сюда, и ещё-о раз... и обра-а-атно... Пока тот - неожиданно! - как бы сам собой (как это и водится у катков) не закатал то, что положено (в асфальт, да); вот как так? (...А - нельзя насилловать девочку, даже если она сама садится в твою машину и сама едет с тобой; а у тебя, как тебе кажется, всё куплено, на лацкане - значок «всё: я - депутат», а за глаза называют «мафиози».) Всеспёкся «король». Город гудел, как взбудораженный улей. Судачили про «короля» недобродушно: спешиденьжи теперь, нанимай хоть всех столичных адвокатов. Если успеешь... С клеймом известной статьи в «зоне»...

Случай с воров трепанировался особо. Осведомлённые шептались в узком кругу о том, что, когда на первом же судебном заседании, дождавшись обращения суда к нему, Петя-Палёный встал и негромко объявил - «Гражданин судья. Прошу учесть Вам моё заявление. Железнодорожный (магазин - примеч. автора) - не моя работа. Железнодорожный взяли 1 января. А 25 ноября мне стукнуло 55. И я тут сдуру, на спор обязался завязать. А базар тот проспорила. И вообще - болел я, хоть бы проверил кто толком. Зря меня, гражданин судья, парите.» - Ка Пэ вдруг резко отложил дело и устроил так, что *минут пятнадцать беседовал с Петей тет-а-тет* в одном из служебных кабинетов. *Что однозначно является служебным проступком и даже нарушением этики.* Вспоминали, что свои вторую и четвёртую ходки Палёный делал посредством него, судебные процессы были долгими, и Ка Пэ знает вора до желёз. *И по-ве-рив-во-ру-на-сло-во!... Матери-алы-об-ви-не-ния-раз-ва-лил!* Палёного - в миру Петра Акиндиновича Палёнова - отправил лишь под подписку о невыезде в посёлок, к матери, дело - как говорим мы - «шапками закидал» ... и отправил - а тоже «к ...матери» (на новое расследование - примеч. автора). Вот так.

Да! Ехидничали - по обоим случаям, по «королю» - особенно, Ка Пэ подстраховался, где как кем только смог. У прокурора чайку попил, в РОВД, у начальника, за рюмкой, чай, посидел, съездил в облсуд, даже в ФСБ к однокашнику заходил. *«...Видимо, всех убедил, что ИМЕННО ТАК нужно».*

...И заклеймённый Палёнов теперь (Пётр - Автора примечание), мол, ходит везде с гордо поднятой башкой, на участкового чуть не плюёт, свысока цедит, что у него «типерица «крыша» есть» - Ка Пэ, и совсем не ждёт «срока».

Говорить - говорили, но никто на тему правильности решений Ка Пэ не рассуждал. Делает человек своё дело, судя по всему неплохо, грамотно делает, - ну так везде кому-то надо с чувством, толком, расстановкой работать, - ну так за пять лет в прокуратуре и двадцать три года в суде можно научиться добротню, профессионально работать? В конце концов кто что «в верхах» заключил!... Для города!... С населением восемнадцать тысяч человек!... Рвение директора «Водоканала» в устройстве четвёртой и пятой скважин питьевого забора не менее - гораздо более! - интересно и жизненно важно, чем любые, самые неожиданные, самые справедливые реяния в суде.

Суд в городе и районе уважали; в том числе и из-за Ка Пэ. Как мы говорим иногда, это – Учитель или это – Врач, так и Ка Пэ в Торжественных Случаях подношения грамот и наград, бравирюя им, возносили: это Судья. Сей человек (дань должно отдать) всю жизнь посвятил (доложено вам) нелёгкой службе-работе. Никто в городе и помыслить себе не мог, что на месте Ка Пэ - Константина Петровича - возможен кто-то другой; Ка Пэ - это не судья даже, это уж имярек место! Все привыкли: с утра и до вечера, а случается, допоздна, бывает, и в выходные дни у Константина Петровича всё страда. Я думаю, вы уже поняли всю его жизнь. Умница, труженик, профессионал.

...Забавно, однако, что если когда-либо у обывателя и существовали заблуждения, то заблуждение о Константине Петровиче – ярчайшее! Всякий, кто свёл бы знакомство с ним в непринуждённом кругу, к примеру, на речке во время купаний и солнечных ванн, на рыбалке, мужской тусовке в бане, - либо просто дома, у него, при обычном вечере и свойских гостях, узнав впоследствии, кто Константин Петрович, первым делом бы непременно подумал, что мстится, изумленно кликнув: «Петрович!? Что?!... Костя-то?! Не верю». Завернув известное в фразу Станиславского. «Конечно, Вы шутите. Не шутите?!... Хм-м. А я думал, он... А оказывается, он...»

О-о-о!... Он был толстый большой весёлый человек. Ра-а-душный, хлебо-сольный, гостепри-и-имный; любознательный, начитанный; беспечный (в кругу друзей - примеч. автора!); балагур и атаман; приветливый, свойский; хоть несколько церемонный. Ярый любитель маленьких тесных компашек, шашлычков, винишка, рыбалочек, бани, страстный огородник и пчеловод. Завязтый автомобилист, сейчас он разъезжал на «Ниве»; а на даче, которая являла собой участок в сорок ухоженных соток с простым, да отменно добротным деревенским домом на краю отшельной деревни, под навесом, заботливо ограждённые хозяином от воды и ветров, за стеной тесовых досок красовались снегоход «Буран», тракторок ЮМЗ и ЗИЛ-самосвал; без номеров, лишь для деревни, списанные.

Зимой Петровичу было скушно. (О работе, - примеч. автора, - сейчас молчим.) Иногда, вернувшись от дел и отужинав, он сообщал своей половине: «Валюша-а, что-то я поустал сегодня, прилягу пойду». И - укладывался с книжкой на пухлый кожаный диван; или упал в кресло с газетой; либо принимал, как к окну, к телевизору. Иногда он звонил жене ещё днём, заранее, на работу и стонал: «Ну что-о-о, душа моя... Вечером опять заняться нечем. Сердце моё, пойдём напросимся сегодня к Ко-й.» Или: «Я пригласил, знаешь, сегодня в гости Пов-х. Ты, солнышко, не против?»

Его бессменная благоверная ре-е-едко ему возражала. (И то заметим: а чем?... И - любимой «стене»?!...)

Воскресные прогулки на лыжах не вдохновляли его. За зимние удовольствия он почитал книги, газеты после ужина, толстые журналы, телевизор, походы в гости и баню.

А вот начиная с ранней-ранней весны!... А в лесу? Как только сойдёт снег. А сезон копки и посадки гряд?! А время роения пчёл?! А заготовка веников! Сбор урожая! Озимые посадки! Вывоз на гряды навоза!! (Примеч. автора: Вам как??)

Под любым предлогом Петрович точь-в-точь (если уж ну совершенно преступно и – никак невозможно «поранее») в семнадцать пятнадцать, ноль-в-ноль, вылетал с работы.

... «Тот ещё... гусь... - ворчал (правда, только себе под нос - примеч. автора) председатель суда. (Он был, в отличие от подчинённого, заядлым охотником и мыслил зоологически.) - Дел стая, отчёт на хвосте!... А у него – ну-ка: бу-бух! – вторым жаканом в одном стволе второй больничной... Высадка помидоров у него, а не ОРЗ! Уж я-то его повадки знаю. Это вот, что, а?...»

Ну, брюзжи не брюзжи, а каждый сведущий мало-мальски понимает: рассаду надо высаживать более точно в срок, нежели, скажем, плеяду уездных басурманов; рассада, она тем и свойственна, что пока суд да дело, ждать не будет; и урожая не даст. И Константин Петрович понимал это куда более жизненно, чем судейская голова.

... А какие шашлыки устраивались у Петровича по пятницам!... А молодого барашка? А в кругу друзей! А на вольной природе... Принять «витаминов Це» - сальце, мясце, винце... (Ах - (это автор...) и мне бы словце!...) – дабы восторгом воспрять от бездушной болтанки недели.

Постепенно Валюша его приучилась игнорировать дачные послерабочие пятницы и появлялась в деревеньке лишь в утро субботы; поэтому с 18 до ...-дцати, и до краю-упаду, на дальнем конце деревни, в королевстве Петровича пленительных людей, царило настоящее мужское раздолье! (Не смущаемое, не спутываемое в угоду некоторым нашим мучествам соблазнительным инополым присутствием. Ибо если десятью годами ранее Петрович и был ценителем и любителем *всего*, то ныне... Ныне, когда возраст, как говорится, «к шестидесяти»... И обоим детям «под тридцать»... И кроме репутации, привилось что-то большее, что нужно хранить, а можно утратить,

совсем утратить... *Левый* интерес Петровича свёлся к безукоризненно-безобидным поцелуйчикам и потискиваниям (на предмет сохранения форм) секретарей (всё – женщины, - примеч. автора) соседнего районного суда; где председателем сидел у Петровича закадычный друг и куда Петрович изредка наведывался с коньячком, дружественными визитами и конфетами женперсоналу. Валюша снисходительно смотрела на такое *это*. «Вот не ревнивая ты у меня, - иногда вслух сердился Петрович, - как, право, маня».)

...К среде либо четвергу оформлялась компания. С обеда в пятницу на дачу Петровича засылался самый свободный, имеющий «колёса» – «гонец». Задачей гонца было вместе с постоянным жителем деревни Егором-«Аборигеном» протопить к шести баню, охладить в проточном пруде пиво, наносить воды, начерно подготовить вечерний стол. Закончив городские дела, друзья слетались, парились, грузились пивом, рыбой, шумно плескались; обсыхали, вновь взмокали за чаем; отдыхали от всего предыдущего и, лёгкие на помин и подъём, подымались к застолью; словно престолу.

Всегда крепко сколочен был возвышенный круг друзей!

Выбор же их Константином Петровичем *непосвящённому*, впрочем, показался бы странным. Что Вы, например, скажете о следующем конгломерате, свободно манкирующем разграничительными принципами обычных сословных компаний: хозяин дачи (уважаемый в городе, районе и областном департаменте судья), оператор котельной (почти кочегар?), главный инженер – и.о. директора «Водоканала» (весьма солидная фирма), рядовой автоинспектор (произносится сквозь зубы ... - взяточник дорог), зубной врач (изверг всех нас спасибо мучитель), врач-хирург (эскулап!), мелкий предприниматель (в привычном русском понимании – спе ку лянт), крупный предприниматель (в том же... - хапуга), житель деревни Егор (в местном речении - местная пьянь; он же – сторож дачи Петровича, он же помощник Петровичу в копке гряд, заготовщик ему дров, подручный - в ремонте автомашин и бульдозерист зимней дороги), один писатель, директор расположенного вокруг маленького совхоза, начальник следственного отдела РОВД, заведомом областной администрации, один военный пенсионер – инвалид-майор, инспектор районного филиала Госстраха. Это костяк.

Из него собирались за стол по обычным пятницам пять-семь человек; нечасто - более восьми, крайне редко - все пятнадцать. К сговорившимся пяти-семи генеральным, по желанию хозяина - и с одобрения оных - могли присоединяться на время иные, так сказать, не входящие в круг; приятные варяги, или на раз гости.

Случалось и не на раз: иной махрово рядится пол лета; да к осени отцветёт. А тот же Егор беззаботный - прекрасный люпин безвременьем увядшей деревни, в вечных кирзачах «здравствуй, село» - забрёл когда-то нецеремонно, совсем не по городскому обычаю на огонёк да «при огоньке» и остался! И директора совхоза - однажды пригласили к столу чисто из вежливости (раз уж подъехал...) да так ладно подошёл костяку, что сам теперь бал правил. Разные люди случались, по большинству отсеивались: компания не использовала впрямую, на что иные рассчитывали, подбиваясь, чего бы хотели - чины, накопленные связи, возможности, авторитет друг друга. Станный конгломерат.

Вот в последнее лето к ближайшему окружению прирос новый следователь прокуратуры (год проработал в районе молодец). Приехал как-то по срочному делу, за начальником сэо, в мае, в пятницу, в поздний вечер, - да сто раз извинился, что от *дела* людей отвлекает, да минут двадцать из уважения к компании посидел - молча речивым, светло улыбаясь и застенчиво реагируя, - да от водки отказался, а хорошего вина стаканчик вы-ы-пил, и окорочок с хлебушком (когда предложили) съел. (Ночь предстояла ему, кажется, отвратительная, служебная, бессонная.) На гитаре сыграл ещё; душевно (когда попросили - примеч. автора).

Был зазван две недели спустя. Вдруг пришёлся ко двору. (И в городе заговорили: «Ка Пэ-сан» готовит свои кадры в прокуратуре?...» Ну это зря - мальчику всего двадцать.) (точнее - 23 года - примеч. автора) Практический такой мальчик, перспективный без протежирования; с любопытством к жизни, и умненький; скромный; однако не нерешительный, когда требуется! И твердолобый: упрётся бычком - не свернёшь. (Тридцатилетние разведённые женщины таких любят.) Олег звали.

Вот этот-то мальчик и сыграл, что называется, роль ставящего иголки в мелодлируемой здесь акупунктуре.

Вышла история.

В августе, в одну из пятниц, собрались у Петровича на даче как обычно. Съехалось шесть человек. После баньки сидели в беседке, под крышей, кутались в тёплое: день выдался не го́ж. Все вдруг притихли, как заскучали. Нечто печальное витало в природе, листья уж падали – может, грусть потому?

Не слышалось смеха, баек, нашлись какие-то тихие занятия у всех. Грузный мешковатый Аравик учил тоненького Олежека что-то жарить на камнях очага, Петрович им мешал - сталкивал, коптил окорочка. У стены невидимые от огня Сергей с Владимиром вполголоса разбирали геройства выпестованного Егором из черники молодого вина. Егор при хвале клокотал голосом и на кряже в бликах и ветках чудился сатиром. Сатир на колкости блял по козлиному, мял в кулаке бороду, просто парировал: «А идёт-то приятно...» И густо дымил самосадам. Вечер быстро хладел, чувствовался близкий дождь.

Петрович заглянул в вёдра (приносилась родниковая вода; запрещаем далее примечать автору), вёдра пусты, передал своё занятие Сергею, решил принести воды до дождя, заранее. Огляделся: кого в спутники взять? Двести метров до родника! Олег толкается рядом. Ничем не занят? Ну и пошли.

Позвал: -Олега-а!... Олег эхом откликнулся: -А? - Петрович рассмеялся добродушно: -Как гаварыт мнэ инагда наш друг Са-аркисан!... - Аравик расплылся в улыбке, открывая ровные крепкие зубы, поднял руку, указуя перстом Олегу: тебе, мол, говорят, тебе. Передразнил сам себя и Петровича: -Ти памаложе, дарагой, схади, пажалуста.-

Будь так. Взяли вёдра и флягу. Олег на всякий случай захватил, бросив на плечо, куртку, Петрович перекинул через руку на кидку-плац.

По очереди набирали воду, стояли, слушали, смотрели. Вдыхали всей грудью: чудесно вокруг!... Тихая, созрела природа.

...Стесняясь, робея, даже с перехватыванием голоса - так волновался! - Олег внезапно заговорил:

-Константин Петрович, вот... Вот скажите мне!...

Возникла пауза. Петрович поднял от родника взгляд, удивился:

-Ты что? Чего тебе?!

Нервно, ломано Олег зачастил:

-...Кнстн Петрвч... Скажите ...Пжалста!... Нет, мне у Вас всё здесь нравится! Но вот скажите, пожалуйста...

-Да ну чего?

-Да вот компания ... М-м-м... Наша... Только! Я Вас прошу! Пожалуйста! Не рассказывайте ничего никому. Не говорите. Пожалуйста.

Петрович отставил ведро.

-Ну слушаю. Чего случилось-то? Как на духу говори!...

-Ну Константин Петрович...

-Да что ты заранее!... Как женщина.

-Слово дайте.

-О, бог ты мой... Тьфу! Ты что, копаешь, что ль под кого? Из своей прокуратуры...

Олег мило перепугался. Петрович ещё раз удивился и замолчал. Вода была набрана, и пора, и можно идти.

-...Пошли давай. - Петрович взял вёдра, пошёл. Поставил их, повернулся вдруг : -А!... Понял тебя - валяй. Давай: валяй дальше.

Поободрённый пониманием, Олег осмелел.

-Константин Петрович, вот я не понимаю просто и всё: я же всего в четвёртый – пятый? - раз у Вас. Вот смотрите. У Вас сегодня...

Петрович перебил тихонько:

-Не у меня, а у нас...

-Ну да - у нас... У вас... Начальник нашего сэо ровэдэ! И предприниматель Саркисян. Говорят он... Ну прохиндей из пройдох!!!... Хотя мне так нравится.

Петрович начал слушать внимательнее.

-...Преступление совершил?

-Н-нет!

-И не совершит!

-Но он же!... Он же всё деньги крутит, как!!!... Ну, я не знаю, кто... Вот-вот может сорваться! Сорвётся...

-Типун тебе на язык! – вскрикнул Петрович. - Нельзя так, Олег! Не каркай! Слово силу имеет - это тебе ещё не ведомо.

-...Ну всё равно - на грани фола всё, по лезвию ходит!... Деньги! Кругом него всё одни деньги!

Петрович возразил:

-Не та-ак... Совсем не так! Он - любит делать деньги! У него увлечение такое. Открою тебе секрет – лет с пятнадцати. А уж – ше-

стьдесят пять. Дед!... Ему не жалко их – попроси на дело, сколько надо даст!...

Олег оскорбился:

-Да я?!... Денег просить?!?!...

Петрович махнул рукой:

-Да я не о том...

Олег посмотрел строго:

-Но он же как бы... Плохой?...

Петрович длинно, по коровьи, вздохнул, и промолчал.

Олег завёлся, разошёлся, дальше в дебри полез:

-...А ещё: бывший начальник ГАИ. Его же не просто так перевели, его, надо понимать однозначно: разжаловали! Турнули с должности!...

-Ох, всяко бывает, все мы люди... - едва слышимо уронил Петрович.

Олег наострил уши:

-...Может, подсидели?...

-Нет-нет, всё нормально... «Прошли...»

И - Олег «побежал»:

-...А из котельной? Бывший заворг райкома КПСС!... Все его коллеги при должностях! А он!... Станный... Теперь в церковь ходит... И сторож Егор. Как ни увижу – всё, как пьян. Так и думается: «местная пьянь». А с ним сидит - из областной администрации. Ну!...

И Олег в бессилии развёл руками, потом махнул рукой.

Петрович опечалился, скис.

-...Тебе что, Олег Юрьич: пре-тит?!...

Олег обиделся, завопил!

-Вот!!!... Так и знал!!!... – завопил - Нельзя-а ни с кем откровенно!... Нельзя откровенно даже с Ва-а-ами!... Вообще-э уж тогда с кем!...

Отвернулся, застыл истуканом. Серdito играл желваками, серdito моргал. Пробурчал жёстко: -... Да мне, может... Егор больше всех тут, это... Нравится! – Спohватился. - Ой, извините...

Петрович тихонько добродушенько посмеялся.

-...Егор, - продолжил Олег, - он хороший... Я вообще! Я же просто Вас как бы со стороны спрашиваю, как посторонний как будто. Как вот только пришёл, и впервые, и никого не знаю, только по слухам всё да по именам.

Петрович обрадовался, развёл ему руками, словно приглашая к чему. А вокруг лежали поля?!...

-Ну так и вот?!...

Но «бычок» добивался конкретного ответа!

-...Так я у Вас и спрашиваю: как у Вас такие... Почему такие друзья! Отчего? Почему так? И почему я здесь?!...

Петрович выразительно, демонстративно по-мужицки, хлюпнул носом, почесал затылок, посмотрел на небо: упали первые капли дождя.

А Олег продолжа-а-ал:

...-Ну - Василий Ильич, он директор совхоза, понятно... Он, конечно, фанат своего дела. Но – понятно: тут совхоз кругом, без Василия Ильича никак.

Ка Пэ тяжело вздохнул, выронил:

-...А я-то, было, подумал... Ну – дура-а-ак!...

- И не дурак!!!... - уже не на шутку разволновался Олег. – Как будто словами не можете сказать! Дурак... Конечно, дурак! Вот и рассудите мне! Вы же у нас... - Поискал подходящее - не нашлось слова; так вертелось привычное, что не приходило иного; и брякнул им, достал... Как только что долечки ковшичком черпал из родничка. Звякнул тем, что само сорвалось: «Судья!» И было для языка столь обычным, перво-знакомым.

-...Вёдра бери и пошли, судья... - рявкнул Ка Пэ. - Люди ждут.

Посыпал дождь. Пришлось одеваться. Олег застегнул куртку.

Петрович расправил свою накидку-плащ. Шагнул вперёд, к дому.

-Давай, Юрьич... Пора идти.

-...Ну Константин Петрович!- взмолился тот.

-Да ну что тебе?!...

-Ну почему...

Петрович остановился, мальчик смотрел на него, ждал.

...И тогда, завернувшись в плащ-накидку, как в мантию, судья, большой весёлый человек, мягкой улыбкой ответил ему: «*милый – то Вы мой...*»

А сказал: *неважно, кто хороший, а кто плохой – важно, кого мы любим!...*

(...Две недели спустя, кажется - да-да, именно так, кажется - в ночь, в вагонном купе всегда ухоженного знакомого поезда, будучи зазван составить компанию и сбившись тесно в странный конгломерат свойских попутчиков полупустого вагона - радушных, любознательных, не сонных, - как оказалось, учитель, жена военного с братом-врачом, как оказалось, - феерических любителей всего - за чаем, за бутылочкой червлёного проезжая многое, и города-городки... - Волховстрой, позже Тихвин, - от размышлений над рьяно, ревностно писанным и беспечно в кругу друзей сейчас же прочтённым, сам собой родился, созрел на нашем шумно расплесканном ночном балу - за рюмкой, чай? - равноготовый укутать всех в скуку и молодецки свить в хвалу вопрос, - забрёл нецеремонно «на огонёк», повис точь-в-точь, не оставив выбора, как медведь пришёл за ответом.

И опять дома, - за неделю от одних выходных до других соскучась почти истерически! потому до краю-упаду, до обалдения, сладко страстно горяча теперь трясущуюся не из процедуры, а от непреходящего страха банную печь с ума лишившимся от клокотанья котлом - сдуру тут завяжусь! не моя работа! зря меня парите! - и вообще, - хоть бы проверил кто аборигена этого толком! - будь так, - то заботливым хозяином меняя ему воду, набирая её ковшиком в вёдра, нося из ограждённого родника, то в угоду некоторым своим мучествам восторгом воспаряя над густым самосадом беззаботных люпинов, изумленно мстясь отшельникам увядшей деревни, то, отдыхая от болтанки недели и всего предыдущего и, тихо дозрев, едва слышимо шепча, дымком, что-то зоологическое в по полностью распахнутую дверцу печи - огоньную форточку, - а затем, как балагур и атаман ширя глаза! в состоянии какого-то безумного оплетворения от комарино-слепнёвой, совсем не по-городскому обычаю акупунктуры! - поножовой и хулиганской, в любые места, - но не сму-

щаемый, не спутываемый в сей престольный час даже лёгким на помин и подъём, соблазнительным даже в парной, инополым присутствием, - а всё находясь под ка-пэ напором и ка-пэ снисходительным оком моих пленительных людей! - наконец расплываясь в улыбке, ещё, что им в чередовании полустанков и узловых, мелькании бликов и веток молча речивым и светло улыбающимся, почудилось!... - реагируя застенчиво да бычком учась тут водить всё-таки не как курица лапой самостоятельно - ведь это судьбы людские, эти бумаги, а не бумаги! И не сметь там марать! - для возвышенных друзей, крепко сколоченных ценителей всего, - прибавляю.)

(...За кадром, от автора.)

Скажем теперь же городу, помудрев после чтения:

что за вино пестовал? Что был за виноградарем?

Слывший судьёй

Судья.

Не повторяется...

Такое - никогда

повесть

*

Солнечным сентябрьским днём двое мужчин лет сорока, два друга, двое привычных один другому людей сидели на берегу реки.

Была пора вечернего клёва, и две пары удочек: короткие - ловить у берега, ставить на глубину, длинные, в три-четыре колена, взять рыбу с далекой воды, с середины, - лежали на рогатинках, толстыми концами ткнувшись в береговую твердь, тонкими склонясь к воде, и ей же кланяясь, как подмытые рекой осины. Клевало редко. Брал окунь, хватал сразу, - ловко, намертво, взаглот - и не подсекай! - никакой не сорвался, не плюхнулся обратно, выдернутый из воды, ни разу не огорчил рыбака.

Один из друзей, плотный, каштанововолосый, с коротко стриженными усами и такой же бородкой, а волосами длинными, забранными в хвостик, как у священнослужителя или популярного киноактёра, примостился у самого среза воды, на подбережье, где соломенная осенняя трава касалась волос, а водяные лопухи манили шагнуть на них, просились под ноги. Он то следил за поплавками, ловя при этом боковым, всем остальным зрением, чувствами эфиры, токи природы, то вперивался в красное, жёлтое на противоположном берегу и тогда закуривал, веял по ветру синеватый дым, выпускал восторженные вздохи, тихие,

эфемерные, хрупкие, такие, про которые говорят «почудилось», сердечно звучащие, шуршащие, как шаги травой, мирно растаивающие в окружавшей среде так же, как дым. Завидя поклёвку на дальних удочках, он восклицал - негромко! не нарушить ничего! ничего не спугнуть! - зазывал голосом, рукой, призывно обращался к другу: «Серёжа!» Или: «Серёж! Серёг! Да лови же! Да иди! У тебя же клюёт!!...»

Другой, зеленоглазый, с густыми волосами цвета выдержанного в снопах и не убранного до снега, до замёрзшей осени льна, спутанными сейчас, причёсываемыми пальцами, приглаживаемыми ладонью и оттого перевитыми, как сенная копна, но даже при этом чувствовались в них аккуратность, ухоженность, регулярная стрижка - сухощавый, подтянутый, с лицом русским, чуть непропорциональным - вытянутым, как у иконописных лиц, сидел выше, метрах в пяти и двух по высоте, от воды, у костра, разложенного на пяточке ровной площадки обросшего кустами крутояра, скрытого теперь лесом древнебережного косогора. Он читал. На зов он немедленно откликался, энергично, пружинисто срывался с места, отрываясь от книги, в которую вот уже больше часа то рассеянно, то напряжённо, то согласно кивая, то по большому улыбаясь, глядел; будто вспоминая, мечтал. Он отрывался ещё и от кружки с чаем, что поставленный питься, всё забывался и потому остывал, и потому непрерывно подогревался на углях костра и от самого костра, что истощённо дымил, вовремя не получая пищи от забывчивой руки. Он поднимался, делал вниз несколько шагов, брался за уду.

Вылавливая рыбину, друзья восторженно ухали, вместе радовались, показывали друг другу оттопыренный большой палец правой руки, вместе постояв, расходились.

«Всю рыбу проспишь!» - укорял и гневался словами, при этом смеясь глазами, первый, тот из друзей, что проводил время близ удочек, у самой воды на берегу, когда второй возвращался к костру, устраивался поудобнее на подушке из еловых лап, приваливался к стволу тут стоящей берёзы, трогал рукой кружку с чаем, вновь брался за книгу. «Не просплю» - возражал второй. Река, удочки, поплавки, друг, другой берег были пред ним как на ладони. Сзади и вокруг - лес, если растянуться на ветках - солнце, повернуться боком - уголёчки костра... Чувствовалось, ему комфортно, умиротворённо, благостно от всего этого - это внезапный его дом, в котором сегодня уютно и тепло как никогда.

Завидев, что друг его засмотрелся не в поплавки, куда-то по верх - в реку, в плывущие листья, в другой берег, - он окликал не громко: «Вади-им!» И совершенно банально, как принято, что входит в ритуал рыбалки, обычаи истинных рыбаков, мгновенно насупясь, шутил: «Ты там «родимую» не упусти! Что тогда вся рыба... Упустишь – спортишь всю рыбалку!... Она хоть на месте? Следишь? Бди».

Тот, что находился при удочках и которого звали Вадим, непременно приседал тогда, нагибался, тянулся к воде, в ней шарил рукой, нашарив, что-то ощупывал под водой, поднимался. Бутылка «Столичной», привязанная под общий их смех на две, каждый особо, верёвки и одну – обще - проволоку, с утра холодилась в речной воде. Проверив её, удостоверившись, первый поднимался так же и на шаг вверх и под кустом, в траве не менее тщательно осматривал кукуан-прут с наловленной рыбой. Второй обязательно за всеми этими действиями следил. Спрашивал: «Сколько уже?» Имелось ввиду рыб, имелось ввиду – поймано, сидит на кукуане. «Девять и четыре». (Четыре сорожки, девять окуней.) «Хм-м, что такое!... - возмущался второй. - Ни одного ерша!...» «...Да! Чёрт их дери, - откликнулся в тон ему первый. - Куда-то сегодня запропастились... Но ничего, будет, будет сегодня у нас уха! - заключал он, убирая обратно в куст ветвь с гроздьё рыбы. - Да уж, знаешь, и без ухи!...» И он оглядывался, озираал всё: словно пытался вобрать глазами! Всё, всё-всё! Всё, что кругом него: выше, ниже, даль, близ, - на этом, на том - и ещё на каком-то, видимом только ему одному! - берегу, поворачивался ещё и ещё раз, поднимал глаза, подставлял их, лицо солнцу, замирал на нём взглядом мгновенно! И - слепо, немо счастливый! - искал, искал глазами: кому счастье, счастливое состояние своё передать.

Оглядывался на друга, взгляды друзей встречались. Встретившись - и смутившись - и устыдившись излишнего, непривычного, откровенности до откровения - разбегались, но проходил миг, и они снова неумолимо магнитно притягивались, поднимаясь друг к другу. И, снова встретившись, мирно схватывались, рождая в душе немый благовест от наслаждения чувствованием себя, своей души, как частички, как участника хорошего голоса органно поющей, бушующей беззвучно гармонии в живущей природе.

Друзья ехали рыбачить. Но!... Лишь только пришли!... Лишь присели - отключились от тревожных мирских забот, вдохнули здешний воздух, зажгли костёр, огляделись в храме, умылись, смотрясь в воды...

Золотопустынность, осень, шуршащая тихость, лесная миропояющая река, одиночество на пару уединению вдвоём... - бог мой!... Мужские будничные грёзы - прозаические мечты о речке, рыбной ловле, безмятежном сидении с удочками, простом разговоре под водочку и уху - эти мечты, час за часом теснимые нарастающим, ни с чем не сравнимым блаженством созерцания мира, растворением себя в этом мире, внимания главному – своему внутреннему и вместе с тем окружающему всеобщему миру – ведь МИРУ! - в один прекрасный момент встрепнулись, крякнули стайкой поднятых кем-то, чем-то с насиженного места утей, покружились на месте, крутнулись в воздухе, взмыли вверх, ринулись вдаль, хлопая крыльями, испарились за речным поворотом - нет, настойчивые, воротились, снова кружили, снова крутились - но уж нет и нет! уже вернуться, сесть вовсе негде! незачем! – с сожалением улетели. Исчезли, не задержались, улетели, лишь поманили. И – всё: сменилось всё, пропала рыбалка. Остались - осень, яркий конец сентября, река, берега реки, ниже-выше изгиб и перекааты на поворотах, лес, костёр, друг близ тебя на солнечном берегу.

Стояла осень, был самый конец сентября.

Высоко над лентой неширокой лесной реки светило чуть греющее у земли солнце; высоко стояло над нацеленным в него, в недостижимую высь, крутого правого берега тёмно-зелёным вековым лесом, краснело, желтело, дрябло в листве левобережных ольх и кустов, ябло в опадающих, сваливающихся листьях, затухало в траве и – светило! стояло над всем! - сверху по лесу катясь на закат к горизонту.

По бледной синеве высокого снизу, из прогала реки, неба, плыли, текли, стремились, как птицы теперь, как птицы на юг, сгученные облака. Медленная река, с постоянством отдыхая в омутах, переливала себя, перебирала струи на перекатах. Тоже стремилась на юг: плыла туда, текла, наклонённая южно, влекла, собирала водички сбегających к ней каменистыми ложами родничков, легко гасила их младенческий бег, пробовала воду, принимала, хозяйкой закатывала, смешивала, настаивала в омота; божественно разделяла здешнюю землю на две половины.

-...Эх!... Эх, Серёжка!... А Серёжка? Да оставь же ты книгу! Ей богу... Да лучше посмотри! Смотри, что творится вокруг, что кругом!!!... Смотришь, смотришь – насмотреться не можешь. Вдруг горю себе: бушует осень. А? Так?

Тот из друзей, что был постоянно у нижнего берега, при воде, казалось, решился: хотел и осмелился распахнуться.

(О, если б каждому – друг и с ним - до конца!)

Тогда другой от книги - и мгновенно! - откинулся назад, привалился к стволу. С минуту заворожённо глядел, затем стряхнулся, словно очнулся, бросил веток в пепел костра, сдвинул с колен забытую книгу – она лежала уже не перелистываемая минут двадцать.

-Я не читаю, Вадим. Я тоже смотрю. Я вижу. Вижу! Знаю!

И это «вижу» второе прозвучало, как: «я согласен с тобой».

-Иди сюда!

-Нет, поднимайся ко мне!

А прозвучало, как «поднимайся сюда», мол, отсюда виднее!

Но первый замотал головой – нет, нет! - махнул рукой: иди, иди же сюда скорее! Второй поднялся, закрыл глаза, глубоко вдохнул. Аромат хвои, аромат костра, солнечно-хладный воздух!... Спустился к воде.

Они встали, плечом почти касаясь плеча, - они случайно так встали, что создавался меж ними ток и кожа, одежды легко пронзались объединённым сердечным электричеством. «Смотри» - негромко, притушая звонкие согласные слов, нот голоса, показал Вадим. «Там, - он указал рукой, и они обернулись назад, - там ты, как выше. И уже будто хозяин какой. А здесь! Здесь лучше видно, как ты мал. Здесь я на равных с кустом, с каждой травинкой. «Точно» - шепотом ответил Сергей.

И дальше стояли, молчали, не глядели на друга, откровенно радовались, открыто печалились, - сожалея о краткости жизни, сожалея о краткости лета, впитывали звуки, краски, формы, объёмы, величину.

Нет ничего величественней единения душ в безмолвном царствовании природы.

Было тихо, была тишина.

Стояла тишина, солнечно разливалась, черпалась в горсти!...

-...Бушует осень, - глядя в другой берег промолвил Вадим.

-Бушует...- вторил ему Серёжа

-Ты видишь?

-Да...

-...Тихо. Не звучно. Не суетясь.

...У меня сердце сегодня выросло в размерах. Гудит, как колокол, размахивает собой в груди.

...Знаешь, это её молчаливое, это её беззвучное бушевание разгоняет в колоколе набат. И вот: сердце расходится, разгоняется до какой-то страсти! Новой, неожиданной! И – страсти. Я поймал себя на том, что смотрю кругом, на всё, как на одно целое, и как, наверное, антиквар на безумно дорогую и безумно редкую вещь! Которую отдают без всяких хитростей, без условий. Тому, кто сможет оценить её по-настоящему. Кто оценит, как можно дороже!

-Да...

-И я не слепой! Я не могу упустить! Чувства!... Взлёт.

...Просто приглядываешься, просто смотришь – и один вид окантовки полей: красное, жёлтое, зелёное, багрово-зелёное, жёлто-красное - доводит до помраченья, упоенья. А ещё можно по отдельности, по кусочкам разглядывать всё!

Мы шли сюда – эти липы! Эти берёзы жёлтые!... В створе, как одна в одной! Клён одинокий, яблони в заброшенном саду, черёмухи в краю леса. Невероятные в этом году, зелёные с багровым, рябины. Прудик. Высох до дна и всё дно выстлано. Как ложе. Бельё постельное – листья!... Трава... А там, в деревне, под окнами – вдруг стрелки гладиолусов. Они пронзили меня!...

И солнце. А солнце?! Ах, какое солнце!... Как оно всходило!... Когда взошло, приподнялось над лесом, мне захотелось взглянуть на него. Боялся, но посмотрел. Ох!... Глаза пропали - вот как солнце встаёт. Пропали, не обожглись, пропали – исчезли в теле. Солнце, оно не летнее, нет зноя! Не парит, не жарит, не убивает. Не тяжело - нет тяжести. Оно лёгкое! Оно солнышко! Двигает, ведёт себя по небосводу. Просвечивает меня насквозь!

А небо?... Хладное, холодное-холодноватое, холодноватое сильнее. Холодная синева и жёлтая яркость. Как они!...

...Как мы с тобой: тоже и нужны, и требуются, и не мешают друг другу. Да?

-Да.

-...А в доме, у хозяев, где ночевали, там уголок кухни, тот, что перед глазами, когда войдёшь. Он с утра только и освещён. В нём

полно дерева, он полон светлого дерева вещей. Хозяин примостил там какие-то полочки, скамеечки, рамки, шкафчик... Всё из ели или, кажется, из осины. Лаком покрыты, желтеют от электрической лампочки, когда вечер. А на стене - белые обои с зелёными листочками. Красиво. Вечером, когда пришли, я сразу увидел всё это. Я увидел, как это красиво. Но и всё. А вот утром!... Утром! Когда солнце поднялось и стало лить, светить как лить в окно, все деревянные вещи начали светиться... Сзади них – белое, немного зелёного, они жёлтые. Наверное, так всегда: солнце падает – они начинают светиться.

Я слова не мог выговорить : чудо! Радость, счастье, чудо!... Восторг.

Сергей в ответ зачарованно улыбался. С минуту Вадим молчал. Потом:

-... Что такое творит с душой осень?! Отчего, как только проходит лето, как только поймёшь, что прошло лето, в сердце загорается огонёк - огонёк ожидания! Ожидания вершины осени – октября! Когда последний аккорд, когда завтра – всё! Когда завтра всё опустеет и послезавтра – зима.

... Что особенного в виде то жёлтых, то голых деревьев, отлетающих птиц, сухой травы и сухих листьев?! Что за ликование?! Отчего восторг?!

Откуда?! Что за биения в сердце?! Что за биение чувств?!?

-Так осень...

-Однажды... Да что я вру, какое «однажды» - сегодня!!!... Сегодня однажды я понял: весна – начало дороги, рождение. Как рождение всего. Лето – пути. Осень, осенний октябрь – последнее, последний шаг! Свершение, венец. И взгляд назад – на ВСЁ. И оттого восторг! Оттого восторженность. Потому что – ВСЕМ. Всем, как нынешним, как одной текущей минутой. Что было, что пройдено, что получилось, завершено... И ещё. Смутное, как из середины Земли. И глубокое. Зёрнышко, ещё только падающее семя. Летом зревшее, и созревшее, и падающее теперь в не рождающую пока, ещё, теперь землю. Семечко, ещё только семя, даже не предчувствие – ощущение предчувствия будущего! Рождения. Будущих дорог, будущих дел, будущего пути - всей жизни неизведанной! Вот.

Вот и бушует во мне. Осень.

...Я завидую, - помолчав, сообщил другу Вадим.

-Что ж? Кому?! - удивился Серёжа.

Друг Вадим рассмеялся, как удаче своей первой хитрости смеётся мальчишка.

-Себе!...

-Ух ты!

-Ура-а-а!... - хором прокричали они.

-...О! Слышишь? Лес встрепенулся.

-Слышу. Идём к костру.

*

Сидели у костра, пили чай, молчали.

Курили, негромко переговаривались ни о чём.

Поднялись, пошли сидеть у удочек, следить за поплавками, быть ближе к реке.

Солнце светило уж в спины.

...Солнце насадило сзади на заострившийся в вечернем свете лес, заходило, меркло, удалялось... При этом рисующий его свет чётче разделил краски, подчеркнул всё осеннее в природе... Царица сходила с трона, всё ложилось пред ней, опадало, склонялось, - коленями на землю, лицами ниц!...

От этого:

-...Вадим!

-Да?

-Смотри!...

Взмах руки, взгляд вперёд, вдаль, поворот кругом, восклицание, в восклицании – восхищенье!...

Вадим отозвался добродушным смешком, - тёплым, сердечным, - кивком головы, торжеством, спрятанным в уголках губ, в прищуре глаз: а-а-а! мол, понял! а что я тебе говорил! Хотел прибавить что-то и уже раскрывал рот, да... Махнул тоже рукой, - тут же вспрянул ею вверх, что-то восхваляя торжественно! «...И так ясно всё, без слов ясно! Чего говорить».

Но говорить, оказалось, есть о чём.

-Слушай, я... Я не знал тебя таким.

-Каким? -

Сергей снова показал круг них рукой – каким? Восторженным всем этим, чувствующим, - таким чувствительным, что ощущающим всё. Вадим не смутился, Вадим, отворачиваясь, радостно улыбался. Потупился, поулыбался в землю, в лес, в стороны, повернулся лицом к другу, изобразил – а вот так вот!... – лицом. Развёл в стороны руки, изобразил: недоумеваю, видишь, сам не понимаю как это, отчего. Движением подбородка показал на реку или на ту сторону реки: мол, разве это я?! Это всё она, река-осень – всё изрекла она: осень.

Что с ней поделаешь! А словами:

-...А ты, кстати, сам распалил, сам расчувствовал меня.

-Я?!

-Конечно! Кто читал в автобусе всю дорогу, а потом пересказывал, пока шли до деревни просёлком, рощами, тропой, даже когда перебирались через ручей по лаве, рассказ «Генрих» и завидовал герою - не ты?

Не ответили.

-А кто читал нам потом вслух «В Париже»? Когда мы с тобой ушли ночевать в пристройку и пришёл хозяин и сказал: «Ребята, можно мне-то с вами посидеть? Давно с молодыми-то этакими не гутарил. Туту всё старухи да старики окрест-то меня, какие у нас антересы, каки разговоры...» И мы с тобой переглянулись тогда, и достали тогда водку, стали пить её с уникальным каким-то деревенским домашним хлебом - не поймёшь: не то хлеб, не то пирог, раз каравай, но пьянеешь от одного запаха, от вкуса! И картошки варёной холодной дед принёс, и огурчиков солёных, ещё прошлогодних, сказал, что, мол, они лучше нынешних, что бережёт. И ещё экзотику нам устроил - то ли закусываешь, то ли запиваешь? - принёс куриные яйца, разбил их в чашки. «Пейте! – сказал. - Мировая закуска! Не бойтесь - от своих то курёшек. Нету туту никаких монелёзов.» Посыпали солью, пили. Сразу заварили чай. Да не наш, как выразился дед, - «дорогой», а - «евонный», «какой старуха моя в магазине набирает»: дешёвый, «Принцессу Канди». Дед бухнул заварки от души, уж не пожалел! Чай вышел!!!... То ли оттого, что много заварки, то ли от того, что на колодезной воде. То ли, что водка перед чаем всегда у меня восприятие чая улучшает, вкус к нему обостряет. Я наслаждался... Мы с тобой сидели, молчали, нам и без разговоров было хорошо. А дед под наше молчание начал дымить свой обалденный самосад и тоже молчать. Ты бы видел, какая прелестная картина у нас была. А дед ведь хотел – за тем и пришёл! - нас послушать! Сам сказал: хотел посидеть с вами да послушать, о чём такие говорят. А нам не хотелось говорить, и мы решили пошутить, отшутиться: вместо того – о чём говорят, хотели отбрыкнуться – чем, посредством чего говорят: подали деду «трубку», мол, вот чем: подали мобильный телефон. На дед, говори с кем хочешь, звони хоть куда. Но деда это не заинтересовало... Пока ты телефон из вещмешка доставал, ты и книжку выложил. Старик: а это что? А это – вот что, ты говоришь, хотите, почитаю? И начал читать. И читал нам «В Париже». Старик курит, слушает, я дремлю. Открою щёлкой глаза, по-

наслаждаюсь картиной, снова закрою. Не смотрю, только слушаю, дремлю. Дремлю, как дремлет собака: всё слышу. Слушаю тебя, междометья деда, слушаю всё, думаю о себе, о Вере... Думаю о нас с тобой... О нашем походе на речку, думаю о своём... Тишина такая!... Между твоими словами, за твоими словами, за твоим голосом – всё тишина, стеной тишина... Мышь в ней заскреблась, мешала. Как дед её назвал? Кажется, подобойная? Ничего, мол, с ними, лешими, не сделать, живут и живут... А ты сам был похож на того генерала русского в эмиграции, в Париже – как я себе его представлял. Скорбный такой, как весь бунинский рассказ. Ты был, будто скорбный, лицо вытянулось, голос, как метроном: отчитывает слова. Ты видел? Старик ушёл от нас, глаза набухли. Не ушёл - убежал! Засобирился сразу после рассказа, засуетился, забоялся, что потечёт слеза и мы подумаем: старческое. И зря. Плакали б вместе. И я. Я... Если б не водка выпитая – от водки я каменею, если б не Вера теперь у меня, я бы плакал. Но с Верой у меня теперь настроение другое: светлое! Не печалится! Не заплачется. Откуда она взялась?! Сам не понимаю. Знаю, конечно, но - не-по-ни-маю. Взялась, возникла и всё. И кажется мне, и видится мне теперь про себя: всё пройдено, всё впереди. Вот как.

Сергей шевельнулся, и Вадим, опасаясь, что он прервёт его, мгновенно протянул руку, взял друга за плечо:

-Серёж, подожди: мне будет не сказать потом. Да и постесняюсь уж, не скажу.

...Ты знаешь, я вдруг начал ощущать себя щенком. Да-да! – воскликнул он, пытаясь что-то найти, подобрать слова, найти какой-то отклик в душе, - увидеть его на лице друга. – Всего лишь щенком.

...Щенок – это детёныш собаки?

...Щенок – говорю я, это существо, которое недавно родилось. Это только что вставшее на ноги и открывшее глаза чистое создание! Живое, чистое, любопытное - новый божественный кусочек. Представь себе его! Представил?

...Вот он появился на свет, встал на лапы, вот начинает ходить... Смотрит на мир, всему с любопытством, с наивностью вникает... Вот начинает уверенно стоять, владеть своим телом... Он всё обнюхивает, всё осматривает, всё пробует на зуб - ему всё в диковинку!

...Он с НУЛЯ познаёт мир.

Он ещё никто: ни добрый, ни злой, ни сильный, ни слабый, ни умный, ни глупый... Он ещё только щенок, он детёныш... Зародыш большого!

Щенок! Человечек - дитя! Ему ещё всем предстоит стать.

...Сколько раз я наблюдал их, этих пухлых, смешных, бегущих за матерью поскуливающих малышей!... Никогда не думал, что вдруг найду такое - ласковое и неожиданное! – определение и себе.

...Я – щенок. В этом мире я всего лишь щенок...

Я понял прекрасное одно: я дорос до возможности по человечески настоящему постигать этот мир.

Я давно встал на ноги, в своей жизни - вообще жизни – казалось, добился всего. И вдруг увидел, как я мал.

Вот - шёл-шёл, шёл, добивался, стремился... Казалось, добился многого. Казалось, всего! Казалось, далеко ушёл от первого порога!...

И узнаю: всего лишь стою на пороге! Стою в новом краю, открываю в него дверь. Открываю первую настоящую дверь! Заглядываю - вижу неведомое...

...А ты? - сжал он плечо друга. - Ты... Ты печальный какой-то. Что?

- Устал я...

- Как? ... Мне кажется, ты раздёрганный. То ли ждёшь чего-то, то ли решаешься на что-то, может, ищешь. Эй... - тихонечко позвал он. - Серё-ож! Чего-о-всё-и-и-ще-ешь-то?...

... Вот оттого и устал...

Ответив так, и улыбнувшись горько, тот застыл: собой поглощённый, другом заговорённый, заморожённый, ушедший теперь в себя.

- Серёжка!...

Сергей кивнул согласно, кивнул: слышу, мол, слышу. Рассеянный и туманный вдруг начал поднимать руку, понял кверху ладонь. Сделал жест: обожди! не говори! не мешай!...

... Сейчас я, сейчас... Дай, дай минуту!...

Вадим посмотрел на него внимательно, отнял, опустил свою руку от его плеча, стал ждать. Стал смотреть на поплавки, на реку, в другой берег, вздрогнул от внезапного, беспричинного, совсем не рыбацкого – удочки-то лежали! «Есть! Поймал».

Светило погасло. Смешалась листва, лес стал однообразным, как серые панели.

Вадим вздохнул:

- Всё. Ушла на покой наша радость, ушло наше солнышко.

Они завертели головами.

- Да-а...

-Да-а...

-Дай-ка кукан! Что там?

-Нам хватит.

-Бросаем, идём к костру.

-Конечно! Пора, - пора варить уху, варить уху...

-Варить уху, варить уху...

Вместе взобрались на лужайку, на пригорок к костру. Сидели у огонька, чистили картошку, рыбу, лук, снова заварили чай. Вадим отодвинул в сторону забытую, всё раскрытую книгу.

-... Что сейчас?

-»Галю Ганскую». Не помнишь? Читал?

-Нет, не читал.

Сергей призадумался.

-Тогда жаль. Жаль... Я хотел рассказать тебе. Два раза сегодня за день созревало что-то. В первый раз просто не захотелось – интимное, понимаешь, и барьер: не переступается. Хочу рассказать – и отвлечение, и не хочу одновременно. Второй раз долго была тишина, долго смотрел на тот берег, что-то срывалось уже... Да ты обогнал, перебил... Своей «Осенью». И подтолкнул. Ты прав: осень бушует. Я завидую тебе: ты точно вписался в неё. Знаешь, я расскажу тебе: за чем, почему притащил тебя сюда. Можно ведь было поехать и в другое место, но вот... - не договорив, не подобрав слов, он замялся.

Вадим деликатно покашлял. Покашляв, предложил:

- Может, по рюмочке? По одной, по пятьдесят грамм. Для аппетита. Без закуски. С чаем. А? Остальное – под уху.

Сергей беззвучно рассмеялся: мол, ну ты хитрюга! Ведь, ты всё понял!... Наливай, хитрюга, не возражу.

Оба поднялись одновременно, - Вадим сидел от берега дальше, Сергей задержал его жестом: я схожу. Спустился к воде. Повинуясь рыбацкому инстинкту, немного постоял, приглядываясь, отыскивая на тёмной воде поплавок. Вернулся с холодной бутылкой. Снял с неё верёвки, пустил «змея», на глаз в кружки налил:

-Ну!...

-За нас.

От крепкого холодного глотка вздрогнули, оба: один – зажмурился, другой помахал ладонью перед ртом. Налили в те же кружки чай, хлебнули его, раскраснелись, зашлись костром.

...Ничего нет. Лишь дым костра, его потрескиванья, его огонь; картошка, рыба, вещмешки; совсем пропала река. Освещённый костром полукруг обступил лес. Огонь, лес, человек напротив; чело-

век, который напротив, на самом деле рядом, с тобой, вы лицом к лицу, вам тесно, вы вместе, близ; потому что на самом деле напротив, вокруг – лес. И темнота.

Огонь костра. Сергей недолго смотрел в огонь. Потянулся, взял книгу, протянул её другу, сел к нему, рядом, сел в ряд:

-Знаешь, читал, дошёл вот до этих строк - веточкой он отчеркнул строки, и как отрезало! Всё! Больше читать не надо. Не надо читать, нахлынуло своё! Дальше не читается?! Потому что ни к чему! Будто где-то витал, а тут опустился на землю...

-Нашёл ответ?

-Нет! Нет-нет!... - он протестующе замотал головой. - Я не ищу в книгах ответов. Кто-то, что-то может помочь тебе, но все ответы – в себе самом, всё – ты сам.

...Знаешь, почему я редко сейчас читаю, не читаю ничего? Не надо, нет нужды. О чём пишут писатели?! Я не понимаю. Я ограниченный человек, мне нужны мудрые проводники: поводыри. Зрячие! А не сами слепые. Когда возникает потребность читать, читаю классиков. Представь?! Я читаю одних классиков!...

Редко – не наших, чаще – российских, русских. Они чуткие, они видят человеческое. Они пишут о нём, показывают мне его, я могу у них брать! Я добираю у них, когда недостаёт своего.

Читаешь, видишь своё. А вот это всё, - он показал вокруг рукой, - как стекло. Увеличительное, фильтрующее... Или - нет!... Очищающее, чистительное. Очищающее взгляд. Видеть помогает.

...И вот сижу я с тобой на реке, внимаю всему, что вокруг, «смотрю» в Бунина, сижу в осени, слышу вдруг ТВОЮ осень... Снова читаю. Читаю – не читаю: смотрю. Дохожу до строк: «Вероятно у каждого из нас найдётся какое-нибудь особенно дорогое любовное воспоминание или какой-нибудь особенно тяжкий любовный грех. Так вот Галя...» Ну и далее. - Он поднялся в волнении, резко шагнул в сторону невидимой реки!

-Эй!!! - вскрикнул встревоженный Вадим. - Осторожно!... - Устыдившись своей откровенной тревоги за друга, прибавил: - Да и рыбу не раздави...

Сергей повернулся.

Обернулся, – немо смеялся; обернулся, - сердился, смущался, - смеялся голосом, печалился лицом, всё смешалось, жило в нём одновременно.

-Вадька! - крикнул он с деланным возмущением, намерено нарушая интимную тишину, интимную тесноту. – Ну не жидься ты,

жадина! Дай другу закурить! Ну дай сигарету! Дай покурить, ёлки-палки! Давай, давай, расщедривайся, угощай своим «Парламентом». А то – за-а-чем тебе такие сигареты, только добро переводить, ты, мол, только на реке-е куришь... А чего тебе, жалко, что ли!?

Вадим спрятал улыбку, согнал её в подбородок проведя по лицу ладонью, потёр затылок, провёл ладонью по щеке, шее, потёр грудь у сердца, улыбка сошла в сердце, на лице играл лишь костёрный огонь. Подал пачку сигарет:

-На, не стони – на...

Сергей присел на корточки, приблизился к костру. Веточкой выкатывал угольки, став на колени, тыкался в угольки сигаретой – глотал лесной дым, лесной огонь.

-...Не смотри, - не поднимая головы, попросил он. - Дай минуту. Сейчас. Справлюсь с... И...

Затягивался, торопясь курил, начал не рассказывать – пояснять:

-Эти строки – как ключ. Первый. Осень – второй. Второй и одновременно третий, потому что, как вызов на откровенность, доверие.

...И место – место!!!... Оно напротив! Вадья, ты ничего не знаешь!... Место – ещё один ключ.

...Имя Галя – ещё. Смотри! Смотри! – возмутился, когда разложил он. – Сколько... Меня и без того уже всё волновало!...

А тут – дочитал до этих строк и щёлк! Отключился. Щёлк – и своё потекло. И, - он показал, что цитирует, показал на книгу, - «теперь это дело столь давнее, что я могу рассказать тебе его с полной откровенностью». -

Он начал рассказывать.

*

-...Знаешь, наверное, в жизни каждого мужчины есть женщина, - или девушка, если это случилось в юности, - путь с которой он не прошёл до конца. До конца? До венца?...

Воспоминания о ней легки, чисты, ничто не омрачило, не успело омрачить их! И вот как-нибудь с годами... Особенно в моменты неустроенности души, вспомнишь о ней. Вспомнил, забыл. Через год, через годы – снова вспомнил. И если раз вспомнил, вспоминается уже постоянно.

...А ещё однажды - зацепит что-то, начинаешь вспоминать все мелочи, всё-всё, вплоть до её слов, губ, фигуры, одежды. Незаметно

для себя переходишь на другое, думаешь - а что, если бы вы не расстались, что бы было тогда? Что бы тогда было? Начинаешь примеряться – ты уже опытен! - начинаешь накладывать её, этот образ, на семейную жизнь, - создаёшь в уме вашу с ней семейную жизнь... Ищешь недостатки - их нет: она - воспоминания, она неуязвима! Ты можешь думать: зря вы не вместе. Имеешь полное право думать: это была ОНА.

...Жизнь идёт, всё забываешь. Вспомнится от толчка, так, мельком, вспомнится снова. Но теперь тот дальний образ становится дорогим. Самым дорогим! Самым лучшим твоим любовным воспоминанием. Так вот Галя и есть моё самое дорогое любовное воспоминание. А теперь ещё и, как кажется, грех. И не даёт покоя мне этот грех.

...Я встретил её недавно. Вот же, в эту осень. Да что я тоже!... Вот на днях встретил её. Мы... И...

Он странно усмехнулся, резко кинул сигарету в огонь. Вадим, молчаливо перебиравший страницы, заметно вздрогнул, дойдя до последней. Сергей, заметив, бросил ему:

-Ты рехнулся?! Что ты... Она жива, в полном здравии.

-Так при чём здесь «Ганская»?!

- Поймёшь, когда дослушаешь до конца. Тут важно настроение. Настроение рассказа Бунина – фон. Без него весь мой не то. Не зная, не чувствуя фона, ты не поймёшь меня! Давай, а, Вадька, прочти, а? Пойду пока, сниму удочки. Не бойся, не свалюсь. И рассказывать теперь уж не... Не отстану. Будешь терпеть.

-Только без соплей...

-Ну уж!... Как получится. Ладно, читай, я - к удочкам.

*

-...Ты помнишь Галю – Галю!... Мы бывали с ней в компаниях иногда: вспомни первый - второй курсы института. Не вспоминается?

-Да почему... Пожалуй. Девчонка такая светловолосая, длинноволосая. Роста твоего, подвижная...

-...Разная.

-...Острая на язык: отбрила меня как-то.

-...Я бы не сказал, просто с достоинством.

-Может быть.

-Мы сдружились с ней ещё в школе. Вместе в институт поступали. Только она на другой факультет. Я поступил как-то легко, она

– чуть не провалилась. Но нет, вытянула. Всё из-за меня, наверное. Надо готовиться, сидеть над учебниками, тут я: тащу её куда-нибудь, назначаю свиданья... Эх, было время.

...После зачисления - после, после... Показалось, влюбились друг в друга!

Однажды сорвались, уехали, от всех сбежали, исчезли - всё нам мешало, все нам мешали. Всё мешало нам - нам не нужен был никто. Никто, кроме нас самих. Собрались тайно, как будто каждый куда-то порознь, вместе уехали. Вот туда! – Сергей махнул рукой в темноту. - Там, на том берегу...

...Тогда там была поляна! И коса песчаная шла от берега в воду, вводила в реку. Песок мелкий, чистый! Вода чи-и-истая! Как зайдёшь, сразу почти по колено, идёшь, идёшь, идёшь - дно понижается постепенно, всё ниже, ниже, потом идёшь по грудь... Думаешь зайти по плечи и плыть, и – раз!!!... Под ногами обрывается! Вдруг обрыв. А-а-а!!!!... Жуткая глубина. Там было вымыто течением. В самом дне как обрыв: ты идёшь и – «солдатином» с кручи. Пошла душа в рай!... Страшно. Сладко. Лепота.

...Мы на пару ходили с Галинкой исследовать этот обрыв под ногами, эту неожиданную глубину.

Жара стояла-а!... Хотя и был август. Вода прогрелась за лето!... Здорово! Хорошо та-а-ак!... Ни комаров, ни слепней! Вода, песок, тишина, чистота, одиночество...

Мы раз по пять за купание возьмёмся за руки, идём. Туда... Хохочем, веселимся вначале, вначале почти бежим! Потом – а уже знаешь примерно, где обрыв, где жуть – идём медленней, не бежим, осторожничаем. Вот так: вначале бежим, потом идём, потом вообще – в полшага. Душа заранее обмирает... Глазами ищем поддержки друг у друга, переглядываемся каждые полсекунды. Как будто: «Ты не боишься?» - «А ты?» Перед концом её ладошка уж прямо впивается мне в ладонь. А если держится за плечо, стиснет, как вопьётся. На краю – сладкий ужас в глазах! У обоих одно. Ещё движение!... Тел!... И – провалимся! Оба.

...И вот через эту хватающуюся за меня, впивающуюся в меня девичью ладошку, через эти вздрагивающие от испуга девичьи глаза – вдруг! машинально! в последний миг всё доверяющие мне! - врываються в моё отчаянное сердце непонятная трезвость и необъяснимая, свалившаяся, как сверху, ответственность. Галя – вот моя трезвость и моя ответственность. Всё за неё – на мне. А она и не чувствует, и не знает! Мы шагаем, мы прыгаем, и вместе,

и не вместе. Будто, так кажется мне, она теперь под моим заслоном, за моей спиной.

...Довольные, помнится, без сил, выбираемся, - тихие, выплываем, идём по воде, выходим из воды. Галя впереди, к сухому песку бредёт, к косе. Волосы распускает на ходу: распускает, встряхивает, распускает на спину, на плечи. Я иду сзади, смотрю на неё, ловлю себя на ощущении: смотрю на неё, как на что-то своё, словно роднее мне стала.

Ещё полдня назад у меня сладко замерло бы сердце, когда вот так: взгляд на ней, на почти обнажённой... Когда взглядом касался её бёдер, спрятанной под купальником груди, талии, которую мог обнять, шеи, которую ещё не позволяли целовать мне...

Ещё час назад я бы тайно, безотчётно вождеденно, вождедующими глазами испарял бы с неё всю одежду, оголял бы её всю, позволял одеться и снова бы раздевал. Представлял, как впадинка под подбородком на основании шеи опускается на грудь, и выпуклости эти... Наверное, незагорелые, белокожие, с коричневыми, наверное - да нет, точно, не наверное! - бугорками, сосками... А от живота вниз - от живота вниз, где у меня волос полоска, у неё их нет. Но ещё ниже, как и у меня, есть... И ведь светлые, наверное, завитками идут волосы... И распушаются.

Так бы было. Ведь так до того и было!!!...

Но теперь вот иду сзади, и смотрю, и люблюсь, и как прежде руки-глаза то опущу на неё, то отведу, но плотоядности прежней во мне - ну нет!!!...

Ну что за ерунда! Даже обидно.

Смотрю на Галю так, будто это уже моя, моя женщина. Вот идёт, вот вижу её перед собой, думаю о ней. Думаю? Нет, всё не так, не думаю, конечно, потому что, конечно, это было что-то такое на уровне волн - нормальных желаний жизни! - на уровне подсознательного.

...Думаю, какой она будет через год, два... Какой, когда вдруг у неё начнёт полнеть живот - от меня, конечно!... Начнёт выдаваться вперёд, округляться... Что за бёдра у неё - не на предмет их к своим прижать! - нет совершенное!... Что за грудь, будет ли у неё молоко, много ли его будет... В общем что-то такое. Что за бред рос во мне тогда?!...

Она обернулась - я тут же замигал, будто сорина попала мне в глаз, и отвёл взгляд. Отвернулся машинально, как спасительно! Как будто она могла понять мой взгляд, могла раскусить меня. Мне стало стыдно, что я думаю так, что я вообще думаю об этом. Наверное, я

должен был думать, как овладеть ею, а не об этом: что-то вместе делать. Но я думал вообще о своей, себе девушке - женщине.

...Когда мы ходили к обрыву... Я теперь уверен: через женщину мужчина делается мужчиной. Согласись, Вадим?

-...И она ничего не заметила?

-Она? О ты знаешь, тут тоже не менее интересно! И непросто. В нашу встречу теперь, когда мы говорили обо всём, она призналась, что за исключением отца, который мужчина главный, первый, основной, который мужчина родной, человек свой – она – тогда - через меня, именно тогда, когда мы из озорства ходили глубину щупать, начала чувствовать, какому мужчине можно доверять себя. И как.

-И насколько.

-Да, именно!

...Потом!... Потом – всё как всегда на реке. Когда тепло, когда – лето, солнце... Когда двое влюблённых... Одни... Ночь у костра!... Ловили рыбу, пили чай, варили уху под ночь - всё похоже, всё почти, как сейчас.

...Ловим: сидит тоже с удочкой. Рядом, почти что возле меня. На земле, на берегу. А август всё-таки. Я смотрю-смотрю искоса, потом, как дед мой когда-то мне, выдам: не сиди ты так! Застудишься ещё! Земля-то холодная!

Она приподнимет бровки - а брови бесцветные, ресницы тоже, не окрашены, тушь водой смыло, махнёт ресницами. Руку прижмёт к земле, пробует. И не отвечает.

Я снова скажу - прикажу. Она сморщится и – фи! – сделает мне носиком. Губки подождёт демонстративно – это означает: не одобряет. Ну тогда я шагну к ней, за плечи приподниму, свою куртку под неё брошу. Не противится. Сидит-сидит, а скучно, да и рыба нечасто клюёт. И вот моя Галя начинает меня донимать: «Серёж, а Серёж. А чего ты обо мне так заботишься? Ну застужу, ну и что, тебе-то что!? Не своё ведь, не жалко.» Я посмотрю этак скося, желваками поиграю. «А может, моё!» - выдам отчаянно. У неё изумление до сердитости, до гнева: «Что-о-о!!?!...» Я: «Ничего.» Она: «Это когда это стало твоё?!» Играет. Но и на место ставит. И проверяет. И ещё чего-то, чего не пойму. «...Ишь чего захотел - моё... Ты ро...» - и вот тут она язычок прикусила. Едва успела, даже губы сжала, потому что брякнулось бы тут у неё из колкости, из простой колкости что-нибудь банальное просто так, не про меня. Скажем: ты ростом не вышел. Ну и я бы сразу обиделся, и наша идиллия была бы разрушена. А ей не хотелось.

Всё-таки я насыпился. Она тоже. Но я на неё, а она на себя и на меня.

Но я что: сижу, рыбачу, делом занят, а ей что делать? Сидит, сердится, отходит. Смягчилась, оставила свою удочку, встаёт ко мне: извиняться. А я стою, как стоял, ни шага навстречу. Тогда она подошла, стала сзади, обхватила меня руками, голову на плечо мне положила, сама прижалась к моей спине. И всё, и молчит. Молча стоит, лишь тесней прижимаемся.

Я!... Замер, не дышу!... Эти выпуклости её всего через две наши рубашки!... Груды её словно в лопатках моих!... У меня сердце!... Где-то на другой стороне реки. А может, там, где солнце сейчас: след на горизонте едва виднеется...

Бросили мы рыбачить, стали целоваться.

...Потом вечер. Я - добытчик, я рыбы принёс, я таскал дрова.

Галя - хозяйка, хлопочет, орудует возле костра.

Потом вместе хлебали уху из одного котелка. Согласись: сближает.

Снова купались, грелись у костра, чай пили. Всё вдвоём, всё вместе, всё вместе вдвоём.

...И вот ночь. У нас палатка была с собой, забрались, лежим.

Рядом лежим. То молчим, то переговариваемся. Наобнимались ещё у костра, теперь просто лежим. Палатка маленькая, лежим близко, лежим голова к голове.

Не знаю, что чувствовала Галя, а надо мной, оттого что она рядом, со мной здесь и мы одни, как витает что-то. Я полулёг-полусел около неё, вот глажу волосы. Глажу!... Вот провожу ладонями по лицу, по губам... Она не отвечает, не уклоняется, чувствую – мрёт. Не дышит, глаза закрыты. Приподнялся, полулежу на локте, начал целовать. И это уже другие поцелуи!... Губы её то отвечают, то не поддаются. Начинаю гореть, дрожать изнутри! Распахивается, раскрывается во мне что-то, стремится к ней, летит, устремляется в неё!... Жаждет. И одновременно ждёт, насторожённо ждёт ответа.

Я счастлив до!!!... До слёз. И дрожь уже физическую в себе чувствую - уже физически чувствую, что дрожу. И в Гале чувствую дрожь, дрожь немую. Чувствую: хочу Галю! Ну вот всё - хочу!... Иступление. Всё мутится, всё кружится в голове, рушатся все барьеры... Всё – уже ничего не надо мне вместе- я хочу... Уронил себя на бок, привлёк Галю к себе, она прижалась. Прижалась и боится, напряжена. Начали целоваться. Целоваться? В иступлении переступить барьер... Губам уже больно, с какой силой А поцелуи ничего не дают. Сердце!... Просто заходится в безумии.

...Это сейчас бы... Всё само собой, и всё просто. А тут... Первое у обоих. Нет привычки, нет простоты. У нас с Галей ничего не было ещё, только целовались, и есть преграда, какой-то частокол. Не даётся барьер: не могу отместить все условности, никак не могу переступить. А я ещё мальчик был такой – деликатный, как она мне теперь выразилась – всё обидеть нечаянно её боялся, поцеловать едва решился, когда впервые целовал.

...Лес, палатка, никого кругом, мы одни, и никто, и ничто не указ. Я, она. Вот и было: я и она, есть я, я сам, и есть она, сама. Хочу её, не могу приступить, взять, что-то не позволяет. Не разрешает мне что-то. Не разрешает «я сам», моё же «я» и не даёт. Почему? Что?! Не знаю что. Может, то, что она не отвечает мне тем же, не чувствует того, что я, как я. Целует и всё. Целую – целует, обнимаю – обнимает. Но – напряглась вся. Я подумал – отторгает, подумал – значит, не любит. А мне почему-то надо было, чтобы всё, что происходило у меня с моей Галей, было только по любви. А что такое любовь? А как это так – по любви? Знал я? Решил, показалось – не любит. Вот это «не любит» и не давало мне, как кажется, до конца припасть к ней, позволить всё. Но – пустое, считай, это мои домыслы, мои рассуждения.

Нам было хорошо, всё-таки оба стремились друг к другу. Да, конечно!...

...И вот моя рука уже под её курточкой, под рубашкой на груди. Но – на футболке. Полежала так, освоилась с близким новым... Подержал ладонь так, скользнул вниз, под футболку. Откуда хитроумность взялась?! Ведь приучаю постепенно... Галя заизгибалась, но нет, не оттолкнула, не отталкивает. Лежала она теперь головой на моём плече. Изогнулась, крепче прижимает спиной другую мою руку, другую руку сковывает. Я думаю, сердце моё слышала она, как своё. А сердце моё стучало отчаянно! Стучало, стучалось к ней...

Я думаю сейчас, ответ она мне тем же, теми же чувствами, что я, моё желание освободилось бы: осмелела и поднялась моя чистая, искренняя, рождающаяся любовь, в которой не было вовсе похоти.

...Свободной рукой я гладил Галю по спине. Купальника на ней не было, он сушился, я видел – на ветке висит. Лифчик Галя не надела, и вся спина её была моей. Гладил спину, но само собой скоро под моей ладонью оказалась грудь... Вот как будто голая спина – это не голое тело, а вот грудь!... Возвышение, и плотное, и горячее! И упругое, и мягкое. Грудь... Округлая, горячая... От неё горячими волнами меня окатывает!...

Галя поупрямилась, поупрямилась - под поцелуями, под ласками грудь... Отдала. И уж я, поняв это, уж я ласкал, наслаждался! Поглаживал, тискал, пробовал на ощупь, гладил, сжимал... Пока Галя не вскрикнула.

...Довёл себя – и Галю! - до того помраченья, которое разрешает всё: всё дальше...

Рука моя скользнула вниз, как только освоила грудь. Сразу – вот помню! - мелькнуло: хорошо, что Галя надела на ночь спортивный костюм, разве приятно было бы пихать ладонь в тесные джинсы... Брючки, резиночка, материя, - моя рука, её рука, - короткая схватка... И вот трусики, и ладонь моя на них. Тонкие, прозрачные, наверное, если в них искупаться и выйти из воды, - наверное, они на цвет белые, ведь они от нижнего белья. Я вожу по ним рукой, даже не глажу, вожу. Даю как бы нам обоим привыкнуть. Хочется, а не рвусь, не нахальничаю. Как будто и жду ещё чего-то: не сигнала, не разрешения, не запрещения жду – желанной ответной реакции. Вожу, потом – глажу. Вот уж Галя вытянулась! Лежит – струной струна! Кажется, миг, кажется, одно моё движение не так – сорвётся! Не запоёт струна, не заиграет, не застонет, не возмутится – сорвётся! И всё, будет конец всему: объятиям, сумасшествию, моей руке на её груди, нашей глупой, жаркой, больной, да идиллии.

Я раздвоился, когда понял это. Одной своей сущностью я продолжал добиваться Гали: продолжал ласкать, терзать, добиваться её. Ещё минута - и я бы, наверное, поглупел, я бы начал шептать ей на ушко разные сладкие слова, что там шепчут в такие минуты?!... Какая она красивая, единственная, как я люблю её и мечтаю любить её всю жизнь?... Вот бы уж смутил... Ведь она мне уже доверяла, значит, поверила бы и всем моим словам. И смутил бы, и подчинил своим желаниям, и подчинил бы себе. И отдалась. Но другая моя сущность от того, как заиграла струна под моей рукой тоже, как Галя, не меньше её напряглась. И отрезвела, и в стороночку отошла. И смотрит. Воспалённо, так, затравленно... И задумчиво. Смотрит и посторонне, и моментально всё «считает»: прошлые отношения, нас сейчас, наше будущее... И чувствует себя кисло. Представляет мне себя неким петухом, который по склонности и обязанностям природы гонится за курицей – ведь больше-то в моём желании уже ничего теперь, без Галиного ответа, не было!!!... Один «петух»... Вот-вот уже догонит!... Нас обоих с ней... Достанет, вспрыгнет, начнёт мять. И – была курица, стала клуша. А мне надо сделать из Гали клушу? Сейчас я хочу её и добыю её. И потом у нас уже каждый раз всё просто

будет. И для меня это хорошо! Желанно! Желаето, но!...

Но Галя сейчас меня отторгает, значит, что-то не так. Значит, не любит – первое, что пришло мне. Не любит... А после... этого... уж точно не полюбит. Хотя будет моей и, наверное, судя по ней, будет верна, и даже сама за мной ходить будет! Но не будет у нас с ней той идиллии, той гармонии, в которых мы сейчас: поехали сюда – всё обоудно, страстно, всё с полуслова, с одного взгляда - живём здесь, счастливо целуемся, ходим вместе к ужасному обрыву в реке, обрыву под ногами, пьём чай, едим из одного котелка... Мир наш рождал здесь нашу любовь!...

А я понял, что всего этого через минуту не будет!...

...И ещё вдруг понял: она отдала мне уже всё, что сейчас готова была отдать. И уже разрываетея, ей плохо! Она, как и я - сейчас в любовном жару. Но почти в истерике. И если я теперь остановлюсь, прекращу, она, пожалуй, другое позволит уж всё. Захочу - смогу раздеть её до трусиков – вот тут же!... Засветить фонарик, смотреть на неё, целовать... Всю-всю до одного предела.

...Интересно, как бы у нас это получилось? В обморок бы оба упали.

-Ой, Серёжка, прости, но по себе скажу - точно.

-...И рука моя замерла на том месте, где под трусиками пружинило. Где с другой стороны их материю поднимали, как стебельки, так мне казалось, пружинки упругих и светлых, наверное, волосков. Их колосья ещё не созрели... Извини, Вадька, банальность... А может, были не про меня... Я прошептал... Я прошептал что-то, прошептал униженно: ведь я отступал?! Прошептал «Галинка» и что-то ещё, первые слова за всё время в палатке, за всю ночь. «Галинка» и – не помню - что-то ещё, что-то пустое, простое, успокоительное. Даже представить сейчас не могу, что такое мог придумать, прошептать?! Она вмиг обмякла: успокоилась. Даже прижалась как будто тесней. Или мне показалось? Наверное. Показалось, так уже лежали или на самом деле за шею меня обняла? Совсем я... Наверное уже и так лежали обнявшись.

Лежим, даже обрадовались! Жар спал, болезненность прошла. Борьба ушла, снова ласка, доверие. Мир, тепло...

А рука-то моя всё там!... А мне уже там и... Прошло, не нужно! И поэтому неуклюже теперь, неудобно теперь, стыдно стало. И убрать боюсь: кажется, пошевелю рукой, а милая моя, ненаглядная моя, родная поймёт не так – решит, что успокаивал специально, что обманывал, обманул, и тогда всё пропало.

Лежу, стыдом горю. Как быть?! Тут слышу шёпот: «...рёжа, милый, руку...» Как я обрадовался! Разрешают убрать руку!... И ведь не говорит: убери руку – обидеть что ли боится? Просто руку и всё, мол, сам всё поймёт.

Вытянул из брючек руку, стыжусь уже порыва своего. Полежали, обнял Галю за плечи, целуемся. Но вот как чего-то нам не хватает. И я машинально, теперь уже точно без задней мысли, машинально опустил ладонь Гале на курточку, где возвышалась грудь. Опустил и сам напрягся – она не напряжётся? Нет, целуемся. Целуемся, вдруг чувствую кто-то руку мою за запястье взял и тянет. Волочёт ниже. Мягко, да с настойчивостью. И только когда на голую полоску Галиного живота эти две руки попали, я – чуть не рассмеялся! – понял, чья это рука и куда она мою руку несёт. Догадался, что туда, на грудь. Завела, положила, прижала. Ну тогда уж обе мои руки там по очереди побывали! В конце концов футболка на Гале задралась по самые плечи.

...Спросишь, что со мной было? Как я выдержал такую близость? Это же ад! Кошмар, физическая боль! Дело такое давнее, и нам по столько лет, что открыться не стыдно.

...Я так любил, может, вообще, может, только в тот момент, тогда девушку свою, так стремился к ней - до конца, страстно, для себя – откровенно, - что там, в палатке, от одного её полусонного дыхания на своём плече, тёплого, родного, роднящего, сближающего, то в щеку мне, то громко в ухо, УЖЕ чуть не истекал. Она заснула - я, конечно, не мог спать: во мне пожар стоял! Какой сон!!!... Такие пожары чем кончаются? В один прекрасный момент Галя шевельнулась во сне, очнулась на миг, чмокнула меня – попала в шею - влажными, почти сырыми губами, да, засыпая сразу и поворачиваясь, мягкостью своих бёдер ко мне прижалась, вжалась в середину меж моих ног. Во мне пыхнуло легко и всё: всё, что меня так будоражило, брало за горло, в голове и в паху стояло, наружу бесконтрольно рванулось, брызнуло, протекло. По мне, под меня потекло... Я упал головой в схватившем виски беспамятстве, лицом вниз в одежды, сложенные подушкой, - в глазах тёмно-жаркие круги, перевернулся, чтобы дышать, проморгался, таращась в брезентовый потолок... Смутился, устыдился, смутился ровно дышащей Галинки, стал руки свои высвобождать, разнимать объятия. Она очнулась: «Ты куда?!» Я: «Сейчас я...» Она: «Только недолго». Я: «Ладно».

Не помня себя от стыда непонятного, от какого-то страха, от стыда перед собой – «Дурак, дурак! Что ты за парень!...» – я рванул-

ся куда-то: в чашу, подалее от палатки, в лес. Сорвал на бегу с ветки свои сушащиеся плавки. И сладко мне было новым ощущением, и обидно. Обидно мне было за себя: «Слюнтяй! – не умолкал я в себе ни на секунду. – Слюнтяй, а не мужчина! Что ты лежишь с ней и слушаешь её! Надоуть её!» Так орал я себе и гадил себе в душу... Но знаешь, до сих пор это ко мне не пристало, до сих пор... А уже и тогда я знал: кричу только оттого, что излил не туда... Шучу, Вадим. Знал, что если - «нет», значит, нельзя. И пусть мне плохо, но я прав - знал откуда-то. Всегда знаю, хотя никто не учил – что можно, а чего нельзя. Откуда?!...

...Вернулся, переодевшись. Ещё ходил обмыться. Вода теплей была, чем воздух. Окунулся по-быстрому. Если б не Галино «только недолго», я стал бы плавать, я бы долго купался. Стоял ещё, раздумывая.

Вернулся смутный, даже безвольный. Ты не поверишь, я был вознаграждён! За что? Да ни за что! Я уверен, она даже не догадывалась о том, что со мной произошло. Не догадывалась ни о чём, не обдумывала, что делает.

...Вот глупыш! Ведь она не задумалась, она не знала – не знала, наверное! - мужской физиологии, ведь если бы я не... Если бы сам собой не сбросился мой жар, я бы уже так, как она предложила себя, не выдержал! Набросился бы! Силой взял – ну я не знаю!... Открытая, доверчивая девочка.

Вернулся в палатку, застал её спящей, но, показалось, она только притворяется спящей – наступал рассвет, тьма разгонялась, кое-что уже было видно. А я был чуток: нервы обострены! Мне показалось, подрагивают готовые расплыться в улыбке её губы, показалось, она усердно смеживает глаза.

У нас было одеяло. Когда ложились, мы о нём не вспомнили. Вернулся - Галя лежит под одеялом. Странно, озябла? Сел рядом, опустошённый, смутный, готовый к цинизму, готовый накопить желаний и уж – взять. Сижу, капризно дыша. Вдруг - мерещится что ли? - у одеяла приподнимается уголок. И пальцы видны: рука держит его, приглашает. Меня приглашает, значит.

Нет, всё-таки я сумел остаться собой: забрался под одеяло осторожно, как бы признавая, что Галя спит, что не заметил руки, а если и заметил, то посчитал, что спит и всего на мгновение проснулась. Лёг на спину, придвинулся к Гале деликатно. Ладони мои были холодны, я не посмел обнять её, отогрел их вначале. А обнять мне хотелось, прижать спокойно, любя обнять, ведь, в сущности, если до

конца разбираться, я был благодарен ей, и если я и хотел большего, то вряд ли был готов к этому сам. Я получил от Гали то, что она могла мне дать, и то, к чему был готов сам.

...Согрел под подмышками ладони, снова, как во всю ночь, захотел чувствовать Галю на своём плече. Вот когда сильнее всего чувствуешь женскую тебе покорность, вверенность, свою над ней, женщиной, власть и свою ответственность за неё. Мне хотелось чувствовать Галину голову на своём плече, слышать дыхание её, хотелось, чтобы она своей рукой опять обхватила мою грудь, а я своей притягивал бы её за плечи.

Просунул свою руку под её шею, переложил голову к себе на плечо. Другой – скользнул привычно под футболку: положить на грудь. Но ни-че-го из прежней одежды не было ни на плече, ни на груди! Меня окатило волной. Меня бросило в жар – Галя без одежды?!... Я мгновенно рукой вниз: убедиться! Узнать! Почувствовать всё! Завладеть всем! Как? Оказывается, всё можно!?...

Моя рука по её телу - вниз. Тут же с другой стороны другая рука: мою руку - цап! Куда?! Ты куда это, милый.

...Ты знаешь, она просто признала... ну... фактическое всё. Она сняла с себя рубашку и футболку. А по поясу брючек опоясалась бечевой. Узелок, завязанный бантиком, прощупывался сверху. Я раздумывал над этой завязкой, искал, которого не было, двойного смысла, но... Пусть я буду груб сейчас – никаких потуг переступать отведённое мне, силиться, пыхтеть, искать себе счастья между её ног у меня не возникло.

...Только годы спустя – в сравнении с другими... - я смог оценить всю доброту, всю простоту, наивность и вместе с тем – масштабность её поступка. Но боже мой! - как она не знала мужчин...

...Я сел, скинул с себя рубашку: я – тоже! В полном одурении лёг, она тут же придвинулась ко мне, стала гладить, как успокаивать, по плечу, по щеке, - не сговариваясь, мы повернулись друг к другу лицом, обнялись. Ах, картинка...

Я слышал девчоночье дыхание мне в шею, дыханье, потом даже сопенье. Галя дремала или спала. Такие салюты взлетали в моей душе!... Конечно, я не спал. Она же, я думаю, спала- так устала от «нервов».

Она не играла со мной. Всё, что касалось меня, нас, было неподдельным. Но как она играла!!! Вспоминая об этом через много лет, я восхищался. Я представлял себе, что это теперь за женщина и восхищался ею! Что это теперь за женщина! Ах!...

Уже тогда она была – Женщина. Она не романтичка: даже кида-
ясь со мной в реку, она рассчитывала свои силы. Так и тут: она как бы
показывала свои силы, отдавала мне то своё, что может, проводила черту
и играла со мной в черту. И я! Я готов был от такой своей – и терпеть себя,
и сгорать, и истечь, брызнуться снова, и бежать со стыдом ещё раз, лишь
бы – дышать ею! Чувствовать её! Лишь бы она доверяла мне. Вот правда.

...Я, помню, сел тогда. Она сразу – вот, вот видишь, я говорил
тебе, она не спала! - она сразу мне: «Что?! Что-то не так?» И села тоже
рядом. Одеяло с нас, с неё спало, стали видны её плечи, руки мельк-
нули, профиль, грудички. «Ложись, - говорит мне, - давай спать.»
«Галя, - говорю я, - можно я здесь покурю?» Она: «А...» - и легла.
Вздохнула, как вздыхают, когда выражают: не хотелось бы, да уж
что делать, ладно. И: «Кури. Серёжа.» «Что?» Вздохнула с сожалени-
ем: «Кури. Только я буду спать». И в одеяло, и в клубок возле меня,
возле моих коленей.

Я закурил. Три спички сломал. Может, четыре. Курил, как
скрывал нервный плач. «Сволочь ты! Гадёныш! Прохвост! – клял себя.
– Ублюдок! Недомерок!...» – орал себе. Кажется, что-то текло по ще-
кам - не трогал, не знаю. Прикурил от первой вторую... Думаешь, я
курил? Даже не чувствовал!!!... Дым пускал! Делал вид: курю. Играл
в: «я курю». Я курю, не приставайте ко мне, не трогайте меня, вот!

Отдышался, очистился, лёг. Как лечь? Что предпринять? Об-
нял Галю - мы, как провалились, уснули.

*

Очнулись – день, солнце; от костра – пепел; мы продрогшие
оба. Глянули в палатке друг на друга, смутились. Робко, как таин-
ственно, расцеловались. Как в спасение – и как в новую высоту! - бро-
сились в реку.

...Я и одеться Гале не дал. Из палатки вытянул за руку, побе-
жали к реке, на песке брюки сбросили: я в плавках, она в одних тру-
сиках, выше – ничего. Наплавались, набрызгались. Кажется, согре-
лись. И ещё. Что-то сверкнуло между нами, как только, когда толь-
ко проснулись, а после купания отрезвели.

Побежали к костру, костра нет. Бросаем ветки, прыгаем у него,
ждём огня. В воде тепло было, а на воздухе... Сразу озябли, задрожали.
Вот и прыгаем, ждём не дождёмся огня.

...Вот дураки! Представь: начали играть в семью!...

Ждём, пока займётся костёр, дрожим, сидим перед ним на кор-
точках вдвоём рядом, дуем под ветки на золу. То я начну Галю рас-

тирать, – ладонями, всю, - то она меня. Когда выпрямимся, прижму к себе – к себе ведь, к себе! Тру ладонями. Знаю для себя: не просто растираю, любовь свою переношу. Вот это было ощущение! Знаешь, умопомрачительным было состояние моё: настолько мне понравилось любовь отдавать!

...Прижму к себе, грудь в грудь, ладонями своими грею Галю: плечи, спина, гибкая талия, дальше ладони поднимаю, дальше пропускаю, опущу уже ниже бёдер. Опускаюсь перед ней на корточки, веду по коленям, дохожу до ступней, поднимаюсь обратно... Неловким движением смахнул трусики, тут же получил по лбу щелчок.

...А они точно оказались – белые, и после воды совсем прозрачные. И будь она тёмненькой, под ними после купания бы...

Костёр запылал, мы согрелись. Стали переодеваться. И отвернулись друг от друга. Но не разошлись. Увиделись - встретились вновь! - одетыми. И снова смутились.

...И потёк день. Купались, загорали, рыбу уж не ловили – к чему? - вечером уезжать. И – играли, играли в семью. Что это значит? Да бог его... Трудно рассказать. У меня и в настоящей-то семье такого не было, не ощущалось...

Что-то мелькало между нами неуловимое, нарождающееся, что-то неосязаемое. Как душевное, перерастающее в физическое. Наверное, так мельчайшие корешки у растений вытягиваются из корня и вплетаются в землю. Бывает, взбираешься на крутой берег, ухватишься за какой-нибудь пруток... Потом ради интереса выдернешь его из земли: на чём такая мелочь тебя держала?! Боже - сколько от основного корня волосков!... Тонкие, тонюсенькие, едва заметные, - думаю, и ещё есть - невидимые, те которые уж не берёт глаз... Они держали! Они держат, а не толстый корень!... Вот и у нас с Галей начались какие-то токи, похожие на то токи. Больше доверие, нестеснённый взгляд, родственная ненапряжённость... То я о ней позабочусь по лишнему, то обо мне она. На обратном пути реку переходили - там вброд - так когда сюда шли, я Гале предлагал перенести её, а когда шли обратно -- представь, что потрясло меня больше всего! - представь, я через день уже не мог вспомнить, как я её переносил: на плечах или на руках? Просто шли, я как шёл, так и иду, только Галя вдруг сходит с моих рук на том берегу, и мы просто идём с ней дальше. Перенёс, как свою. Перенёс, опустил. Ещё за день стали бы целоваться, раз оказались близко, теперь нет.

Я думаю, если бы вдруг нам пришлось с ней прожить месяц вдвоём, - тогда, там, на реке, - мы бы переплелись, вошли друг в дру-

га, стали друг для друга, как корни и земля, и только резкий рывок – нет! только беспощадный меч! - смог разорвать нас.

...Идём, переглядываемся иногда. Или вдруг посмотрит на меня глазами своими. «Чего?» - спрошу. «Ничего». Вдруг вырвалось у меня, вдруг сорвалось с моего языка: «Ты любишь меня?» Ещё бы за день она мгновенно парировала: «А ты?» Или увильнула. Или, как нахальству, взмутилась. Теперь – нет, глядит строго, даже хмуро, и молчит. Потом: «Не знаю...» И отвернула лицо. И медленней пошла.

Ещё бы за день такому ответу я обиделся, причём, страшно! Так бы и брели дальше порознь. Теперь нет, чуть не обрадовался теперь: это её «не знаю», как признание. Как признание меня своим, единственным. Как желание: хочу любить, кажется, люблю, полюблю.

Идёт медленно, ждёт меня – я, знаешь, оторопел, замер после слов её этих, вначале столбом встал.

Нагнал, вместе пошли. Руку протянул, руку не подаёт, будто подать руку и идти за руку что-то уже решает - что-то существенное, значимое, ответственное означает! Потом неуверенно как-то подала. Идём за руку, на взгорках и спусках помогаем друг другу. Идём, в воздухе витает: «Ты любишь меня?» Идём серьёзные, даже суровые, идём переглядываемся.

...» Ты любишь меня? Ты любишь меня?» – лейтмотив!... Лейт-вопрос!...

*

Котелок булькал, плескал в огонь уху, костёрок роптал, временами шипел и гас. Вадим держался за перекладину, поднимал котелок, спасая уху.

-...рёжа!

-Да?

-Уха!...

-А-а-...

-Берись, снимаем.

Они подняли за концы перекладину, осторожно опустили на землю котелок. Разлили водку по кружкам, пристально посмотрели друг на друга, выпили, - понимающе улыгнулись друг другу!...

(Вот! Каждому – друг! И с ним – до конца!...)

Обжигаясь, дуя на ложки, хлебали уху.

-...Совсем темно.

-Да-а.

-Домой?

-Э!...

Дорога – на ощупь, и медлительно шли. Боялись ступить не туда, не хотелось менять настроение.

Уже светились впереди огоньки, уже чувствовалась деревня, по окнам угадывали, где кухни, где комнаты, гадали в каком доме что поделывают сейчас, уже скорее запередвигались ноги, почувствовав близость ночлега, отдыха; ноги почувствовали ровно укатанную дорогу, когда Вадим стал:

-Ну, Серж!

-Что?

-...!

-...?

-Ну сейчас придём!...

-И что?... А!... Что было дальше?...

-...Так ведь – хозяйева, ужин, общие разговоры. Кто даст нам поговорить!

-Да-да... Я встретил Галю недавно. Ехал по делам, при красном светофоре, на перекрёстке, пока стоял, загляделся на женщину. Вдруг – боже ж! - на кого я смотрю!... Дошло! Доехало!... Это же она!!!...

И она взглянула, не знаю, может быть, в ответ на взгляд? Заулыбалась, рукой замахала!...

Проскочил перекрёсток, руль вправо, бросил машину на обочине. Кажется, там знак запрещающий был... Да, стоял, кажется. А-а-а-а!... Всё равно! Наплевать.

Минут двадцать мы с Галей: слово за слово, слово за слово - как два тополя на Плющихе. Потом – ну не растаеться! - друг другу: куда? «К тебе?» Жена, но не хочу знакомить. К тому же у нас... «К тебе?...» Муж, и, скорее всего, сегодня выпивши. Не хочу. Вспомнили кафе-бар неподалёку, завалились туда. Кино!...

Забились в самый дальний уголок, в полутьму: темнота – друг молодёжи. Часа четыре сидели. А может три? Или больше? Не знаю. Сидим и сидим, и не наговоримся никак. Всё перебрали. От обычного: кто, где, с кем, какая работа, сколько детей, какие дети, количество комнат в квартире, марки телевизоров друг у друга... До доверительных, доверяемых только близкому человеку, другу подробностей... И даже до упрекания друг друга в том, что с тобой мне, кажется теперь мне, жилось бы лучше - душевно лучше, теплее.

...Знаешь, бывают такие минуты между женщиной и женщиной, - когда они бывшие любовники, а теперь - и давно - только друзья, когда телесная близость ушла, душевная близость осталась, -

когда, если серьёзно нужно, можно поговорить обо всём, ничего не стесняясь, не тая. Никто не устесняется, не утаит ничего – зачем? Всё самое интимное уже было!... Вот тогда можно даже спросить совета, как вести себя, например, с другой женщиной, и получить необиженный помощь-ответ. Но – в сторону.

-...И что у неё?

-У Галя? Всё «нормально»... – Сергей вздохнул, при вздохе, видимо, поморщился или криво усмехнулся. Было темно, не видно. – Так же, как всё «нормально» у меня. Сидели, излагали друг другу: а вот так вышло в жизни у меня, а вот так – у меня.

...Мы ведь не смогли вспомнить: конкретно что нас тогда, в юности, развело?!

...А вот многие наши дни и тот день, что здесь, оказалось, каждый помнит. Только помнит – я удивился! – каждый по-своему. И помнит по-своему, и выделяет своё. Мы согласились в одном: мы шли друг к другу. Мы шли, только это было не вовремя, не в те годы. И не хватало в возрасте лет. И учиться ещё было надо... И желания, и потребности были не те.

...Когда начали в подробностях день вспоминать, когда до ночи в палатке дошли, Галя мялась-мялась, глаза опустит, глаза поднимет... Я: «Галя, что?» Она: «Серёжа, прости, но мы уже взрослые люди, скажи, как ты тогда... Такое выдержал. Неужели же не... Хотелось?» Я: «Э-э-э... м-м-м... Бы... ба...» - стал слова подбирать. Она смущение своё переварила, голову набок склонила, прищурилась, ждёт. Не дождалась, как ляпнет: «Ты что, импотент?» Тогда и я ей... «Ляпнул». Как было. Как тебе – всё рассказал.

...Ой, как женщине нравится слушать такое!...

...Как её завели эти – те - такие переживания!...

Глаз не отрывала, даже нервничала. Головой качала да слёзы утирала – от сочувствия, от смеха, смеха. Естественно, я ей не так, как тебе, я ей с юмором!... Где с юмором, где с юморком, где серьёзно... Где от себя, где от третьего лица рассказывал. Призналась: «Я потом – потом, когда замуж вышла и иногда нас вспоминала, так и подумала... Бедный... Вот баба-дура... А как я уж тебя хотела!... Да что-то не позволило».

Вот после сих признаний спокойное откровение по-любому у нас и потекло. Это кошмар: как, о чём мы говорили! Снова, как ненормальные, голая грудь в голую грудь.

-... И вы... Не были вместе?

-Представь, Вадим! Мы же ненормальные!...

Другие бы уже через полчаса... Тем более вина было выпито столько!... Друг другу бы подмигнули. А мы? Хм-м. Зря, да? Надо было ловить момент? Но опять у нас – не знаю, как у Гали – а у меня так опять сыграло что-то дальнее. Я убеждён, мы бы с нею друг в друге не разочаровались... Только... Видишь ли... Я не хочу иметь её в виде любовницы, видеть в роли любовницы, я не хочу делать её меньше, ниже. В памяти моей – вообще для меня – она в другом виде: цельная, как цельно женское всё. И я не хочу это целое дробить, кусочками отрывать – не по мне кушать кусочки.

...Официант, мальчишка молодой, ходит, косится на нас, на парочку, мы: «Молодой человек! Ещё бы бутылочку». Интересно, что он о нас себе представлял?!

...Да, был момент, когда я посмотрел на Галю... э-э-э... пристальной, чем было нужно. Она – как ждала! – вмиг отозвалась. Бровь вздёрнула, бровью спрашивает: идём? А куда? А глаза спрашивают: ты хочешь меня? Я – уголками губ: что за вопрос?! Я – кивком головы: ага. Она – носиком, бровью: вот нахал, как можно так сразу! Я – пальцем – круг по часам, поднял обе ладони в знак удивления, возмущения: ничего себе сразу?! Через час. Она пальчики сложила: фиг! Потом – пальчиками же: на, поймай! Я: воздух в горсть – хап, языком – цок, мол, уже словил. Она – выражением лица, горестно, со вздохом, с кивком головы, признавая как очевидное: да... Тогда я – уже не всерьёз, уже просто играю: маню пальцем, мол, давай-ка, лети сюда!... Она – пальчиками – демонстрирует, что поднимает за воротник блузки себя и передаёт мне через стол по воздуху: да на... На!... И веди, если хочешь, куда хочешь. Я и остыл... И она ещё вслух, словами: «Серёж, остынь... Ты не меня, ты вернуть и повторить всё хочешь. И оттуда, с того дня, всё снова начать. Мне обидно даже: ты не меня, не сегодняшнюю, такую, какая я теперь, какая я есть, ты ту свою... А где я та? А может, я не та. Не повторяется такое. Жаль – никогда». А в глазах у неё стоит: а уж как я хотела бы всё вновь, всё с того дня начать!... А словами: «Ты такой сейчас!... Ты не представляешь себя... С женской точки зрения... Мужчин не хватает, где они?!... А ты – ты просто загляденье. Если что... Я не отстану потом от тебя, уже сил не хватит оторваться. Так что, милый... Выбирай». Я: «Если так... Действительно так?... Я разведусь. У меня, Галя, признаться, уже нет семьи... Видимость». Она: «Ты знаешь... Я тебе верю. Но я боюсь за себя. И ещё – за

детей. И ещё - у меня муж слабый. Хороший человек и всё. Выпить любит. Он сопьётся. Мы... Мы угробим его. Славно?» Я разозлился, я сверкнул глазами, наверное, в них чётко прочитывалось: какое мне дело до разных мужей!... Но я уже опустил голову: да, действительно, так - плохо. Она: «И я - нет. - Помолчала. - Но если тебе... Если ты...» И - затуманенным взором: можешь считать, что я сейчас была твоей любовницей. А словами: «Будет нужно... Звони. Только на работу». «Дура!» - в сердцах бросил я. «Ну и что» - согласилась она.

...Мы о многом ещё говорили, мы даже открыли все невозможные карты и совместно строили планы, - мы, как два инженера, совместно нарисовали и обсудили проект одного здания, какого, извини, не скажу, но это был перевал.

...Расходились, как в кино... Соблюдали предосторожности. Как любовники. Да по сути ими и были.

Счёт выпал первым выходить мне. Мы улыбались, прощались. И шутили, что ещё лет на двадцать. Нет, не выдержали, поднялись вместе: хотя бы до vestibюля вдвоём пройти.

Она знала, что я не буду оглядываться, вспомнила. Пошутила об этом ещё. Но я оглянулся. Её взгляд!!!... Я пытаюсь забыть его! Изгнать, забыться, обмануть себя, успокоить! Надо забыть его: он берedit, всё время ранит душу.

Даже с расстояния в несколько шагов и через толстое витринное стекло, я понял, какую любовь она носит в себе! Неотданную, неосуществлённую! Некому было за всю жизнь отдать! А за жизнь она много любви в себе накопила, хотела любить.

Одни люди рождаются, чтобы жить, другие - чтобы любить. Любить! Вот что с Галей у нас общее главное! Она родилась уже с любовью да ещё за жизнь накопила любви. И как быть теперь? Вот что было в её взгляде: всплеск, луч любви!

...А вторым, вторым же во взгляде в спину мне была горечь. Огорчение, обида. Если бы я не знал Галю, я бы сказал: это были негодование и ненависть. Но я знал её, знал! Знал - потому что знал другого точно такого же человека: себя. В её взгляде было то, что мне, уходившему, удалявшемуся от неё, шагавшему по асфальту, как проваливаемому в асфальт, сводило судорогой нервы и губы: горечь, досада. У нас был ШАНС, мы проскочили его. ДРУГОГО ШАНСА - мы же поняли, ясно поняли с Галей это, когда говорили в кафе! - у нас, нас, конкретных людей - не будет. У кого-то другого он будет, у меня - нет, у Гали - нет. И вот мы стоим, и

вот мы уходим, и наше негодование, ненависть к себе кипят, излетают в пространство! Ну что мы за существа! Разве можно было так! Ну хоть кто-нибудь бы ТОГДА остановил, научил, подсказал!... А теперь вот досада и горечь. В пространство. Просто. Ни на кого. Даже не очень-то и на себя.

...Но теперь уже, после встречи, оба чувства как бы и друг на друга: у меня – невозможная любовь и горькая досада на Галю, у неё – то же - на меня. Любовь томящаяся, ненавязчивая, негодование горькое, «белое», не злое.

Я обернулся и всё понял сразу. И вспыхнул. То же она. Она сразу всё поняла! Махнула рукой, показывает: это я на себя, не на тебя, не думай! Я показываю, и я на себя, а она машет – нет-нет - стучит себя в грудь, показывает упорно на себя, мол, я негодую только на себя!

...Но я уже почувствовал себя убийцей. Кто отвечает за всё? Я.

...Вернулся бы. Вернулся бы и выругал её, и обнял, и не отпустил её, если б... Если бы не наше трезвое понимание, что мы упустили свой шанс, если бы не весь наш с ней разговор в кафе...

И её ответ на мои слова - слова, с которых я рассказывать тебе начал: наверное, в жизни каждого, особенно несчастливого в любви или семейной жизни мужчины, есть женщина – девушка, если встреча была в юности, - путь с которой он не прошёл до конца, - и вот с годами в душе, терзаемой самою собой, терзаемой своею любовью без ответной любви, без отдавания любви, - любовного жара, тепла, - томимую самою собой от накопившейся любви, - такой, которую отдать никому случайному нельзя! - рождается, поднимается из самых глубин, - забытых глубин, - освещается свечечкой и ею же трепещет на жизненном ветру, поёт и вызывает тот единственный, не омрачённый никем и ничем огонёк - образ. Вначале вызывает панику и изумленье: как – была?! Затем только грусть и улыбке: кажется, была...

Он не мешает, не вредит никому никогда, просто живёт. Живёт, становясь с годами всё выше, недоступнее и всё крепче, становится с годами самым дорогим любовным воспоминанием. Не часто, но ты обращаешься к нему. И уже нет различия – в печали ли, в радости. Не забыть, не вычеркнуть. Да и к чему?!... И не повторить... И грех, и не грех.

Они уже прошли и затворили за собой, заперли на ночь калитку, постучались в дом, переминались нетерпеливо у двери, лаяла и гремела цепью собака, изнутри засветили свет в сенях, хлопнула там дверь, и недоверчивый старческий голос, скорей, возгласил, чем спросил – «Хто тамо? - И ответил себе и им преждевременно: - Небось, вы? Путаники... Иду-иду... Рыбы, небось, пуд словили!...» - когда Вадим потянул за рукав стоявшего впереди него, возле запертых дверей, друга:

- Вернёмся, не исчезай. Ладно?

- А что? Да ведь позвонишь, найдёшь. А что так?

- Да так...

И Вадим подмигнул, рассмеялся дурашливо, как мальчишка, и тут же сотворил умным лицо, отчего было не понять, не решить: говорит он всерьёз или шутит, шутит... А он – он: всё одновременно.

... - Кажется, я познакомлю тебя.

- С кем?!

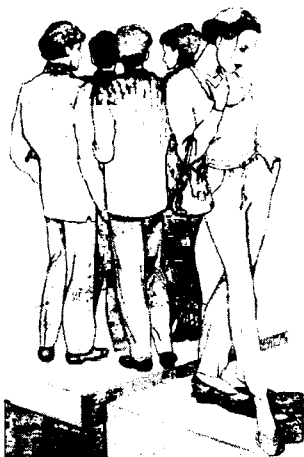
- С *Генрих*...

2001 – 2003 год

Архангельск – Усадьба Архангельское

ДУША «ПРИНЦЕССЫ АННЫ»

песня

Прости, что ищу тебя - от одиночества...
И взгляд из себя - поднимаю слепой...
Когда никого в очах! Даже - видеть не хочется.
Я всё-таки грежу тобой и собой...

Прости, что устав, - тяготеть перегрузками,
Бросая шуточные - реплики в тишь,
Смотрю я глазами! Отчаянно-грустными...
И снова не слышу, - что ты говоришь.

Прости, что ищу тебя - словно пророчества!
Прости прегрешения, - слабость прости.
Прости, что не ведая! Имени-отчества...
Плыву по теченью, сбиваюсь с пути!...

Когда я дойду - в чаше сердца останется
Наверное - счастья - последний глоток...
Но в наш родничок! Горе минется - канется...
Ты лишь поддержи - мой слабеющий ток!

Когда заслоняют мне, - тебя чьи-то плечи,
Прости, что так долго - скрываю в груди -
Такое глухое, - такое сердечное,
Такое надрывное: Не!... Уходи!...

Прости, что во все - эти дни, эти полночи,
Не веря по-прежнему - в силы свои,
Ищу у тебя я - и ласки, и помощи.
И даже - увы, безнадёжно - любви!!!!...

Прости, что живу я - предчувствием выдоха!
Когда уж сердца - наши встретятся вновь!...
Прости, что не вижу - из этого выхода...
...Прости, если нужно - прощать за любовь.

Эра осень, эро-осень

состояние

Средь бела дня родилось наваждение: потянуло к деревьям.
Иду в аллею берёз. Не знаю, за чем иду.

Иду... Прихожу в аллею... Прохожу мимо стволов...

И с каждым шагом!... Вступаю, вливаюсь в атмосферу: в ощущения берёз.

Нет – грёзам.

Миную многих. Узнал: вот моя. И встаю близко – прижимаюсь к стройной, раскидистой.

(Она – словно великолепная женщина в жёлтом сарафане, раздутым ветром страстей на привольном лугу.)

У ней - нижние ветки от моих плеч. Именно ей - да.

Пошёл... Мне захотелось... Я понял: оно проникло в меня. Оно проникло – и я ощутил состоянием мира, в котором вот уже тринадцать – и сорок три тоже - лет живу. Мне захотелось – слиться с берёзой. Мне показалось - дошёл до края: чувствования мои зашли в тупик. Я не могу глубже чувствовать мир.

А она может! И я... Но она... Как?...

Но вот: у неё нет глаз, а у меня есть. Я понял, что двигало мной: пусть она будет телом моим, - и я внемлю уже всем токам природы, - а я буду глазами её, - и она увидит мир.

Прижимаюсь лицом, щеками, губами. Тело к стволу. Замер.
Осень благодатно застыла.

Я – человек, и кажется, эти тёплые дни будут вечно. Теплится
надежда.

И оставшаяся листва питает её, и цвета – тёплый жёлтый, -
красный – любви, жизни - зелёный, - и вода ещё не сводит рук. Тихо
пасмурное небо. Нет летнего солнца.

Спокойствие мира. Я человек.

Спокойствие мира зелёное у земли, жёлто-красное выше (... мои
колени, плечи...), - белесое, серое, синее. Слышу: ВСЁ будет вечно. О, да.

Значит, будет держать меня близ Земли, греть душу.

Напитываюсь воздухом.

Дождик, не лей.

...Обернуться!

И прижаться к стволу спиной, обхватить его!...

(Нет, не лицом, не грудью прижаться – спиной!) Встать рука-
ми назад!

Так и делаю.

Всё.

Зрение мешает.

Значит, глаза – закрыты.

...Что-то произошло. Что?!

...Нижние ветви вырастают из плеч. Ой, как тяжело пояснице...

Привыкаю.

...Глаза закрыты: всё ещё не хочу видеть, всё видеть – боюсь.

...Нет-нет, глаза не видят – они не нужны больше. Мне. А Природе?...

Глаза не видят, но я ещё помню этот мир! Весь. Очеловеченный.

...Пора... И открываю глаза.

Мои ресницы – листья, мои брови – ветки-волчки. Я удивляюсь: глаза бесстрастны,
они – экран. Это глаза берёзы. Немено от этого.

...Уже немо и сознательно смотрю в мир. Чувствую, что чувствует, вижу, что
видит она.

...Улетлась моя внезапная холодная дрожь – ею пронзило от пролетевшего сырого
ветра.

Слился, обнялся, отдался...

...Жаль, не могу остаться – я уже простоял с час.

А кажется вечность.

...Мне постоянно холодно.

...Значит, должен уснуть.

Холодно взираю на одежду. Зачем она?!...

...В одеянии только намокну под дождём. Намокну, а потом мороз вместе с ним

слерёт заживо кожу.

Надо сбросить себя – слышишь? Надо сбросить листву!

...Мне совсем холодно, я замерзаю.

...Воздух цепенеет, сгущается темь. Я не могу остаться.

С натугой, трудом вырываю плечи из плеч. «Ты выдержишь... Сестра... Без под-

держки моих?»

Боюсь отлянуться – на ком чья кожа? Я уношу? Её – на одежде. Моя осталась на

коре, в листве?

Дрожь, судороги. Вырван, как листок.

Ухожу – отлетаю.

Утро! Солнце!...

И, выспавшись, смотрю за окно. Ах!... Эра вспыхнула, как
вспомнившийся сон! И продолжается.

И ВСЁ в чувствах, желаниях вспыхивает опять.

...Но идти уже не нужно! Смотрю через стекло, за окно на даль-
нюю сестру, и мгновенно через воздух осени прилепляюсь к ней.

...Вчерашние - дрожь, блаженство!... Никакие слова человечес-

кие!... Душа? Да... Никакие слова – значит, душа, её токи. А что ду-
шою? Молиться?!

«...Умерщвлена мя страстьми, оживи. Душу мою ослепшую...»

Нет. И здесь нет Того. НИКАКИЕ слова - и ни чьи - сегодня не
выразят мою душу. Их нет, не существует - выразить ту картину

души, что вобрала в себя мир и слилась с ним. И отражает. Или виб-
рирует? Или в нём живёт?

Мой сегодняшний мир – МИР.

С НИМ - слиться.

Ему - да.

...Осень. Моя осень. Средняя осень. Срединная осень.
Красная, кажется, достигла апогея.
Моя – встала в зенит.

На лесе – пустынно, на взрослом, на зрелом. Вверху трепещет. Вижу убранство молодых берёз. Другое голо. Новые запахи, парная влага в губах. Тяжю, улыбаясь, на прилесок из ив – ивушек: они – девушки восемнадцати лет. Прилесок наряжен и боек. Какие они!... Те, что хороводят, кружатся на опушке – желты. А на лугу, – что ушли, убежали, вылетели из хоровода, что стайками, лентами, оборками красят луг, – те свежи зеленообразно!

...А луг – зелён! (Взгляд в другое окно.) А яблоня под окном – с красным зелена и желта! Ветви ещё покрыты! В саду ещё, вокруг ещё – зелень, зелень, зелень!... А по ней, а на ней, а в ней – желтизна, желтизна, желтизна!...

Заодно с чувствами, одновременно с чувствованием себя капелькой этого мира, приходит, охватывает, заполняет восторг! После восторга – особенное, тихое, мирное разливается блаженство.

Я теперь – ВСЁ.

(И быстрая жалость: ах чувствовать бы вот так с самого-самого рождения! С самого-самого детства! Как бы я жил!... Бог мой!... Кем бы мог стать!...)

...Я – ЛЮБЛЮ.

Да! С блаженством и восторгом – приходит мне желание любить. С любовью – творить. Эра моя – чувствуешь теперь, слышишь, видишь меня!!!...

Все творения заливают - что это?! Они наливаются ещё красками?!...
Цвета вспыхивают! В глубину! У них есть объём!
Этот объём - эротичность.

Эра осень оборачивается: расширяется в эро- .

...Раскраснелась рябина: горит!... Чрезвычайно. Ах, я понял её: «Я – самая лучшая! Здесь, в этом свете!» («Хм-м, Так ли?») И верно. Верть кругом: никто не усомниться? И сразу: «...А-а-а-ах какая ольха!...» И рябина: «Всё... Уйду в зелёную зависть...» («Да?! Стоит!...»)

Но – и я: верть кругом! (Взгля в другое окно). Да-да-а!... Ольха стоит!... Ах!!!... («Женщина молодая».) Пышна, броская... («Лет ей... Трицать».) Самый сок, самый цвет. Что это она – выбежала из леса – выскочила?! Кто-то гнался за ней в лесу?! Убежала, съехала – не подумала отдаваться?! Вся убрана, вся одета, застёгнута тщательно. Вся зелена!

Взгля в другое окно: краснеют две... Ой!... Да их цвет же – от наготы!... Краснеют две черноплодки – рябинки. (Мне-то смешно из-за окна... А им какво?!) А они багровы от стыда: только руки прикрыты у них – по листочку – перчатке, да наброшена ночью паутинная шаль.

Всё понятно теперь мне с «одеждой».

... Ясно теперь с яблоней... Пусть от других скрывает свой возраст – я-то знаю: ей сорок пять. И сердита она – в виду черноплодок: всё лето жеманилась, а теперь страшно при них быть неодетой!

Формы! Формы уже не те! – не девушка... («Брось!... Я буду любить и твои шестьдесят... Ну что ты?...»)

...Красны от стыда черноплодки... Девчонки, ни одной выпуклости... Но так приятно глазеть... Клён! Эй, клён – ты тоже видишь?...

Клён куда-то подевался?!... Как снял одежду, так и пропал, словно ушёл. Не найду за рябинами?! Что творится?!...

Что ж, нет мужчин здесь, у осени. – слившееся ранее с летом, резвится одно женское начало в природе. Берёзы, липы, ивы, рябины, акации, ольхи, ольхи... Всех любить хочется.

Любить хочется. Всё любить хочется. Всё-всё-всё. Всё это блаженство. Страсть – новых желаний!...

Оставляю дом, оставляю сад, прохожу луг. В лес.
Сколько белых стволов!... Дрожь обещаний.
К кому прижаться?!... Теряюсь.
Шагнул... Внемлю...
Вот-вот...

...И стволы
доступно белеют телом...
И листва... Шуршит под ногами
накрахмаленной простыню...
И губы влажны повсеместно...
И я - я - ветер... -
любовник всё трогает, обнимает...
Ему - до сна, до весны - слиться... - его
наваждение меня забирает... -
с самой зрелой
из уснувших
бездетно
берёз.

*Константину Георгиевичу Паустовскому,
моему первому сказочнику,
посвящается*

*маленькая повесть - резонанс
его настоящих человеческих сказок*

«Хлеб – творят» -
говорили за рекой,
через которую не было пути.

Митя был маленьким и всё наблюдал.

Папа был строителем! Он строил дороги и мосты.

Папа считал: мужчина должен строить, создавать! Творить! Он – творец!

И должен после себя обязательно что-то оставить! Что? Конечно - большое, нужное! Что служит всем! Делу! Применяется в жизни, помогает, используется! Может быть измерено! (Тоннами, километрами...) Надёжно и долговечно.

(«Вот Папа».)

«...Митя, смотри. Что мы видим? Точно, правильно: дальше дороги нет. Держись крепче – тут колени.

...А теперь? Теперь мы видим обрыв!... А дальше – река!...

А на том берегу, Митя, тоже люди живут. И как им быть?... Им нужно ездить, ходить! Они сорок километров едут в объезд, Митя! Представь себе только - сорок!...

Поэтому - мы сделаем здесь мост!

Это будет большой мост! И очень сложный мост.

Смотри. Видишь, столбы из реки торчат? Это сваи. Через два года я снова тебя возьму сюда – ты уже будешь уверенно ходить – и проведу тебя по новому мосту.

Держись крепче, сын, машина разворачивается... Держись, держись тут одни ухабы, да колеи...

...Ты, Митя, когда вырастешь, тоже будешь строить мосты.

...А может у тебя будут - свои «мосты»!...»

Тут Папа замолкает. Тут...

(«Папа задумывается и только улыбается».)

Мама была!... Ой, - Мама была мамой, и уже больше никем не хотела быть.

Она никогда не задумывалась - Мама не задумывалась над тем - Что должна после себя оставить. И её совсем не интересовали перевоплощения в километры, тонны, гектары или рубли. Она любила Сегодняшнее. Она желала строить - что признавал Папа - один сегодняшний день, собирая его, как гирлянду, букет из счастливых минуток.

(«Вот Мама».)

«...Митя, Митя – опускай сюда ручки, да-да, сюда-сюда: в раковину. Знаешь, как моют посуду?»

(«Ой, как Мама серьёзна».)

«А-а-а!... Не знаешь?!... Да ты что шутишь?!»

(«Ой, как Мама смеётся».)

А ещё льётся по рукам тёплая вода. Приятно всё.)

«...Ладно, Митя, так и быть, я тебя научу. Ты должен это уметь и знать. Ты должен всё уметь и всё знать! Как Папа.

...А ещё, Митя, - ты должен вот что знать: я ещё буду мамой. Чтобы у тебя обязательно были братишка и сестрёнка. И ты за ними ухаживал.

Что ты так на меня смотришь?!... Ты совсем как Папа: такой умный и наивный.

...А потом – а потом, а потом Митя!...

(«Мама смотрит в потолок... «Любит «Мечтать», сказал Папа».)

...А потом я буду бабушкой.

Ах, какой я буду бабушкой, Митя-а!... Чудо! Ты бы знал! Бабушка – мечта.

Почему? Потому что!... Потому что я буду такой, такой!... Такой же, какая была у меня. Но нет, - раз я знаю, какая была у меня, значит, я буду ещё лучше. И ты тоже поступай так!

...Я буду такая - добрая-а... Мягкая-а... Но очень строгая.

(«Мама опять смеётся».)

Но мудрая. И ласковая.

...Приветливая-а!... С пирогами!... Чайами!...»

Мама прижимает к себе Митю.

(Мокрые руки. Горячая щека.)

Мама гладит, обнимает, целует.

(«Снова Мама смеётся. Нет, теперь Мама уже хохочет».)

«...Я вам буду печь пироги, а вы мне, а вы мне... А вы мне – внуков. Смотри, Митя - чтобы у меня обязательно были внуки!... Но это потом. А сейчас!!!...»

Мама считала - чувства, ощущения, эмоции – ничего не исчезает! Ничего не исчезает, всё остаётся!... Всё остаётся, накапливается в доме - там, где живёшь - наполняет дом! Над этим надо трудиться, работать, - над счастьем нужно трудиться также ежедневно, также упорно, как...

Она поясняла Папе: *«...Над очередным мостом. Счастье – это ведь тоже дорога! И тоже мост».* «Да-да, - в будущее» - пояснял Папа.

«И ты, Митя, тоже наше счастье, и тоже наш мост – наша дорожка в будущее» - сообщали они Мите.

Ещё была Квартира. В которой Все жили. Так называл Квартиру Папа. А Все – это Папа, Мама и Митя. Или Митя и Папа. Или Митя и Мама.

Мама называла Квартиру: Наш Дом. Или просто – Дом. Домом занималась Мама.

Ещё была Дача! Дача была высокой Травой, по которой можно долго ползти или шагать. Конечно, если тебя крепко держат за руку.

Папа огородил Траву Забором и сказал Всем: «Здесь мы построим домик. Или дом. Посмотрим. Это будет у нас Дом - дача».

А Мама сказала: *«Значит, здесь тоже будет наш дом – другой наш дом».*

Ага, - значит, будет ещё На Траве Дом. Или Дача-Дом. Или – Другой наш Дом.

(«Да, посмотрим».)

А ещё был - Хитрый дед.

Хитрый дед иногда проходил с палкой и ведром за Забором.

Когда Хитрый дед замечал одного Митю, всегда махал рукой и кричал. И вот что он кричал: «Ну что, карапуз, сидишь – побежали! Кто – кого? Ай?...» Или: «Ну что – растёшь? Расти, расти. Вырастешь, научу глину месить да кирпичи класть. Оно и будет около дела. Хочешь?...»

А когда Хитрый дед видел Всех вместе, то останавливался и громко ворчал. И вот что ворчал дед: «Ну, ребята... Чтой-то вы медленно строитесь... Давайте шустрей! А то, вот, Творец заберёт меня на небеса, и не успею вам печку скласть. А какой дом без печки?!... А как хлеб в ём творить?! А пироги печь?!...»

Впрочем, «хитрым» назвал деда Прохожий. (А, - ещё был Прохожий.) Прохожий всегда проходил мимо. И говорил Всем: «Вы смотрите, того... Держите с ним ухо востро - это хитрый дед... Из Всего может корысть извлечь... Он из Всего норовит корысть извлечь!... Он меня обманул! А как – сам не знаю!... И вы того, - не допустите...»

Митя смотрел на Всё, как один большой Глаз! Так говорил Папа. А ещё, Митя был - так говорила Мама - как губка: он Всё вбирал.

В Доме за ужином постоянно происходили Разговоры.

-...Этот новый мост через Чернаву...

(«Это Папа, он решает Всё».)

- А что такое Чернава?

(«Это Мама, она помогает Папе решать Всё».)

- Это такой ручей. Но разольётся – река!... Так вот, этот мостик – мост, как всегда, нужен всем, как хлеб. Срочно! Прямо сегодня! Да, конечно, я понимаю. Я тоже - я, как и все понимаю: он нужен уже сегодня! Да нет – он нужен уже вчера!...

- Ра?! - над своей тарелкой удивляется Митя.

- Да, вчера, - понимает Папа. – Или ты – о солнце? О Ра? Да, он нужен не меньше, чем Ра, чем солнце. И нужен ещё вчера. Так выражаются взрослые.

...Так вот, это факт. Но я не понимаю людей, которые в данном случае мыслят одним днём. Я считаю, совершенно необходимо сразу рассчитывать его на две полосы! А не делать в один проезд, как узкоколейку!

(«Ничего не понять. Но Мама внимательно слушает».)

-...И надо обязательно камнем просыпать береговые сходы. Иначе через год полотно провалится, через три - будем расширять мост, а через пять вообще всё ломать и делать заново.

- Во... - («Ложка во рту. Поэтому...») - Во... - вырывается и у Мити.

- И я о том же... Вот-вот, - важно подтверждает Папа. - Подумать страшно: какие затраты!!!... Сколько денег на ветер!... Сколько лишней работы, сколько лишних денег... Кстати! А как у Нас с деньгами.

(«Это тоже Разговор».)

Мама!...

(«Как Хитрый дед».)

Начинает много и весело обо всём говорить. Папа прекращает есть, потому что начинает внимательно - и ещё: с любопытством - смотреть на Маму. Отчего Мама всё лучше «прячет глаза». А потом - перестает есть. Она откладывает ложку и вытирает губы. И ещё: вздыхает. Тогда на папином лице появляется Выражение: «...Как нет?!...» Мама разводит руками.

...Иногда Мите думалось, что Папа когда-нибудь рассердится!...

И ударит кулаком по столу. И громко скажет Всем: «Чтоб я больше такого не слышал!... Выражаюсь понятно?...» Как это делал Папин Дед, когда приезжал сердиться на Папу. Или Все вскочат и, опрокинув тарелки, будут кричать. Как это вышло в Соседнем Доме, куда Митю привели на праздничный обед.

Но Папа не делал этого никогда.

Папа начинал ждать. Мама вначале низко наклонялась и хитро глядела в свою тарелку. Затем Мама начинала улыбаться своей тарелке, - улыбаться, улыбаться, - поднималась, и, приговаривая - «Вы ешьте, ешьте...» - уходила в соседнюю комнату. И очень спешила. Оттуда она выносила коробку, пакет или свёрток. «Вы посмотрите, какое чудо!...» - обычно с восторгом (Да! Ещё было Чудо! Ах, нет - ещё был Восторг! А потом - Чудо.) Всем объявляла Мама.

Чудом по очереди перебивали: картина, подсвечники, гроздь винограда (которую не съесть, она висит теперь на стене, потому что виноград - «Это наша фамилия, Митя»), цветы в горшочках, толстые книги. Не упомнить всего... А иногда Чудо само приезжало (из Маминых Восторгов к Маме) на маленьком грузовике. Тогда Папа с Ма-

мой вдвоём вносили Его в Дом. Самым последним Чудом явилось кресло. Кресло качалось. «Спасибо!... - Тогда растроганно сказал Папа Маме. – Вот это да... Вещь!...»

Дом наполнялся Вещами.

И от этого тоже происходили Разговоры.

-...Расскажи, чем же знаменит этот художник?...

(«Это Папа».)

Папа обращается к Маме. А Митя сидит на папиных коленях, потому что сам Папа удобно устроился в Чуде-Качалке-Кресле. Папа покачивается в кресле, а сам рассматривает очередную Мамину Вещь.

-...Я ничего не слышал о нём.

-Ты что!...

(«Это Мама. Мама умеет «восклицать!»)

-Зачем о нём слышать?!... Я как только увидела его картины, сразу поняла: это солнечный человек! Его полотно осветит наш Дом! Даже ночью! Даже в хмурый осенний дождь, когда везде-везде-везде слякоть и так хочется солнца!...

- ...Даже при задёрнутых шторах...

- Да! Хочешь, задёрну шторы?...

- Конечно!...

Конечно, я понимаю, - это гипербола, но давай попробуем! Ужасно интересно.

(«И Папа не шутит».)

- Задёргиваю... Вот видишь!...

(«Кажется, Мама «торжествует». (Это Папино...))»)

- Стало темно. Я ничего не вижу!

(«Зря Папа не постарался: кое-что можно рассмотреть».)

В другой раз:

-...Как ты не понимаешь: я не собираюсь гоняться за известностями!

(«Это Мама».)

- Этот мастер – я сразу поняла: он очень светлый человек! В его подсвечниках не обязательно зажигать свечи... Вот почему, ответь...

(«Это Мама. Папе».)

- Что?

- Почему ты всё время сидишь с книгой в этом кресле? Почему?

- Ну - не всё время...

- Нет, но всё-таки.

- М-м... Мне как-то хорошо в нём... Настроение!... Хорошо читается... Как-то даже лучше думается...

- Вот!

(«Это Мама. У неё снова «победа чувств над разумом». Она торжествует».)

- ...Я так и знала!

- Что же ты знала?

- Ты бы видел этого мастера!... Ты должен обязательно побывать у него и увидеть его. Это мудрец! Он не работает, он строит! Создаёт! Он - творит!

- Да? Но всё-таки, он строгаёт и пилит? То есть, мастерит.

- Да.

(«Мама соглашается. Но... У Мама есть «но» Сейчас...»)

- Но - все мастера, а он - творит!... Подтверди, Митя, мы же у него с тобой были.

Дом наполнялся Чудо - Вещами. Митя сидел на них, ходил между ними, - брал, трогал, ползал, играл, смотрел, касался, спал. Слушал Разговоры.

Митя Наполнялся.

Но Дом наполнялся не только Вещами. Иногда Дом наполнялся Людьми: Папа и Мама любили Людей.

И снова, после вечернего чая втроём, происходили Разговоры.

(Митя внимал.)

-...Дивный вечер – ах, дивный вечер!...

(Это Папа. Он ходит по комнате. Он закинул руки за голову и блаженно улыбается. Митя тоже умеет так!)

-...Но только жаль, - жаль, жаль: как жаль... Как мы могли забыть пригласить Колю и Люсю?!...

(Папа разводит руками и всё ходит по комнате. Мама разбирает Мите постель в Чуде. Сейчас это будет - кровать. Митя готовится спать.)

-...Я был уверен: ты и им позвонила. Я был совершенно уверен!... Конечно, вышел экспромт - и это здорово!... ..Это здорово, когда есть такие друзья, - когда можно вот так с друзьями: мгновенно, быстро!... Возникло настроение – позвонили одним, вторым, третьим - взяли и собрались!

...Но как мы забыли?!... Я ничем не могу объяснить!

- А и не надо объяснять.

(Это Мама. Она сейчас перед Митей.)

- Мы не забыли, это я не позвонила.

- И ты забыла... Как жаль.

(«Ага, Папа Маму ещё не понял».)

-...Нет: я просто не-поз-во-ни-ла. Их обычное кислое состояние всегда отравляет атмосферу. Сейчас они опять в плохом настроении: у них почти горе.

-Ну и что?!...

(Это Папа.)

-...У людей проблемы, мы должны их поддержать!... Мы должны помогать.

- Давай помогать.

(«Ага, Мама, кажется, соглашается. А вот пуговица почему-то не соглашается с Мамой».)

- Но у них всегда Проблемы. У них из всего!... Проблема. И – я бы тебя просила.

(Мама целует Митю, Мама укрывает Митю Чудо-одеялом.)

- В наш Дом их пока не приглашать.

- Ого!...

(Это Папа.)

...Иногда Мите казалось, сейчас произойдёт взрыв! Папа взорвётся!...

И все начнут кричать! А кто-то – кричать и плакать, как это было на Даче, соседней с Маминой дедушкиной. Митя видел. Или Папа скажет: «Оставь своё мнение при себе». Как рекомендовал Мамин Дед Своей Маминой Бабушке. Когда та долго с ним не соглашалась. Тогда происходила Картина: Бабушка застывала. (Мама говорила: «каменела») И очень похожая на статую в парке удалялась. А две её кошки, которые всегда любили тереться о Митины ноги и пролезать под Митины руки, изгибаясь от усов до кончика хвоста, тоже «удалялись». Вместе с ней. Хотя Дед громко кыскал их. То есть: призывал. Он приказывал, звал! Но они всё равно бежали за Бабушкой. Кото-

рая их любила. «Нет мне с ним счастья...» - уходя жаловалась Бабушка Всем. (И Мите?) Но она так не жаловалась: она «хлопала дверью». «Да... - ворчал тогда вслед Бабушке Дед. И как Папин начальник - смотрел сквозь Митю. – Нету...» И делал губами так, как делает мыльный пузырь. Когда лопается. Или как это делают огромными своими губами лошади в парке. «П-п-р-пу... Нету!... Митька прят...»

Но в Доме ничего похожего не происходило. Никто не «каменел» и не «удалялся». Даже наоборот. Папа и Мама обычно встречались в середине комнаты. Их фигурные тени, нарисованные на стене, напоминали Мите два растущих рядом дерева, которые всё время мягко поглаживают друг друга.

-...Почему?

(Говорило одно дерево другому.)

- Ты должна мне объяснить. И им.

- *Нет, - отвечало другое. - Только тебе.*

- Рассказывай...

- *...И вот почему. Это всегда несчастные люди. Это просто: несчастливые люди!...*

- Так, так...

- *У них всегда – ты заметь! Ты заметил?...*

(При этих словах одно дерево, меньшего роста, начинало постукивать своими ветвями о ветви другого.)

- *...У них всегда несчастья и проблемы. Заметь это!...За те пять лет, которые мы их знаем, то - бронхит, то менингит... То машину разбили, то машину украли... То обои отвалились, то сверху протекло, то снизу закапало.*

- Ты утрируешь.

(Второе дерево, кажется, обвивает первое.)

- Но, как говорится, тенденция налицо. Я заметил.

- *Мне не до тенденций – они опасны.*

- Даже так?!... Откуда ты знаешь?!...

- *Я чувствую.*

(Большее дерево отступает и некоторое время молча двигается по комнате. Тёмный лес. И меньшее дерево молчит.)

- ...Теперь мне ясно...

(Деревья снова смыкаются.)

- *Что?*

- Почему Виталий не появляется – носа не показывает у нас! –

целый год! А раньше бывал каждую неделю.

Теперь, когда я звоню ему, он всегда ссылается на что-то совершенно объективное. Обычно – «Прости, не могу: страшно занят, дела».

...Как это произошло.

(Меньшее дерево накренивается на большее, - первое на второе, второе его поддерживает и обнимает. Начинается тёплый, мирный, убаюкивающий шелест – ажурный... Не разобрать.)

...Ты должен меня простить...

- Я тебя прощаю...

- Однажды...

- Год назад, да? ...

- Да, я...

- Ты выставила его.

- ...Да.

- Он пришёл...

- Как всегда нервный...

- За ним водится...

- Как всегда – раздражённый, усталый... Я думаю, он очень устаёт от этого. И уже – почти злой...

- Меня не было...

- Сказал, подождёт тебя...

- И? ...

- Я хотела провести его на кухню...

- Поставить чай. Но...

- Но пока он изливал на меня...

- Но нет же!...

- Ну да – как обычно: вообще куда-то...

- В пространство...

- Свою желчь в нашем коридоре...

- Коридор по-твоему переполнился. И ты...

- Мне стало плохо.

- Ох... И...

- И я сказала ему...

- Я представляю...

(Тёмная туча с мокрым дождём опускается на самую-самую землю.)

- ...Нет, - я встала, как та хохлушка в анекдоте...

(Но дунул весёлый ветер!)

- Руки в боки?

- Да.
- Вау!... И...
- И сказала...
- Стой-стой!... Виталий Владимирович...
- Да, именно так.
- ...Стой...

(Ветер заходил кругами.)

- ...Сейчас... «Наверное, Вы хороший человек и наш друг. Но...»
- Да!... Но - Вы человек вечно раздражённый, вечно сетующий

и какой-то!... Весь постоянно несчастный! И...

- Я прошу...
- Я прошу Вас. До тех пор пока...
- Это состояние у Вас не пройдёт!...
- Как ты догадался - да! В моём доме!...
- ...О! В «моём»!...

...Да - он по-другому бы не понял... Не появляться.

- И – гуд бай, май лав, гуд бай... Бездушная...

(Дерево покрупнее запевало и начинало раскачивать другое дерево. И тихо приговаривать - говорить.)

- ...У меня ребёнок, а Вы, Виталий, негативно на него...
- Нет же!... У меня – муж, который должен строить...
- О!...

У меня сын, который должен набираться и расти...

Я с таким трудом создаю им нужную атмосферу!...

- И себе.

А как же!...

- А Вы, Виталий, её постоянно разрушаете.

Причём каждый раз! Каждым своим появлением!

- Я представляю его испуганные глаза...

(Теперь дерево поменьше становится ветром. Его мысли носятся вокруг большого дерева.)

- Он ничего не понял!... Ничего - ничего – ничего!...

Ещё бы!...

- Он считает, что можно думать что угодно!...

Ты должен знать: я отважу от Дома всех несчастных, несчастливых, дурных, недобрых...

- И так даль...

...Кстати, ещё: он тебе завидует. Это ОЧЕНЬ плохо.

- Я не знал...

Мы останемся одни.

- Пусть!...

Но неправда, не мы же одни...

А другие – почему не трудятся?!... Ты думаешь, я не устаю?!

Но я же не ною! Счастье нужно создавать, это труд!

- По-твоему – трудный, упорный.

- *Не лёгкий... И ты бы, кстати, не позволил мне «сидеть дома», если бы...*

- Не знал, что это того стоит.

- *...Счастье нужно в Доме так же, как...*

- Достаток.

- *Да. Как твой заработок на хлеб наш насущный.*

(Дальше Митя засыпал.)

Однажды Папы долго не было: он уехал Далеко. И вот что произошло: вдруг Мама загрустила.

Одним вечером она села к чудо-пианино, а Митю взяла на колени. Она нажимала Митиным пальчиком на белые и чёрные клавиши, а сама очень тихо грустно пела. И вот её песня: «Солнечный круг, небо вокруг. Это рисунок наш с Митькой. Нарисовали мы на листке. И написали везде. Пусть всегда будет солнце. Пусть всегда будет папа. Пусть всегда будет Митя. Пусть всегда буду я». А когда Мама ложилась спать, она вздохнула: «Ну когда же мы снова будем все вместе...» Так Митя узнал, чего хочет Мама.

Однажды Мама заболела и её Долго не было. Поэтому Митя всё время был с Папой, который не уходил на работу.

Тогда вечером Папа грустил с Митей: «Как там наша Мама...» А утром ходил по Дому и волновался: «Что же я сижу! Я должен работать!» Так Митя узнал, чего хочет Папа.

Папа, наконец, приехал, а Мама выздоровела.

Наконец, Дом наполнился.

(Митя это уже понимал.)

Митя уже понимал, когда произошло следующее: начала наполняться Мама!

Мама начала наполняться и носить широкое платье. За которое было очень удобно держаться, и про которое Папа говорил непонятно: «Митькино...».

И ещё: на Траве (Даче) вырос Другой Наш Дом. Мама сразу «бросилась» наполнять и его.

В это время: Мама перестала брать Митю на руки и часто вместо Мити гладила свой наполненный живот.

Митя не знал, что думать, и думал: как и всё у Мамаы, живот наполняется чем-то добрым и весёлым. Наверное, снова счастьем.

Однажды Митя с Мамоы были на Даче и Митя долго думал про Мамин Живот. Он смотрел на него: что же там?! Мама это заметила и долго смеялась. Даже хохотала. Она объяснила Мите, что скоро у него будет сестрёнка. Тогда Митя решил наблюдать дальше.

Но в этот день на Дачу прилетели воробьи. И Мите пришлось думать о воробьях. И вот в чём дело! Однажды!... Мама рассказала Мите про воробья, который принёс другой маме счастье. Его звали «Растрёпанный воробей». Вот почему Митя стал думать про воробьёв. Митя смотрел: прилетел с ними Растрёпанный? Прилетел или ещё не прилетел, а перехитривает Ворону? Митя считал, надо чтобы и Мама он принёс букетик счастья.

Но всех воробьёв напугала ворона. А ворону испугал дятел. А сам дятел улетел от Прохожего.

Мама объяснила Мите, почему дятел стучит по дереву. Потому что у дятла острый крепкий клюв! Острым крепким клювом дятел пробивает кору. Он достаёт из дерева вредителей - насекомых. Которые - портят, потому что едят дерево. Но насекомые глубоко прячутся. Поэтому у дятла длинный, как змейка, - Митя видел змеек на картинках, - тонкий язык. Длинным тонким язычком дятел выуживает из дерева насекомых. Которых и ест.

А ещё (тоже объяснила Мама) есть очень маленькие птички, которые сами размером с насекомое. Их называют птички колибри. Эти Птички Колибри могут, как стрекозы и как вертолёт: зависать в воздухе. Даже на одном месте: у цветков. Почему они так «висят»? Клювом они раздвигают у цветов лепестки и пьют вкусный сладкий нектар. И очень жаль, что люди так не могут.

А ещё в тот день на Дачу пришёл Хитрый дед. Хитрый дед проходил мимо и когда увидел Маму, остановился. Он стал покрикивать и качать головой. Что он говорил, вот: «...Какая красавица!... Ай да красавица!!!» И ещё: цокал языком. Сам же Хитрый дед был маленьким и сморщенным. В руках у него всегда были палка и ведро. Мите думалось, что в ведре он всюду носит с собой свою хитрость. А палку берёт, чтобы отгонять всех от своего ведра.

Мама подошла к калитке и долго разговаривала с Хитрым дедом. Видимо, был Разговор. После Разговора она открыла калитку и Хитрый дед направился в дом.

Митя уже знал, что Хитрый дед «везде сунет свой нос». Так предупреждал Прохожий. Но нет - посмотрев на деда вблизи, Митя решил: раз дед, как маленький, ему тоже интересно Всё.

Так и было. Хитрый дед всё осмотрел.

- Ну и как? – спросила Мама.

- Хорошо. Славно.

Дед почему-то перестал посмеиваться и шутить.

- Всё у тебя славно, красавица, всё хорошо!

- Спасибо, - скромно ответила Мама.

- Хорошая из тебя бабка выйдет, - неожиданно сказал Хитрый дед.

Мама потупилась, а Митя звонко рассмеялся.

И Дед звонко рассмеялся. И сказал:

- ...Поверь старому.

Хорошая. С пирогами и блинами.

Одно плохо.

- Что?!... Что?! – встревожилась Мама.

(Мама будто заклохтала. Как курочка, которую Все видели по дороге на Дачу.)

- Что?!...

- Печки у тебя нет! – серьёзно ответил ей Хитрый дед. – Печки в доме твоём нету, а я уже совсем стал плох. Вези скорее кирпич, сложу вам печь. Да не простую – хлебную. По тебе вижу: хлеб ты створишь.

Мама робко поправила:

- Хлеб ведь – пекут.

- Всё-то вы знаете... - ответил ей Хитрый дед. – Пойду я. - ещё ответил Хитрый дед. – Через неделю приду. Чтоб кирпич был! Ух я вам, разбойники!... - И стукнул своим кулачком по столу. – И ещё. Печника положено кормить. Не забывай! Больше я с тебя ничё не босьму.

...А хлеб, милая, не пекут, хлеб – творят!

Как Мама научилась делать хлеб, для Мити с Папой осталось загадкой.

Приходил Хитрый дед, жил в «Другом Нашем Доме». Из глины и кирпичей дед складывал печь. Мама готовила ему еду.

Хитрый дед долго клал свою печь: всё чего-то хитрил. (Как и предупреждал Прохожий.)

Однажды Дед весь день шутил и балагурил. То с Мамой, то с Митей. Даже казалось - Дед совсем маленький. Но вот в чём была разница: Митя играл, Митя не уставал, а дед весь день «был в трудах». Значит он уставал. Иногда он от усталости даже пускал дым изо рта. Вот как он уставал.

И вот как-то дед снова сел на кирпичи и снова из него пошёл дым. Было понятно: дед доволен и хочет поговорить. А Мама вышла. Тогда дед стал говорить с Митей.

Вот что он сказал.

«...Ты как думаешь, парень – отчего я этак стараюсь?

...Не знаешь, чай. За деньги, а?

...Деньги я, милой, все уже заработал. Скоро бот, думаю, складывать будет некуда, вот какая беда... Вот вишь – даже карманов на штанах нет. Где, думаешь, у их карманы? А дома забыл...»

И глаза у Хитрого деда стали такими хитрыми, что в такие щёлочки ему было даже не посмеяться. И он не смеялся.

«...Я, парень, себя на Земле хочу оставить. Всё, что сделал когда, всё это я. И у вас буду я: вот тут».

Так Хитрый дед назвал свою печь, потому что он ткнул в неё пальцем.

«Чтоб, прозябнешь когда, будешь когда греться у печи, будет она тебя греть – и меня хорошо вспомнишь. Так?

...Уразумел?

Вот. Это-то мне главное-то и надо.

...И ты: когда будешь чего творить, делай так, дабы тебя потом токмо добром поминали. Это для мастера самое первое главное.

А не для добра так лучше и не берись, лучше уж живи, гаврош, дармоедом.

...А как жить – знаешь? Не знаешь?!... Небось думаешь, прознать трудно.

Трудно. Вон эко сколько людей не знает и мучается. Но ты – хитрый парень,, Похитрей уже папки с мамкой будешь. Я-то, мальчиш-кибальчиш, наскрозь тебя вижу. Ты меня поймёшь. Потому – чтоб ты долго не искал, я тебе скажу.

Вот что знай: нисколько не трудно!

...Думаешь, почему я вот печи кладу, а? Потому – талант мне такой – дар! – даден. А раз дан, значит, надо отдавать. Дар–то, как говорится, даром, да за него потом Спросится!...»

И дед поднял вверх указательный палец.

«Вот я и служу ему. Как солдат!...

Знаешь, как солдат служит! Ух как! С ревностью! Со страхом! Переживает за свою службу!...

Вот и ты: найди, что у тебя за талант. Да и служи ему.

Тогда и жизнь – Свою проживёшь. И жизнь твоя – сложится.

...А он тебе сам всё сложит! Да как складно!... Ты только знай, служи.

Вот в чём первая премудрость жизни.

А вторая – о душе своей: всё время пекись да всё время думай!

А не о том, куды, как и чтоб... Брюхо да мощну успеть набить. Как всякий прохожий мимо открытого склада.

...А что такое – душа. Что, думаешь, уж так никто и не знает.

Но мы–то с тобой, родная ты моя душа, – мы–то с тобой знаем?»

Так Митя узнал, какую хитрость всегда носил с собой Этот Хитрый дед.

Когда дед уходил, то сказал (Это он Маме.): «Эх – жаль моя «старая» померла... Она бы тебя научила. А уж я что смог, что видел сам, всё тебе обсказал. Твори, красавица. Старайся. Пытайся. Пробуй».

И наступил день, когда Мама за ужином таинственно промолвила:

- ...Пробуем?...

И Папа тихо промолвил:

- Пробуем... Да.

...Но это же праздник! Может, позовём друзей?

- А вдруг не получится?!...

(Это Мама.)

- Ну и что!... Разве в этом дело!...

(Это Папа.)

- Ой, нет - я переволнуюсь. Давайте первый раз одни, сами.

Вот как получилось всё.

Мама собрала Всех в Кухне. Все - Папа с Мамой и Митей - соби- рались на Дачу, в Другой Наш Дом.

Мама была очень строгой. Мама очень строго посмотрела на Всех (на Папу и Митю) и сказала: «Сейчас я расскажу вам, как будем пе...» Тут Мама запнулась. Когда она продолжила, она сказала: «Как будем делать хлеб».

(И вот её Разговор.)

«...Тот, кто делает хлеб, должен быть очень добрым человеком. Очень.

А ещё - это очень ответственный человек».

«...Да». Добавил Папа. «Это точно».

«...Тот, кто делает хлеб, он встаёт раньше всех - очень рано. Потому что вначале надо затворить опару. И дать ей походить. А потом на опаре замесить тесто.

Тесто тоже должно походить: Тесто должно подняться. Высоко. До самых краёв! Вот видите, какое ведро?» И Мама показала всем ведро.

«...Я специально купила новое эмалированное десятилитровое ведро. Оно у нас в Доме будет только для Теста. Для хлеба.

Все - посмотрите, где у ведра дно». И Мама показала, как глубоко у ведра дно.

«...Теста будет всего ничего - на Дне. А подняться ему надо до самых краёв. Вот сколько работы у Теста!» И Мама ещё раз строго взглянула на Всех, Митю и Папу.

«Продолжим экскурс» - робко попросил Папа. Он уже не был Главный. Ок-ко...

Мама строго ответила: «Да». Мама разрешала. И продолжала.

«...Когда Тесто поднимется, его нужно обмять. Обязательно. Не проколоть, а обмять. И обязательно руками.

Обязательно хотя бы один раз дать подняться и один раз обмять.

Затем нужно затопить печь». Здесь Мама как бы указала Всем на чудо-Печь.

«...А Тесто – разложить в формы. Вот, смотрите, я купила две формы. Но это формы для кексов.

...Самое лучшее, конечно, капустный лист. Но его у нас нет. Тогда самое лучшее – самая обыкновенная чугунная сковорода. Или кастрюля».

И тут Все (Митя с Папой) совсем (это Папино) стушевались. Они стушевались от Маминых знаний. А Мама не заметила, потому что она «была углублена», Мама продолжала:

«...Пока печь у нас топится, хлеба поднимаются у нас уже в формах».

Мама так и сказала: хлеба. От этого Папа начал удивляться. Ок-ко...

«...Печь протопилась, её закрывают. И дают ей выстояться один час.

...Нет, не совсем так - нашей печи один час.

...После этого ставят Хлеба. И ставят их примерно на сорок минут.

У нас Печь маленькая, поэтому мы будем вынимать Хлеба и поворачивать. Для чего. Для того, чтобы все бока пропеклись одинаково.

...А затем проверим готовность обычной спичкой».

И Мама взяла с полки спичечный коробок. А из спичечного коробка достала одну спичку. И внимательно посмотрела на неё сама.

При этом: Папино лицо стало озабоченным. А Папины глаза стали прищуренными. Теперь Папа озабоченно глядел на Маму. Папа недоумевает?

«...Если Хлеба готовы, мы их достанем, вынем из форм». Мама повертела в руках формы.

Ок-ко... Папина озабоченность, кажется, усилилась.

«...И уложим Хлеба на чистую разделочную доску. Вот - дед принёс мне свою доску». И Мама показала Всем широкую доску.

«...Мы укроем Хлеба чистым листом бумаги, а сверху ещё – полотенцем. Вот Полотенце. И оставим остывать.

Сразу есть не надо, мы не будем. Потому что остывание у Хлеба тоже входит в процесс. Это тоже стадия приготовления. Вот - всё».

И Мама опять строго посмотрела на Митю и Папу. От Таких Маминых знаний они совсем оробели. И молчали.

А Мама тогда продолжила. Свой «экскурс».

«...А приготовим мы два простых хлеба и один - сладкий, с маком.

...И на всё это мне потребуется пять часов или четыре. Так?»

«Так...» - робко произнёс Папа. И посмотрел на Митю, ища поддержки. И Митя с ответным чувством посмотрел на него.

Ниточка понимания сразу нашла себе игольное ушко.

«...Ребята, - вдруг жалобно проговорила Мама. И лицо у неё сделалось тоже жалобным. – Можно я не буду вставать в такую рань...»

Связанным Мите с Папой показалось, что Мама вот-вот захнычет, а потом заплачет. Как это иногда делал Митя. Который

был пока маленьким. И который поэтому всегда был с Мамой. Поэтому и Митя скуксился тоже. И потянулся к Маме. От этого Ниточка потянулась за ним. Теперь Митя с Мамой жалобно смотрели на Папу.

Папа встал и прошёлся. (Но Ниточка не разорвалась. А натянулась. И потянула клубок. Который покатился за ней.)

Папа!... Озабоченно потрогал свой подбородок. Папа озадаченно почесал затылок. После этого Папа остановился и сказал. Нет, кажется, он – решил! Потому что он снова был – нет, стал – главным. «Что ж... Давайте печь днём». И рассмеялся.

И Мама вдруг расхохоталась и обняла Митю. И Папа расхохотался и обнял Маму. И Все расхохотались и обнялись. И Ниточка крепко-накрепко свила Всех в свой Клубок. («Об этом надо подумать».)

«...Как я понимаю, печь будем на Даче. Раз Печь там» - посчитал Папа.

«...Да». («Ой, как важно!») Вот как Всем ответила Мама.

(Папа): «А потом поедem Домой и съедаТЬ уже будем Дома. То есть, Здесь».

(Мама): «Да. Это важно».

Папа снова прошёлся. («И ему непонятно: Мама о чём?»)

...Мама подняла из ведра руки. В ладонях лежал светлый ком.
- *Тесто.*

Папа расширил глаза и сказал:

- О! -

Мелькнуло Почтение.

Митя почмокал губками. Из них крендельками полетели сделанные им круглые «о-о-о».

Почтение приостановилось.

Мама взглянула на Папу и удивилась. И глаза у неё округлились.

Почтение решило, что здесь ему место. И решило не улетать.

...Мама оторвала от Теста кусочек-комочек и положила в рот.
- *....Вкусно как!...*

Митя сейчас же раскрыл свой. Митя протянул к Тесту ручку и пожимал пальчики в кулачок.

Папа посмотрел на Митю и сделал также.

Мама подумал и оторвала от Теста ещё кусочек. Мама ещё по-

думала и положила кусочек... Снова себе в рот.

- А нам?!... - поёрзал на стуле и высказался Папа.

- А!... - крикнул Митя

И между ними выстроился мост Весёлого Нетерпения.

- ...*Фиг вам*, - хитро ответила Мама. Глаза у неё лучились.

- ...Так – та-а-ак... - прищурился Папа. – Помнишь, Митя? «Мы ей... А она нам фигва-амы рису-ует...»

И к Мите по мосту Весёлого Нетерпения гурьбой козочек из-за реки, куда к будущему своему мосту возил его Папа, побежала весёлая Ирония.

...Мама сняла с ведра марлю и... Папа поспешил сунуть в него нос. И!...

- Ай!... – вскрикнул Папа.

Шквал его неподдельного Изумления стайкой воробьёв, вспугнутых с лужайки вороной, порхнул к потолку. И даже поднял Потолок. Мама поднесла ведро к Мите.

Митя хотел нагнуться, чтобы увидеть Тесто на дне. Но ему пришлось отпрянуть: Тесто, как Мамина Бабушка руками свои пухлые щёки, подпирало края!

- А-а-х! Х-а-а... - вдохнул и выдохнул Митя.

Чувства первооткрывателя искрами бенгальского огня полетели всюду! Брызнули на стены, на потолок, как в ванной - вода из ладошки, - раскатились по полу, как горошины из стакана, который упал, - прилипли к окнам, как бабочки, - и кажется, даже заполнили все углы. А одно свило красивую, блестящую при утреннем солнце паутину и само повисло на ней.

«Другой Наш Дом» начал Перепополняться.

...Мама разложила Тесто по формам, показала его Всем и отравила Всех (Папу и Митю) гулять.

Папа носил в чудо-песочницу песок, а Митя требовал глину! Ведь из песка не вылепишь тесто.

Митя лепил хлеба и раскладывал их на досочки. И наблюдал.

Из Трубы Дома выходил дым. Ветер собирал Дым на Солнце. Солнце просвечивало его насквозь, пропекало его и лепи... (На этом Митя запнулся.) Солнце само Творило из него облака. Створенные Облака уплывали.

Так Митя открыл источник и узнал причину появления облаков.

...Из Трубы перестал идти Дым.

- ...*Скорей, скорей!*... - Мама подпрыгивала на пороге. И её Наполненный Живот тоже подпрыгивал вместе с ней. – *Идите скорей сюда! Идите скорей смотреть!*

- Осторожнее! – крикнул Папа. – Тебе так нельзя!

- ...*Зя!* – И Митя крикнул Маме.

Но Мама лишь смеялась.

- *Вот видишь!* – (Это она Папе.) - *Можно!*

Однако Ответственность уже с двух сторон обняла её и повела к стулу.

- ...Ой... - произнёс Папа. – Как это...

- ...*О-к-ко...* - подтвердил Митя. И поднял одну бровь. Что вместе означало: вот это да! Ничего себе! Дело серьёзно.

Тесто возвышалось над формами...

- ...В два раза, - оценил Папа.

Митя подтвердил:

- *Ок-ко.*

А Мама прошептала:

- *Всё удаётся!*...

- Да. - Папа высоко, Папа торжественно поднял одну из форм.

У стены!... У стены, возле которой стоял Папа (Митя точно, Митя воочию наблюдал это!) возник памятный обелиск Неуверенности в себе, своих силах - страхам, сомнениям.

...Мама надела рукавицы и засунула руку в печь.

- ...*Всё. Достаяю.*

- Вынимаешь совсем?

- Да.

Вдруг:

- ...*Ай!* – крикнула Мама. – *Жарко! Калёно! Помогайте!*

Папа надел рукавицы, а Мама отошла.

Папа с улыбкой достал из печи формы. В них лежал...

(Ой-ой-ой... Мама села.)

- ...*Хле-е-б...*

(И Папа сел...)

- ...Да: это хлеб.

Митя замер.

Гирлянда Счастливого Потрясения, как радуга, которая удивила Всех после одного дождя, зажгла свои разноцветные, всех – «каждый... охотник... желает... знать!...» - цветов лампочки. И поднялась над этим Домом, широко опоясав его, как городскую новогоднюю ёлку.

Митя видел, Мама это поняла - потому что в глазах у неё появились такие же, точно такие же, только очень маленькие счастливо светящиеся огоньки.

Папа снял рукавицы и протянул их Мите. Рукавицы жгли, но Митя всё равно постарался надеть их. И надел. Потому что тоже хотел Творить! Как Все!

...Папа постукивал пальцами по столу, а сам, как на новый мост, смотрел на хлеб. И ещё, потом, как на хлеб - Митя это почувствовал - на Маму. А потом – на Митю.

И Все переглянулись. И сошлись.

Арка Любовного Единения триумфально воздвиглась над Этим Домом.

(...На ней выросли цветы, с цветов слетала пыльца, пыльцу пропекало солнце, от солнца прилетал ветер и по велению синего неба помогал солнцу собирать её как в облака, - и уносил.

Митя был как лучик собран и внимателен, но так и не смог понять: что это за Облака и чего - Источник.)

- ...*Что же я сижу, - задумчиво проговорила Мама. - Надо же его укрывать!... Митя. Может ты укроешь? У меня - сил уже нет.* – И посмотрела на свои руки. Которые действительно устало лежали.

Папа вдруг поднялся и вдруг поцеловал Мамины руки. Которые вдруг задрожали. И Маму. У которой вдруг побежали слёзки из глаз.

Мама легла на диван и гладила свой живот. Она улыбалась. И она плакала.

Митя не мог плакать, потому что был занят: он не мог найти причину и источник слёз.

Папа не плакал, потому что он всё светлее улыбался. И гладил Маму по волосам.

Митя видел, как Узы их любви сплетают вокруг них свою узорную сеть. И вот! У этой сети не было ни начала, ни конца, ни входа, ни выхода.

- ...*Я так боялась, - жаловалась Мама. – Раньше я всегда думала, что сами, - своими руками хлеб пекут только боги... Я вся выдохлась... Я полежу, ладно?...*

- ...Хлеб – ТВОРЯТ, - поправил её Папа.

А Митя внимательно на него посмотрел.

...Они ехали Домой в автобусе. Но Митя уже знал! Что автобус не едет по дороге.

Это Мама - вот Мама: «Какое блаженство...»

И Папа - вот Папа: «Какая чудная дорога!... А какие мосты!... Ох, какая дорога - будто материковый базальт! И гладкая!... Это тысячулетний гранит под ногами».

Да - Дорогой им всё время служили их Светлые Чувства. В том числе Чувство удовлетворения Всех своей жизнью.

...Дома они сели за стол: Папа с уважением отламывал Хлеб, а Мама с Митей ладошками собирала разбегающиеся крошки.

Они пили чай, вкушали свой хлеб - ели хлеб, рассказывали были.

И к ночи

весь хлеб был съеден, остались лишь крошки.

...Те крошки по энергичной Митиной просьбе были высыпаны на балкон: всем растрёпанным воробьям!

И вот для чего. Чтобы они попробовали! Чтобы они тоже были довольны! Чтобы они были сыты, и хорошо летали, и не ослабевали от голода, - и хотя - лето, но всё равно: пусть они клюют, едят и наедятся на всю зиму, - и у них будут силы летать, и... - «Ко... Во... Ба... Зи... Ать». Но главное – понимание, понимание!!! И жесты - доступные всем детские жесты!

Хлеб был съеден, хлеб исчез, ни в сумках, ни на столе, ни в Доме ничего от него не осталось.

(...Когда все в Доме заснули... Когда Мама укрыла Митю одеялом, когда Папа с Мамой укрылись одеялом - и все замерли, и тихо лежали, почти не дыша, в своих обычных постелях...

Когда все в Доме заснули,
их души обычно,

как каждую ночь – полетели:

очиститься, набраться новой энергии, прикоснуться к Творцу, -
увидеть, как иные отлетают к Нему предстать за ВСЁ с ОТЧЁТОМ,
уладить разнообразные другие свои дела...

В эту ночь все не вылетели из Дома;

и долго, -

всю ночь до утра с наслаждением, -

как кошечки, когда мурлыкая трутся о ноги любимых хозяев,
когда сами глядятся, выгибая спинки и пролезая под руки - трутся
всей шёрсткой, от усов, от ушек до самого кончика пушистого хвоста, -
разливая нежнейшим урчанием довольство и благодарность, -
как маленькие птички колибри, - когда подолгу зависают над
полным цветком, и тонкими клювиками раздвигая бархатистые лепестки
пьют солнечный нектар, олицетворяющий природное счастье...

Всю ночь до утра они –

тёрлись об ахи... изумлённые восклицания... восторженные
точечки – охи... перевивались с гирляндами волн, оставшихся от
счастливых мурашек по телу... наперегонки пролетали под узлами
скрепляющего всё любовного единения... смаковали солнечные
виноградные гроздья детского восторга и зрелого восхищения...
катались по граниту удовлетворения собой... проходили под
арку... свивались в сети... чистились о наивность... набирались у
одарённости... -

набирались новой энергии на новый, будущий день, -

всего - у творчества, созидания, любви... -

по очереди раздвигали лепестки – дружеские улыбки... -

и, потеснившись, уступали место другим - усталым, не имеющим сил,
не умеющим счастье (несчастливым), ищущим участия и поддержки,
и прилетевшим сюда, на новый источник, издалёка...

Сегодня

нашли все здесь то, за чем каждую ночь летали, летели:

нашли все и пили нектар безупречнейшего качества счастья.)

(...А душа Хитрого деда, успевшая отлететь на небеса, с удовлетворением и блаженством тоже... Словно бы мурлыкала всем в такт... Оттуда... Находя с ними там, внизу - на Земле - как всегда, как обычно, недоступное всякой прохожей душе, своё особенное хитрое удовольствие.)

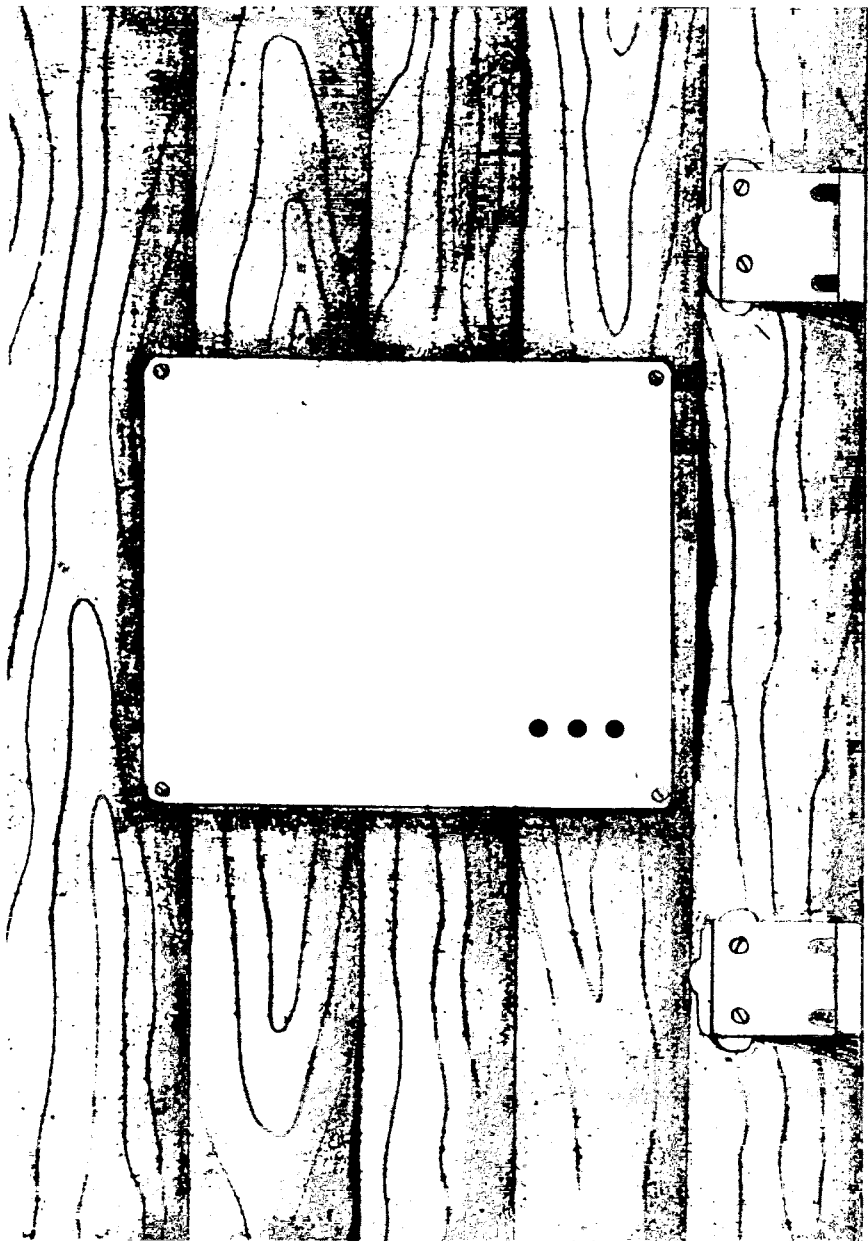
...Митя пока был – маленьким, и единственным: кто всё наблюдал.

январь - март 2004 года

Усадьба Архангельское

Содержание

Об авторе	5
Рождение	6
В эпистолярном жанре	16
Судья	56
Не повторяется... Такое - никогда	70
Душа «Принцессы Анны»	104
Эра осень, эро-осень	106
Хлеб	112

Рождением этой книги я обязан исключительно своим друзьям, она не входила в мои планы. Я пишу «способом наполнения кувшинов», как сам его называю. В этом году «расставил основные кувшины» и теперь регулярно, почти последовательно их наполняю. Для тех читателей, которых заинтересовала моя проза, публикую полностью свою писательскую программу: вы будете знать, чего ожидать от меня.

ДОКТОР ХАС

Писательская программа *(по состоянию на январь 2004 года)*

Книга 1 «ДНЕВНИК» стихи

Имеется в рукописи

Книга 2 «Маленькие Опыты, Первые»

повести и рассказы

Сделана, завершена, издана в 3-х экземплярах.

Книга 3 «Принцесса Анна. Сказ о женщине»

Сделана, издана. Необходима доработка, включение новых рисунков и новое издание

Книга 4 «Проба пера»

повести и рассказы: «Рождение», «Злодей», «Изменник», «Ситуация «Майкл», «Конец Принцессы Анны», «Судья», «Гурман», «Милый ненавидимый любимый», «Не повторяется. Такое – никогда», «Моим друзьям»

Сделана. Нужно издавать.

Книга 5 «Знание, игра, воображения»

повести, рассказы: «Мастер», «Пал Иваныч...», «Нечто», «Поверхность Мёбиуса», «Wotan of Moon», «Мелодия «Крёстного отца», «Хлеб», «Интуиция», «Спорщики», «Эра осень, эро-осень». И другие.

Вероятно будет в 2-3-х томах. Делается

Книга 6 «Настроившиеся и Намерения»

роман о том и тех, кто и как настраивается на жизнь, а также: писательские намерения автора в литературе, «второй тип» женщины писателя

Продуман полностью, делается

Книга 7 «Маленькие Опыты «Map & hitan»

«безымянные» повести и рассказы о свойствах и возможностях человеческих: «Математик», «Щенок», «Должник», «Праведник», «Гений», «...бог»

Продуманы идеи, написаны части, отрывки

Книга 8 «Мечтатели. Или - Молись, Дружок, Молись, дружок...»

роман (о людях, умеющих мечтать, любить, трудиться и творить, и создающих своё родовое поместье)

Проработан в идеях, вчерне, продуман сюжет, написаны отрывки

Книга 9 «...Это – жизнь!»

роман о любви

Написан полностью, имеется в черновике

Книга 10 «Скромный русский обед» или

«Для иностранного – и иного странного – читателя роман о русской жизни. XX-й век»

Идея, вчерне сюжет, несколько отрывков

Книга 11 «Русские пришли» или

«О чём не рассказал Рекс Стаут»

детективный роман

о завершении сыскной деятельности Ниро Вульфа и его помощника Арчи Гудвина, их злоключениях в Вологде и Вологодской области и счастливом отбытии в свою Америку

идея, сюжет, подготовительные материалы, отрывки

Книга 12 «Литературизированный дневник

неблагодарного мальчика»

(повесть из дневниковых записей мальчика 11-16 лет)

Самая сложная книга. Есть только идея

Биографическая справка

(От составителя)

«Доктор ХАС» (литературный псевдоним) – Халов Александр Сергеевич – родился 30 мая 1960 года в г. Грязовец Вологодской области в семье учителей и учительской династии. До 17 лет жил в Грязовце. Окончил среднюю общеобразовательную школу. Окончил музыкальную школу по классу «фортепиано»; играет на пианино, баяне, гитаре, мандолине; руководил школьным вокально-инструментальным ансамблем. Был участником первой Всесоюзной смены юных техников в «Артеке». В пятнадцать лет по итогам областных математических олимпиад направлялся в Математический интернат при ЛГУ в Ленинграде, но предпочёл остаться дома.

С семнадцати до двадцати восьми лет находился на кадровой службе в Вооружённых Силах СССР. Окончил высшее военное училище в г. Ленинград, служил на вычислительном центре главкомата войск Дальнего Востока.

Основная гражданская специальность «инженер по радиоэлектронике», специализация: «системный программист операционных систем IBM-360/370».

Заочно окончил Народный университет искусств по курсу «Техника фотографии».

В 1988 г. по собственному желанию уволился из армии. Майор запаса. Имеет награды.

После увольнения работал фотографом, готовился поступать в Иркутский госуниверситет на факультет общественных наук.

В конце 1988 г., находясь в отпуске в родном городе, принял участие в выборах, победил и был избран первым секретарём Грязовецкого РК ВЛКСМ. Три года работал на этом посту. Участник 21 съезда ВЛКСМ. Член бюро Вологодского обкома РКСМ. В КПСС состоял с 1981 по 1991 год.

В начале 1991 г. распустил районную организацию ВЛКСМ, создал альтернативную молодёжную, став на общественных началах её руководителем. Последний «Первый» Грязовецкого комсомола.

Далее был разнорабочим на стройке, безработным, два года работал сельским землеустроителем. Занимался журналистикой: публиковался в районной газете «Сельская правда», областных - «Русский Север», «Красный Север». Первые рассказы опубликованы также в этих газетах.

В 1991 году приобрёл пустующее старинное здание школы в сельской местности. Восстановил его, построил к нему дорогу. И с 1992 года живёт там постоянно. Имеет свою землю, трактор, автомашину. Начал с сельского хозяйства, пришёл к мастерской.

С 1993 года профессионально занимается работой с деревом. В настоящее время мастер по дереву. Как мастер известен за пределами области, многократно описан районной, областной, центральной прессой. Самая известная работа – кровля охотничьего дома шоу-бизнесмена Сергея Лисовского в Горках-10 под Москвой.

Считает, что из дерева может создать всё, однако больше привержен к малым формам: бытовые предметы, мебель, художественные изделия. Отрабатывает свои формы обычных вещей. Любимая область работ - токарные работы по дереву.

Увлечения - скрипка, английский язык, кладка печей, хлебопечение, виноделие.

Литературным творчеством занимается с 16 лет; именно тогда написан первый рассказ и первые стихи. До двадцати двух лет писал стихи. Литературный псевдоним «Доктор ХАС» взял в 1999 г. при написании сказа «Принцесса Анна». В 2000 г. «Принцесса Анна» издана отдельной книгой. Получила положительный отзыв Ольги Фокиной. В настоящее время готова к изданию вторая книга: «Проба пера. Рассказы, повести». Профессионально заниматься литературой начал в 2003 году.

В своих целях - Целях жизнедеятельности - помимо выполнения писательской программы в литературе ставит перед собой задачу создать и оставить после себя: - исследованную родословную, - дневник жизни, - мастерскую по работе с деревом и подробное описание её, - в дополнение - маленькую мастерскую вин, и как один из главных итогов жизни – усадьбу - родовое поместье.

Сейчас на базе Усадьбы и Мастерской создается АО -Учебный центр для людей, мечтающих вернуться жить в природную среду, в котором можно будет приобрести навыки самостоятельной жизни в сельской усадьбе, умения в нескольких ремеслах, развить свои способности, организовать затем собственную мастерскую.

[70p]

